ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“ 1936 г.

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Голубая чашка—*рассказ А. Гайдара. Рис. П. Митурича* 3
Песни английских детей—*С. Маршак. Рис. А. Брея* 16
Веер Тенгу—*японская сказка. Обработала Н. Фельдман. Рис. Ю. Кискачи* 18
Рассказы о Ленине—*М. И. Ульянова* 21
Антипыч—*рассказ М. Пришвина. Рис. Е. Чарушина* 29
Обжигающее слово—*Алексей Югов* 35
Про веселого туриста—*стихи С. Михалкова. Рис. Г. Берендюфа* 44
Путешествие в века—*путешествие первое* 46
Приключение в Атахуальпе—*повесть Теодора Пливье* 49
Ненарисованные рисунки 73
Научный телеграф 74
Отвоеванный браунинг—*рассказ командира дивизии В. В. Хлебникова* 81
Почта 84
Рассказ о говорящей собаке—*Мих. Лоскутов. Рис. А. Каневского* 91
Спорт 99
Высокие широты—*проф. Н. Н. Зубов* 103
Морские рассказы 115
Московские художники 117
„Космический рейс“ 118
Самоделки 121
Биоскоп 124
Загадки доктора Каррабелиуса 126

Обложка работы художника Пименова

34.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Гос. Публичная Б-ка

№ 1

ЯНВАРЬ

1936

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Голубая чашка

Рассказ А. Гайдара

Рис. П. Митурича

Мне тогда было тридцать два года, Марусе двадцать девять, а дочери нашей Светлане шесть с половиной.

Только в конце лета я получил отпуск, и на последний теплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать веревки, заколачивать костыли и гвозди.

Нам все это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим все новые да новые дела и себе и нам придумывает.

Только на третий день, к вечеру, наконец-то, все было сделано. И как раз когда собирались мы втроем идти гулять, пришел к Марусе ее товарищ — полярный летчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и ложилась спать, а сама пошла проводить летчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела.

Мы достали в чулане муку. Заварили ее кипятком — получился клейстер.

Оклеили гладкую вертушку цветной бумагой, хорошенько разгладили ее и через пыльный чердак полезли на крышу.

Вот сидим мы верхом на крыше. И видно нам сверху, как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толпятся ребятишки.

Потом выскочила из черных сеней босоногая сгорбленная старуха. Ребятишек турнула, старика обругала и, схватив тряпку, стала хлопать по камфорке самовара, чтобы он закипал быстрее.

Посмеялись мы и думаем: «Вот подует ветер, закружится, зажужжит наша быстрая вертушка. Ото всех дворов сбегутся к нашему дому ребятишки. Будет и у нас тогда своя компания».

А завтра что-нибудь еще придумаем.

Может быть, выроем глубокую пещеру

для той лягушки, что живет в нашем саду, возле сырого погреба.

Может быть, попросим у Маруси суровых ниток и запустим бумажного змея — выше силосной башни, выше желтых сосен и даже выше того коршуна, который целый день сегодня сторожил с неба хозяйских цыплят и крольчат.

А, может быть, завтра с раннего утра сядем в лодку: я на весла, Маруся за руль, Светлана пассажиром — и уплывем по реке туда, где стоит, говорят, большой лес, где растут на берегу две дуплистые березы, под которыми нашла вчера соседская девчонка три хороших белых гриба. Жаль только, что все они были червивые.

Вдруг Светлана потянула меня за рукав и говорит:

— Посмотри-ка, папа, а ведь, кажется, это наша мамка идет, и как бы нам с тобой сейчас не попало.

И правда, идет по тропинке вдоль забора наша Маруся, а мы-то думали, что вернется она еще не скоро.

— Наклонись, — сказал я Светлане. — Может быть, она и не заметит.

Но Маруся сразу же нас заметила, подняла голову и крикнула.

— Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Светлане давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до полуночи.

— Маруся, — ответил я, — мы не балуем, мы вертушку приколачиваем. Ты погоди немного, нам всего три гвоздя доколотить осталось.

— Завтра доколотите, — приказала Маруся. — А сейчас слезайте, или я совсем рассержусь.

Переглянулись мы со Светланой. Видим, плохо наше дело. Взяли и слезли. Но на Марусю обиделись.

И хотя Маруся принесла со станции Светлане большое яблоко, а мне пачку табаку, — все равно обиделись.

Так с обидой и уснули.

●

А утром — еще новое дело! Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает:

— Лучше сознавайтесь, озорной народ, кто в чулане мою голубую чашку разбил?

А я чашки не разбивал. И Светлана говорит, что не разбивала тоже. Посмотрели мы с ней друг на друга и подумали оба, что уж это Маруся выдумала совсем напрасно.

Но Маруся нам не поверила.

— Чашки, — говорит она, — неживые: ног у них нет. На пол они прыгать не умеют. А кроме вас двоих в чулан никто вчера не лазил. Разбили и не сознаетесь. Стыдно, товарищи!

После завтрака Маруся вдруг собралась и отправилась в город, а мы сели и задумались.

Вот тебе и на лодке поехали!

И солнце к нам в окна заглядывает. И воробьи по песчаным дорожкам скачут. И цыплята сквозь дырявый плетень со двора на улицу и с улицы на двор шмыгают. А нам совсем не весело.

— Что ж! — говорю я Светлане. — С крыши нас с тобой вчера согнали. Банку из-под керосина у нас недавно отняли. За какую-то голубую чашку напрасно выругали. Разве же это хорошая жизнь?

— Конечно, — говорит Светлана, — жизнь совсем плохая.

— А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твое яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома куда глаза глядят.

Подумала Светлана и спрашивает:

— А куда твои глаза глядят?

— А глядят они, Светлана, через окошко, вон на ту желтую поляну, где пасется хозяйкина корова. А за поляной, я знаю, гусиный пруд есть, а за прудом водяная мельница, а за мельницей на горе березовая роща. А что там за горой, — уж этого я и сам не знаю.

— Ладно, — согласилась Светлана, — возьмем и хлеб, и яблоко, и табак, а только захвати ты с собой еще толстую палку, потому что где-то в той стороне живет ужасная собака Полкан. И говорили мне про нее мальчишки, что она одного чуть-чуть досмерти не заела.

Так мы и сделали. Положили в сумку, что надо было, закрыли все пять окон, заперли обе двери, а ключ подсунули под крыльцо.

— Прощай, Маруся! А чашки твоей мы все равно не разбивали.

●

Вышли мы за калитку, а навстречу нам молочница.

— Молока надо?

— Нет, бабка! Нам больше ничего не надо.

— У меня молоко свежее, хорошее, от своей коровы, — обиделась молочница. — Вернетесь, так пожалеете.

Загромыхала она своими холодными бидонами и пошла дальше. А где ей догадаться, что мы далеко уходим и, может, не вернемся?..

Да и никто об этом не догадывался. Прокатил на велосипеде загорелый мальчишка. Прошагал, наверно, в лес за грибами толстый дядька в трусах и с трубкой. Прошла белокурая девица с мокрыми после купанья волосами. А знакомых мы никого не встретили.

Выбрались мы через огороды на желтую от куриной слепоты поляну, сняли сандалии и по теплой тропинке пошли босиком через луг прямо на мельницу.

Идем мы, идем и вот видим, что от мельницы во весь дух мчится нам навстречу какой-то человек. Пригнулся он, а из-за ракитовых кустов летят ему в спину комья земли.

Странно нам это показалось. Что такое? У Светланы глаза были зоркие, остановилась она и говорит.

— А я знаю, кто это бежит. Это мальчишка, Санька Карякин, который живет возле того дома, где чьи-то свиньи в сад на помидорные грядки залезли. Он вчера еще против нашей дачи на чужой козе верхом катался. Помнишь?

Добежал до нас Санька, остановился и слезы ситцевым кульком вытирает.

А мы спрашиваем у него:

— Почему это, Санька, ты во весь дух мчался, и почему это за тобой из-за кустов комья летели?

Отвернулся Санька и говорит:

— Меня бабка в колхозную лавку за солью послала. А на мельнице сидит пионер Пашка Букамашкин, и он меня драть хочет.

Посмотрела на него Светлана. Вот так дело!

Разве же есть в Советской стране такой закон, чтобы бежал человек в колхозную лавку за солью, никого не трогал, не задевал, и вдруг бы его ни с того ни с сего драть стали?

— Идем с нами, Санька, — говорит Светлана. — Не бойся. Нам по дороге, и мы за тебя заступимся.

Прошли мы втроем сквозь густой ракитник.

Взяли мы и хлеб, и яблоко, и табак, положили в сумку...

— Вот он, Пашка Букамашкин, — сказал Санька и попятился.

Видим мы, стоит мельница. Возле мельницы телега. Под телегой лежит кудластая, вся в репейниках собачонка и, приоткрыв один глаз, смотрит, как шустрые воробьи клюют рассыпанные по песку зерна. А на куче песка сидит без рубахи Пашка Букамашкин и грызет свежий огурец.

Увидал нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

— Тю!.. Шарик... Тю!.. Вон идет сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди, несчастный фашист. Мы с тобой еще разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

— Постой, Пашка, — сказал я. — Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец?.. Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живет возле того дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

— Все равно, белогвардеец, — упрямо повторил Пашка. — А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю.

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю санькину историю. Мы сели на бревна. Пашка напротив. Кудластая соба-

чонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

— Ты тогда уж все рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьмика себе да стукни.

●

— Есть в Германии город Дрезден, — спокойно сказал Пашка, — и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и еще один из поселка. Берта бьет палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли...

— Прямо по макушке стукнула, — сказал Санька из-за телеги. — У меня голова загудела, а она еще смеется.

— Ну вот, — продолжал Пашка, — стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на нее с кулаками, а потом ничего. Приложил лопух к голове — и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмет — нашагнет лишний шаг, да и метит чижом прямо на кон.

— Врешь, врешь! — выскочил из-за телеги Санька. — Это твоя собака мордой ткнула, вот он, чиж, и подкатился.

— А ты не с собакой играешь, а с нами. Взял бы да и положил чижа на место. Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву не охота... Перелез он через забор и орет оттуда: «Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта дуру по-русски уже хорошо понимает, а жидовку еще не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: «Это что такое?» А мне и сказать совестно. Я кричу: «Замолчи, Санька!» А он нарочно все громче и громче кричит. Я за ним через забор. Он в кусты. Так и скрылся. Вернулся я — гляжу: палка валяется на траве, а Берта сидит в углу, на бревнах. Я зову: «Берта!» Она не отвечает. Подошел я — вижу: на глазах у нее слезы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и думаю: «Ну, погоди, проклятый Санька. Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!»

Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то еще собирались за тебя заступиться».

И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросонок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарику. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева на крышу. Лошадь вскинула морду и дернула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке.

— Но, но... смотри не балуй. А то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

— Папа, — сказала она мне. — А, может быть, он вовсе и не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь, правда, Санька, что ты просто дурак? — спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват, и сказать-то, по правде говоря, нечего.

Но тут пашкина собачонка перестала вдруг тявкать на кошку и, повернувшись к полю, подняла уши.

Где-то за рощей хлопнул выстрел. Другой. И пошло и пошло.

— Бой неподалеку!—вскрикнул Пашка.

— Бой неподалеку, — сказал и я. — Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемет.

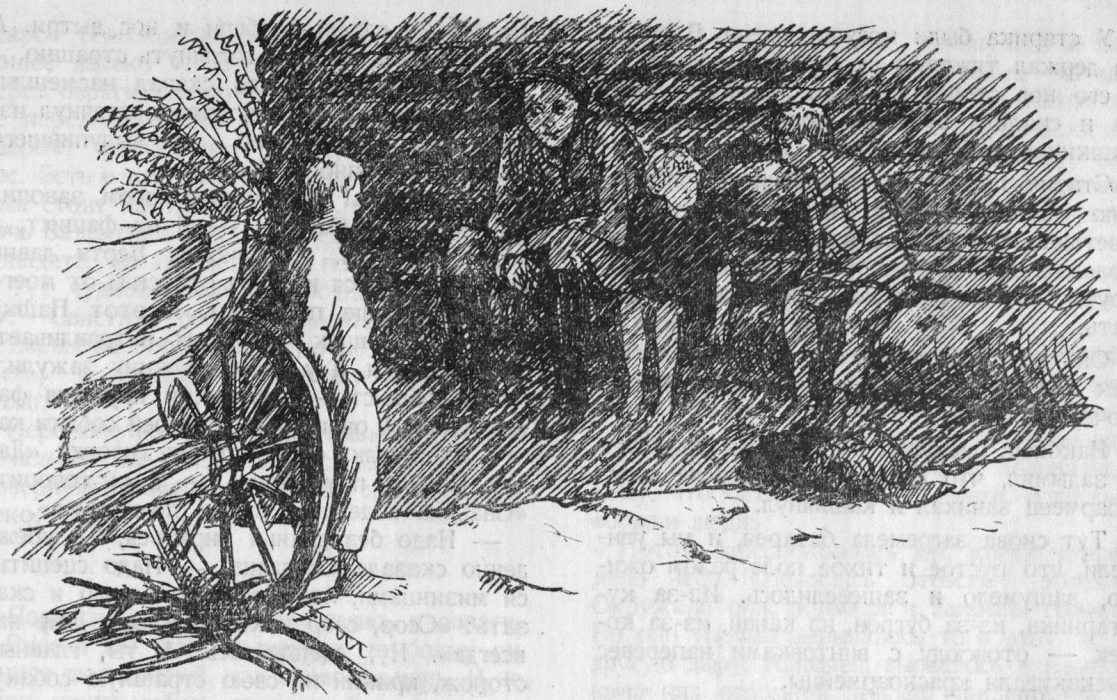
— А кто с кем? — дрогнувшим голосом спросила Светлана. — Разве уже война?

●

Первым вскочил Пашка. За ним помчалась собачонка, я подхватил на руки Светлану и тоже побежал к роще.

Не успели мы пробежать полдороги, как услышали позади крик. Мы обернулись и увидали Саньку.

Высоко подняв руки, чтобы мы его скорее заметили, он мчался к нам напрямик через канавы и кочки.



Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю санькину историю...

— Ишь ты, как козел скачет! — пробормотал Пашка. — А чем этот дурак над головой размахивает?

— Это не дурак. Это он мои сандалии тащит! — радостно закричала Светлана.— Я их на бревнах позабыла, а он нашел и мне их несет. Ты бы с ним помирился, Пашка!

Пашка насупился и ничего не ответил. Мы подождали Саньку, взяли у него желтые светланины сандалии. И теперь уже вчетвером с собакой прошли через рощу на опушку.

Перед нами раскинулось холмистое поросшее кустами поле.

У ручья, позвякивая жестяным бубенчиком, щипала траву привязанная к колышку коза. А в небе плавно летал одинокий коршун. Вот и все. И больше никого и ничего на этом поле не было.

— Так где же тут война? — нетерпеливо спросила Светлана.

— А сейчас посмотрю, — сказал Пашка и влез на пенек.

Долго стоял он, щурясь от солнца и закрывая глаза ладонью. И кто его знает, что он там видел, но только Светлане ждать надоело, и она, путаясь в траве, пошла сама искать войну.

— Мне трава высокая, а я низкая, — приподнимаясь на цыпочках пожаловалась Светлана. — И я совсем не вижу.

— Смотри под ноги, не задень провод,— раздался сверху громкий голос.

Мигом слетел с пенька Пашка. Неуклюже отскочил в сторону Санька. А Светлана бросилась ко мне и крепко схватила меня за руку.

Мы попятились и тут увидели, что прямо над нами, в густых ветвях одинокого дерева, притаился красноармеец.

Винтовка висела возле него на суку. В одной руке он держал телефонную трубку и не шевелясь глядел в блестящий черный бинокль куда-то на край пустынного поля.

Еще не успели мы промолвить слова, как издалека как гром с перекатами и перегудами ударил страшный орудийный залп.

Вздрогнула под ногами земля. Далеко от нас поднялись над полем целая туча черной пыли и дым. Как сумасшедшая, подпрыгнула и сорвалась с мочальной веревки коза. А коршун вильнул в небе и, быстро, быстро махая крыльями, умчался прочь.

— Плохо дело фашистам! — громко сказал Пашка и посмотрел на Саньку. — Вот как бьют наши батареи.

— Плохо дело фашистам, — как эхо повторил хриплый голос.

И тут мы увидели, что под кустами стоит седой бородатый старик.

У старика были могучие плечи. В руках он держал тяжелую суковатую дубинку. А у его ног стояла высокая лохматая собака и скалила зубы на поджавшего хвост пашкиного Шарика.

Старик приподнял широченную соломенную шляпу, важно поклонился сначала Светлане, потом уже всем нам. Потом он положил дубинку на траву, достал кривую трубку, набил ее табаком и стал раскуривать.

Он раскуривал долго, то приминая табак пальцем, то ворочая его гвоздем, как кочергой в печке.

Наконец, раскурил и тогда так запыхтел и задымил, что сидевший на дереве красноармеец зачихал и кашлянул.

Тут снова загремела батарея, и мы увидели, что пустое и тихое поле разом ожило, зашумело и зашевелилось. Из-за кустарника, из-за бугров, из канав, из-за кочек — отовсюду с винтовками наперевес выскакивали красноармейцы.

Они бежали, прыгали, падали, поднимались снова. Они сдвигались, смыкались, их становилось все больше и больше, наконец, с громкими криками всей громадой они ринулись в штыки на вершину пологого холма, где еще дымилось облако пыли и дыма.

Потом все стихло. С вершины замахал флагами еле нам заметный и точно игрушечный сигналист. Резко заиграла «отбой» военная труба. Обламывая тяжелыми сапогами сучья, слез красноармеец-наблюдатель с дерева. Быстро погладил Светлану, сунул ей в руку три блестящих жолудя и торопливо убежал, сматывая на катушку тонкий телефонный провод.

Военное учение закончилось.

— Ну, видал? — подталкивая Саньку локтем, укоризненно сказал Пашка. — Это тебе не чижом по затылку. Тут вам быстро пособьют макушки.

— Странные я слышу разговоры, — выдвигаясь вперед, сказал бородатый старик.— Видно я шестьдесят лет прожил, а ума не нажил. Ничего мне непонятно. Тут под горой наш колхоз «Рассвет». Кругом это наши поля: овес, гречиха, просо, пшеница. Это на реке наша новая мельница. А там, в роще, наша большая пасека. И над всем этим я главный сторож. Видал я жуликов, ловил и конокрадов, но чтобы на моем участке появился хоть один фашист, — этого еще не бывало ни разу. Подойди-ка ко мне, Санька — грозный человек. Дай я на тебя хоть посмотрю. Да постой, постой, ты только слюни подбери и нос вытри. А то мне и так на тебя взглянуть страшно.

Все это неторопливо сказал насмешливый старик и с любопытством заглянул из-под мохнатых бровей... на вылупившего глаза, изумленного Саньку.

— Неправда! — шмыгнув носом, завопил оскорбленный Санька. — Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, — значит, и пружина фашистская. А он из нее для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помиримся», — а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помиримся».

— Надо без дранья мириться, — убежденно сказала Светлана. — Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь. А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не пугает.

— Назад, Полкан! — крикнул сторож.— Ляжь на землю и своих не трогай!

— Ах вот это кто? Вот он, Полкан-Великан, лохматый и зубатый.

Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем.

— И я своя, а своих не трогай!

Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой. Улыбнулся и вильнул хвостом.

Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:

— И мы свои, а своих не трогай!

Подозрительно потянул Полкан носом: не пахнет ли от хитрых мальчишек морковкой из колхозных огородов? Но тут как нарочно, вздымая пыль, понесся по тропинке шальной жеребенок. Чихнул Полкан так и не разобравши. Тронуть не тронул, но хвостом не вильнул и гладить не позволил.

— Нам пора, — спохватился я. — Солнце высоко, скоро полдень, ух как жарко!

— До свиданья! — звонко попрощалась со всеми Светлана. — Мы опять уходим далеко.

— До свиданья! — дружно ответили уже помирившиеся ребятишки. — Приходите к нам опять издалека.

— До свиданья, — улыбнулся сторож, — Я не знаю, куда вы идете и чего ищете, но только знайте: самое плохое далеко — это налево у реки, где наше

старое сельское кладбище. А самое хорошее далеко — это направо, через луг, через овраги, где роют камень, дальше идите перелеском, обогнете болото. Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нем и грибы, и цветы, и малина. Там стоит на берегу дом. В нем живут моя дочь Валентина и ее сын Федор, и если туда попадете, то от меня им поклонитесь.

Тут чудной старик приподнял свою шляпу. Свистнул собаку, запыхтел трубкой, оставляя за собой широкую полосу густого дыма, и зашагал к желтому гороховому полю.

Переглянулись мы со Светланой, что нам печальное кладбище! Взялись мы за руки и повернули направо, в самое хорошее далеко.

●

Перешли мы луга и спустились в овраги. Видели мы, как из черных глубоких ям тащут люди белый, как сахар, камень. И не один какой-нибудь завалящийся камешек. Навалили уже целую гору. А колеса все крутятся, тачки скрипят. И еще везут. И еще наваливают.

Видно, немало всяких камней под землей запрятано.

Захотелось и Светлане заглянуть под землю. Долго, лежа на животе, смотрела она в черную яму. А когда оттащил я ее за ноги, то рассказала она, что видела сначала только одну темноту. А потом разглядела под землей какое-то черное море. И кто-то там в море шумит и ворочается. Должно быть рыба-акула с двумя хвостами: один хвост спереди, другой сзади. И еще почудилась ей Страшила в триста двадцать пять ног. И с одним золотым глазом. Сидит Страшила и гудит.

Хитро посмотрел я на Светлану и спросил, не видала ли она там заодно пароход с двумя трубами, серую обезьяну на дереве и белого медведя на льдине.

Подумала Светлана, вспомнила. И оказывается, что тоже видала.

Погрозил я ей пальцем: ой, не врет ли? Но она в ответ рассмеялась и со всех ног припустилась бежать.

Шли мы долго, часто останавливались, отдыхали и рвали цветы. Потом, когда тащить надоедало, оставляли букеты на дороге.

А один букет бросили старой бабке в телегу. Испугалась сначала бабка, не разобравши, что такое, и погрозила нам кулаком. Но потом увидала, улыбнулась и кинула с воза три больших зеленых огурца.

Огурцы мы подняли, вытерли, положили в сумку и весело пошли своей дорогой.

Встретили мы на пути деревеньку, где живут те, что пашут землю, сеют в поле хлеб, сажают картошку, капусту, свеклу или в садах и огородах работают.

Встретили мы за деревней и невысокие зеленые могилы, где лежат те, что свое уже отсеяли и отработали.

Попалось нам дерево, разбитое молнией.

Наткнулись мы на табун лошадей, из которых каждая хоть самому Буденному.

Увидали мы и попа в длинном черном халате. Посмотрели ему вслед и подивились тому, что остались еще на свете чудаки— «божьи люди».

Потом забеспокоились мы, когда потемнело небо. Сбежались отовсюду облака. Окружили они, поймали и закрыли солнце. Но оно упрямо вырывалось то в одну, то в другую дыру. Наконец, вырвалось и засверкало над огромной землей еще горячей и ярче.

Далеко позади остался наш серый домик с деревянной крышей. И Маруся, должно быть, давно уже вернулась. Поглядела—нет. Поискала—не нашла. Сидит и ждет, глупая!

— Папа! — сказала, наконец, уставшая Светланка.—Давай с тобой где-нибудь сядем и что-нибудь поедим.

●

Стали искать и нашли мы такую полянку, какая не каждому попадется на свете.

С шумом распахнулись перед нами пышные ветки дикого орешника. Встала острием к небу молодая серебристая елка. И тысячами, ярче, чем флаги в Первое Мая—синие, красные, голубые, лиловые, окружали елку душистые цветы и стояли не шелохнувшись.

Даже птицы не пели над той поляной, так было тихо.

Только серая дура-ворона бухнулась с лету на ветку, огляделась, что не туда попала, каркнула от удивления: «Карр... Карр...»—и сейчас же улетела прочь к своим поганым мусорным ямам.

— Садись, Светлана, стереги сумку, а я схожу и наберу в фляжку воды. Да не бойся: здесь живет всего только один зверь— длинноухий заяц.

— Даже тысячу зайцев я и то не боюсь,— смело ответила Светлана,—но ты приходи поскорей все-таки.

Вода оказалась неблизко, и возвращаясь я уже беспокоился о Светлане.

Но она не испугалась и не плакала, а пела.

Я спрятался за кустом и увидел, что рыжеволосая толстая Светлана стояла перед цветами, которые поднимались ей до плеч, и с воодушевлением распевала такую только что сочиненную песню:

«Гей!.. Гей!..
Мы не разбивали голубой чашки.
Нет!.. Нет!
В поле ходит сторож полей.
Но мы не лезли за морковкой в огород,
И я не лазила, и он не лез.
А Санька один раз в огород лез.
Гей!.. Гей!..
Приходи скорей!
В поле ходит Красная армия.
Это она пришла из города,
Красная армия, самая Красная,
А белая армия — самая белая.
Тру-ру-ру! Тра-та-та!
Это барабанщики,
Это летчики.
Это барабанщики летят на самолетах.
И я, барабанщица... здесь стою».

Молча и торжественно выслушали эту песню высокие цветы и тихо закивали Светлане своими пышными головками.

— Ко мне, барабанщица! — крикнул я, раздвигая кусты. — Есть холодная вода, красные яблоки, белый хлеб и желтые пряники. За хорошую песню ничего не жалко.

Чуть-чуть смутилась Светлана. Укоризненно качнула головой и, совсем, как Маруся, прищурив глаза, сказала:

— Спрятался и подслушивает. Стыдно, дорогой товарищ!

Вдруг Светланка притихла и задумалась.

А тут еще, пока мы ели, вдруг спустился на ветку серый чиж и что-то такое зачирикал.

Это был смелый чиж. Он сидел прямо напротив нас, подпрыгивал, чирикал и не улетал.

— Это знакомый чиж,—твердо решила Светлана.—Я его видела, когда мы с мамой качались в саду на качелях. Она меня высоко качала. Фють!.. Фють!.. И зачем он к нам прилетел так далеко?

— Нет! Нет! — решительно ответил я.— Это совсем другой чиж. Ты ошиблась, Светлана. У того чижа на хвосте не хватает перьев, которые выдрала ему хозяйкина одноглазая кошка. Тот чиж потолще, и он чирикает совсем не таким голосом.

— Нет, тот самый!—упрямо повторила Светлана.—Я знаю. Это он за нами прилетел так далеко.

— Гей, гей! — печальным басом пропел я.—Мы не разбивали голубой чашки. И мы решили уйти на совсем далеко.

Сердито чирикнул серый чиж. Ни один цветок из целого миллиона не качнулся и не кивнул головой. И нахмурившаяся Светлана строго сказала:

— У тебя не такой голос. И люди так не поют. А только медведи.

Молча собрались мы. Вышли из рощи. И вот мне на счастье засверкала под горой прохладная голубая река.

И тогда я поднял Светлану. И когда она увидала песчаный берег, зеленые острова, то позабыла все на свете и, радостно захлопав в ладоши, закричала:

— Купаться! Купаться! Купаться!

●

Чтобы сократить путь, мы пошли к речке напрямик через сырые луга.

Вскоре мы оказались перед густыми зарослями болотного кустарника. Ворочаться нам не захотелось, и мы решили как-нибудь пробраться.

Но чем дальше мы продвигались, тем крепче стягивалось вокруг нас болото.

Мы крутили направо, налево, перебирались по хлюпким жордочкам, прыгали с кочки на кочку. Промокли, измазались, но выбраться не могли никак.

А где-то, совсем неподалеку за кустами, ворочалось и мычало стадо, щелкал кнутом пастух и сердито лаяла почуявшая нас собачонка.

Но мы не видели ничего, кроме ржавой болотной воды, гнилого кустарника и осоки.

Уже тревога выступила на веснушчатом лице притихшей Светланки. Чаще и чаще она оборачивалась, заглядывая мне в лицо с молчаливым упреком: «Что ж это, папка? Ты большой, сильный, а нам совсем плохо?»

— Стой здесь и не сходи с места!—приказал я, поставив Светлану на клочок сухой земли.

Я завернул в чащу, но и в той стороне оказалась только переплетенная жирными болотными цветами зеленая жижа.

Я вернулся и увидел, что Светлана вовсе не стоит, а осторожно, придерживаясь за кусты, пробирается мне навстречу.

— Стой, где поставили!—резко сказал я

Светлана остановилась. Глаза ее замигали, и губы дернулись.

— Что же ты кричишь?—дрогнувшим голосом тихо спросила она.—Я босая, а там лягушки—и мне страшно.

— Я малину ем, — серьезно сообщил нам Федор.

И очень жалко стало мне тогда попавшую из-за меня в беду Светланку.

— На, возьми палку,—крикнул я,—и бей их, негодных лягушек, по чем попало! Только стой на месте! Сейчас переберемся.

Я опять свернул в чащу и рассердился. Что это? Разве сравнить это поганое болотце с бескрайними камышами широкого Приднепровья или с угрюмыми плавнями Ахтырки, где громили и душили мы когда-то белый врангелевский десант.

С кочки на кочку, от куста к кусту. Раз—и по пояс в воду. Два—и захрустела сухая осина. Вслед за осиной полетело в грязь трухлявое бревно. Тяжело плюхнулся туда же гнилой пень. Вот и опора. Вот еще одна лужа. А вот он, и сухой берег.

И, раздвинув тростник, я очутился возле испуганно подскочившей козы.

— Эге-гей! Светлана!—закричал я.—Ты стоишь?

— Эге-гей!—тихо донесся из чащи жалобный тоненький голос.—Я сто-о-ю!

●

Мы выбрались к реке. Мы счистили всю грязь и тину, которые облепили нас со всех сторон. Мы выполоскали одежду и, пока она сохла на раскаленном песке, мы купались.

И все рыбы с ужасом умчались прочь в свою глубокую глубину, когда мы с хохотом взбивали сверкающие пенистые водопады.

И черный усатый рак, которого я вытащил из его подводной страны, ворочая своими круглыми глазами, в страхе забился и запрыгал: должно быть, впервые увидав такое нестерпимо яркое солнце и такую нестерпимо рыжую девчонку.

И тогда изловчившись он злобно хватил Светлану за палец.

С криком отбросила его Светлана в самую середину гусиного стада. Шарахнулись в стороны глупые толстые гусята.

Но подошел сбоку старый серый гусь. Многое он видал и пострашней на свете. Скосил он голову, посмотрел одним глазом, клюнул: тут ему, раку, и смерть пришла.

●

Но вот мы выкупались, обсохли, оделись и пошли дальше.

И опять нам всякого по пути попадалось немало: и люди, и кони, и телеги, и машины,

и даже серый зверь-еж, которого мы прихватили с собой. Да только он скоро наколол нам руки, и мы его столкнули в студеный ручей.

Фыркнул еж и поплыл на другой берег: «Вот, — думает, — безобразники! Поищика теперь отсюда свою нору».

И вышли мы, наконец, к озеру.

Здесь-то и кончалось самое далекое поле колхоза «Рассвет», а на том берегу уже расстилались земли «Красной зари».

Тут мы увидели на опушке бревенчатый дом и сразу же догадались, что здесь и живет дочь сторожа Валентина и ее сын Федор.

Мы подошли к ограде с той стороны, откуда караулили усадьбу высокие, как солдаты, цветы — подсолнухи.

На крыльце, в саду, стояла сама Валентина. Была она высокая, широкоплечая, как и ее отец, сторож. Ворот голубой кофты был распахнут. В одной руке она держала половую щетку, а в другой мокрую тряпку.

— Федор! — строго кричала она. — Ты куда, негодник, серую кастрюлю задевал?

— Во-на! — раздался из-под малины важный голос и белобрысый Федор показал на лужу, где плавала груженая щепками и травой кастрюля.

— А куда, бесстыдник, решето спрятал?

— Во-на! — все так же важно ответил Федор и показал на придавленное камнем решето, под которым что-то ворочалось.

— Вот погоди, атаман!.. Придешь домой, я тебя мокрой тряпкой приглажу, — пригрозила Валентина и, увидав нас, одернула подоткнутую юбку.

— Здравствуйте! — сказал я. — Вам отец шлет поклон.

— Спасибо!—отозвалась Валентина. — Заходите в сад, отдохните.

Мы прошли через калитку и улеглись под яблоней.

Толстый сын Федор был только в одной рубашке, а перепачканные глиной мокрые штаны валялись на траве.

— Я малину ем, — серьезно сообщил нам Федор. — Два куста об'ел. И еще буду.

— Ешь на здоровье, — пожелал я. — Только смотри, друг, не лопни.

Федор остановился, потыкал себя кулаком в живот, сердито взглянул на меня и, захватив свои штаны, вперевалку пошел к дому.

Долго мы лежали молча. Мне показалось, что Светлана уснула. Я повернулся к ней и увидел, что она вовсе не спит, а, затаив дыхание, смотрит на серебристую бабочку, которая тихонько ползет по рукаву ее розового платья.

И вдруг раздался мощный рокочущий гул: воздух задрожал, и блестящий самолет, как буря, промчался над вершинами тихих яблонь.

Вздрогнула Светлана, вспорхнула бабочка, слетел с забора желтый петух, с криком промелькнула поперек неба испуганная галка — и все стихло.

— Это тот самый летчик пролетел, — с досадой сказала Светлана, — это тот, который приходил к нам вчера.

— Почему же тот? — приподнимая голову спросил я. — Может быть, это совсем другой.

— Нет, тот самый. Я сама вчера слышала, как он сказал маме, что улетает завтра далеко и насовсем. Я ела красный помидор, а мама ему ответила: «Ну прощайте. Счастливый путь».

— Папка, — усаживаясь мне на живот, попросила Светлана, — расскажи что-нибудь про маму. Ну, например, как все было, когда меня еще не было.

— Как было? Да все так же и было. Сначала день, потом ночь, потом опять день, и еще ночь...

— И еще тысячу дней! — нетерпеливо перебила Светлана. — Ну вот ты и расскажи, что в эти дни было. Сам знаешь, а притворяешься...

— Ладно, расскажу, только ты слезь с меня на траву, а то мне рассказывать тяжело будет. Ну, слушай!

●

«— Было тогда нашей Марусе семнадцать лет. Напали на их городок белые, схватили они марусиного отца и посадили его в тюрьму. А матери у ней давно уже не было, и осталась наша Маруся совсем одна.

— Что-то ее жалко становится, — подвигаясь поближе, вставила Светлана. — Ну рассказывай дальше.

— Накинула Маруся платок и выбежала на улицу. А на улице белые солдаты ведут в тюрьму и рабочих и работниц. А буржуи, конечно, белым рады, и всюду в ихних домах горят огни, играет музыка. И некуда нашей Марусе пойти и некому рассказать ей про свое горе.

— Что-то уже совсем жалко, — нетерпеливо перебила Светлана. — Ты, папка, до красных скорее рассказывай.

— Вышла тогда Маруся за город. Луна

светила. Шумел ветер. И раскинулась перед Марусей широкая степь.

— С волками?

— Нет, без волков. Волки тогда от стрельбы все по лесам прятались. И подумала Маруся: «Убегу я через степь в город Белгород. Там стоит Красная армия товарища Ворошилова. Он, говорят, очень храбрый. И если попросить, то, может быть, и поможет».

— А того не знала глупая Маруся, что не ждет никогда Красная армия, чтобы ее просили. А сама она мчится туда, где напали белые. И уже близко от Маруси продвигаются по степи наши красноармейские отряды. И каждая винтовка заряжена на пять патронов, а каждый пулемет — на двести пятьдесят.

Ехал я тогда по степи с военным дозором. Вдруг мелькнула чья-то тень и сразу — за бугор. «Ага! — думаю, — стой: белый разведчик. Дальше не уйдешь никуда».

Ударил я коня шпорами. Выскочил за бугор. Гляжу: что за чудо — нет белого разведчика, а стоит под луной какая-то девчонка. Лица не видно, и только волосы по ветру развеваются.

Соскочил я с коня, а наган на всякий случай в руке держу. Подошел и спрашиваю: «Кто ты и зачем в полночь по степи бегаешь?»

А луна вышла бо-ольшая, большущая! Увидала девчонка на моей папахе красноармейскую звезду, обняла меня и заплакала.

Вот тут-то мы с ней, с Марусей, первый раз и познакомились.

А под утро из города белых мы выбили. Тюрьмы раскрыли и рабочих выпустили.

Вот лежу я днем в лазарете. Грудь у меня немного прострелена. И плечо болит: когда с коня падал, о камень ударился.

Приходит ко мне мой командир эскадрона и говорит: «Ну, прощай, уходим мы дальше за белыми. На тебе в подарок от товарищей хорошего табаку и бумаги, лежи спокойно и скорей выздоравливай».

Вот и день прошел. Здравствуй, вечер.

«Кто ты и зачем в полночь по степи бегаешь?»

И грудь болит, и плечо ноет. И на сердце скучно. Скучно, друг Светланка, одному быть без товарищей!

Вдруг раскрылась дверь и быстро бесшумно вошла на носках Маруся. И так я тогда обрадовался, что даже вскрикнул.

А Маруся подошла, села рядом и положила руку на мою совсем горячую голову и говорит:

«— Я тебя весь день после боя искала, Больно тебе, милый?»

А я говорю:

— Наплевать, что больно, Маруся. Отчего ты такая бледная?

«— Ты спи, — ответила Маруся. — Спи крепко. Я около тебя все дни буду».

Вот тогда-то мы с Марусей во второй

раз встретились и с тех пор уж всегда жили вместе».

●

— Папка,—взволнованно спросила тогда Светлана.—Это ведь мы не по правде ушли из дому? Ведь она нас любит. Мы только походим-походим и опять придем.

— Откуда ты знаешь, что любит? Может быть, тебя еще любит, а меня уже нет.

— Ой, вре-ешь! — покачала головой Светлана. — Я вчера ночью проснулась, смотрю: мама отложила книгу, повернулась к тебе и долго на тебя смотрит.

— Эко дело, что смотрит! Она и в окошко смотрит, на всех людей смотрит. Есть глаза, вот и смотрит.

— Ой, нет!—убежденно возразила Светлана.—Когда в окошко, то смотрит совсем не так, а вот как...

Тут Светлана вздернула тоненькие брови, склонила на бок голову, поджала губы и равнодушно взглянула на проходившего мимо петуха.

— А когда любят, смотрят не так.

Как будто бы сияние озарило голубые светланкины глаза, вздрогнули опустившиеся ресницы, и милый задумчивый марусин взгляд упал мне на лицо.

— Разбойница! — подхватывая Светлану, крикнул я. — А как ты на меня вчера смотрела, когда разлила чернила?

— Ну тогда ты меня за дверь выгнал, а выгнатые смотрят всегда сердито.

●

Мы не разбивали голубой чашки. Это, может быть, сама Маруся что-нибудь разбила. Но мы ее простили. Мало ли кто на кого понапрасну плохое подумает? Однажды и Светлана на меня подумала. Да я и сам на Марусю плохое подумал тоже.

И я пошел к хозяйке Валентине, чтобы спросить, нет ли нам к дому дороги поближе.

— Сейчас муж на станцию поедет, — сказала Валентина. — Он вас довезет до самой мельницы, а там уже и недалеко.

Возвращаясь в сад, я встретил у крыльца смущенную Светлану.

— Папа, — таинственным шопотом сообщила она, — этот сын Федор вылез из малины и тянет из твоего мешка пряники.

Мы пошли к яблоне, но хитрый сын Федор, увидав нас, поспешно скрылся в гуще подзаборных лопухов.

— Федор! — позвал я. — Иди сюда, не бойся.

Верхушки лопухов закачались, и было ясно, что Федор решительно удаляется прочь.

— Федор!—повторил я. — Иди сюда. Я тебе все пряники отдам.

Лопухи перестали качаться, и вскоре из чащи донеслось тяжелое сопенье.

— Я стою, — раздался наконец сердитый голос, — тут без штанов, везде крапива.

Тогда, как великан над лесом, зашагал я через лопухи, достал сурового Федора и высыпал перед ним все остатки из мешка.

Он неторопливо подобрал все в подол рубашки и, не сказав даже спасибо, направился в другой конец сада.

— Ишь какой важный, — неодобрительно заметила Светлана,—снял штаны и ходит как барин.

К дому подкатила запряженная парой телега, на крыльцо вышла Валентина.

— Собирайтесь, кони хорошие — домчат быстро.

Опять показался Федор. Был он теперь в штанах и, быстро шагая, тащил за шиворот хорошенького дымчатого котенка. Должно быть, котенок привык к таким ухваткам, потому что он не вырывался, не мяукал, а только неторопливо вертел пушистым хвостом.

— На! — сказал Федор и сунул котенка Светлане.

— Насовсем? — обрадовалась Светлана и нерешительно взглянула на меня.

— Берите, берите, если надо,—предложила Валентина. — У нас этого добра много. Федор! А ты зачем пряники в капустные грядки спрятал, я через окно все видела.

— Сейчас пойду еще дальше спрячу, — успокоил ее Федор и ушел вперевалку, как важный косолапый медвежонок.

— Весь в деда, — улыбнулась Валентина. — Этакий здоровила. А всего только четыре года.

●

Мы ехали широкой ровной дорогой. Наступал вечер. Шли нам навстречу с работы усталые, но веселые люди.

Прогрохотал в гараж колхозный грузовик.

Пропела в поле военная труба.

Звякнул в деревне сигнальный колокол.

Загудел за лесом тяжелый, тяжелый паровоз. Туу!!. Ту!.. Крутитесь колеса, торопитесь вагоны, дорога железная, длинная, далекая.

И крепко прижимая пушистого котенка под стук телеги счастливая Светланка распевала такую песню:

«Чики-чики!
Ходят мыши.
Ходят с хвостами,
Очень злые.
Лезут всюду,
Лезут на полку.
Трах-тарарах!
И летит чашка,
А кто виноват?
Ну, никто невиноват,
Только мыши
Из черных дыр.
— Здравствуйте, мыши!
Мы вернулись
И что-то такое
С собой несем...
Оно мяукает,
Оно прыгает
И пьет из блюдечка молоко,
Теперь убирайтесь.
В черные дыры,
Или ОНО вас разорвет
На куски, на десять кусков,
На двадцать кусков,
На сто миллионов
Лохматых кусков».

●

Возле мельницы мы спрыгнули с телеги.

Слышно было, как за оградой Пашка Букамашкин, Санька, Берта и еще кто-то играли в чижа.

— Ты не жульничай! — кричал Берте возмущенный Санька. — То на меня говорили, а то сами нашагивают.

— Кто-то там опять нашагивает, — об'яснила Светлана, — должно быть, сейчас снова поругаются, — и, вздохнув, она добавила: — Такая уж игра!

С волнением приближались мы к дому. Оставалось только завернуть за угол и подняться наверх.

Вдруг мы растерянно переглянулись и остановились.

Ни дырявого забора, ни высокого крыльца еще не было видно, но уже показалась деревянная крыша нашего серого домика, и над ней с веселым жужжаньем крутилась наша роскошная сверкающая вертушка.

— Это мамка сама на крышу лазила! — взвизгнула Светлана и рванула меня вперед.

Мы вышли на горку. Оранжевые лучи вечернего солнца озаряли крыльцо. И на нем, в красном платье, без платка и в сандалиях на босу ногу, стояла и улыбалась наша Маруся.

— Смейся, смейся! — разрешила ей подбежавшая Светлана. — Мы тебя все равно уже простили.

Подошел и я и посмотрел Марусе в лицо.

Глаза у Маруси были карие и смотрели они прямо и ласково. Видно было, что ждала она нас долго. Наконец-то дождалась и теперь крепко рада.

— Нет, — твердо решил я, отбрасывая носком сапога валявшиеся черепки голубой чашки. — Это все только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже.

●

А потом был вечер. И луна и звезды.

Долго втроем сидели мы в саду, под спелой вишней, и Маруся нам рассказывала, где была, что делала и что видела.

А уж светланкин рассказ затянулся бы, вероятно, до полночи, если бы Маруся не спохватилась и не погнала ее спать.

— Ну, что?! — забирая с собой сонного котенка, спросила меня хитрая Светланка. — А разве теперь у нас жизнь плохая?

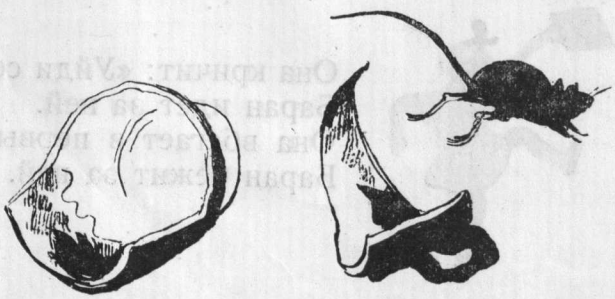
Поднялись и мы.

Золотая луна сияла над нашим садом.

Прогремел на север далекий поезд.

Прогудел и скрылся в тучах полуночный летчик.

— А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!

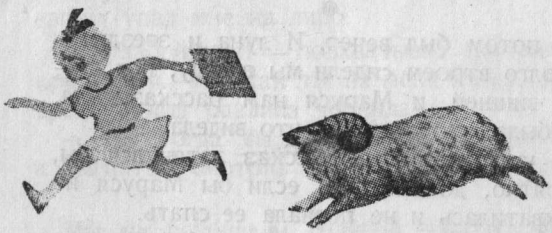


С. Маршак *Рис. А. Брея*

Мэри и баран

У нашей Мэри есть баран.
Собаки он верней.
Куда бы Мэри ни пошла, —
Баран бредет за ней.

Вот Мэри вышла из ворот —
Баран бредет за ней.
Она по улице идет —
Баран идет за ней.



Она доходит до угла —
Баран идет за ней.
Она помчалась, как стрела, —
Баран бежит за ней.

Она заходит в школьный сад —
Баран идет за ней,
Она кричит: «Иди назад!» —
Баран идет за ней.

Она кричит: «Уйди сейчас!» —
Баран идет за ней.
Она вбегает в первый класс —
Баран бежит за ней.

Но Мэри двери за собой
Закрыла поскорей,
Закрыла двери — и баран
Остался у дверей.

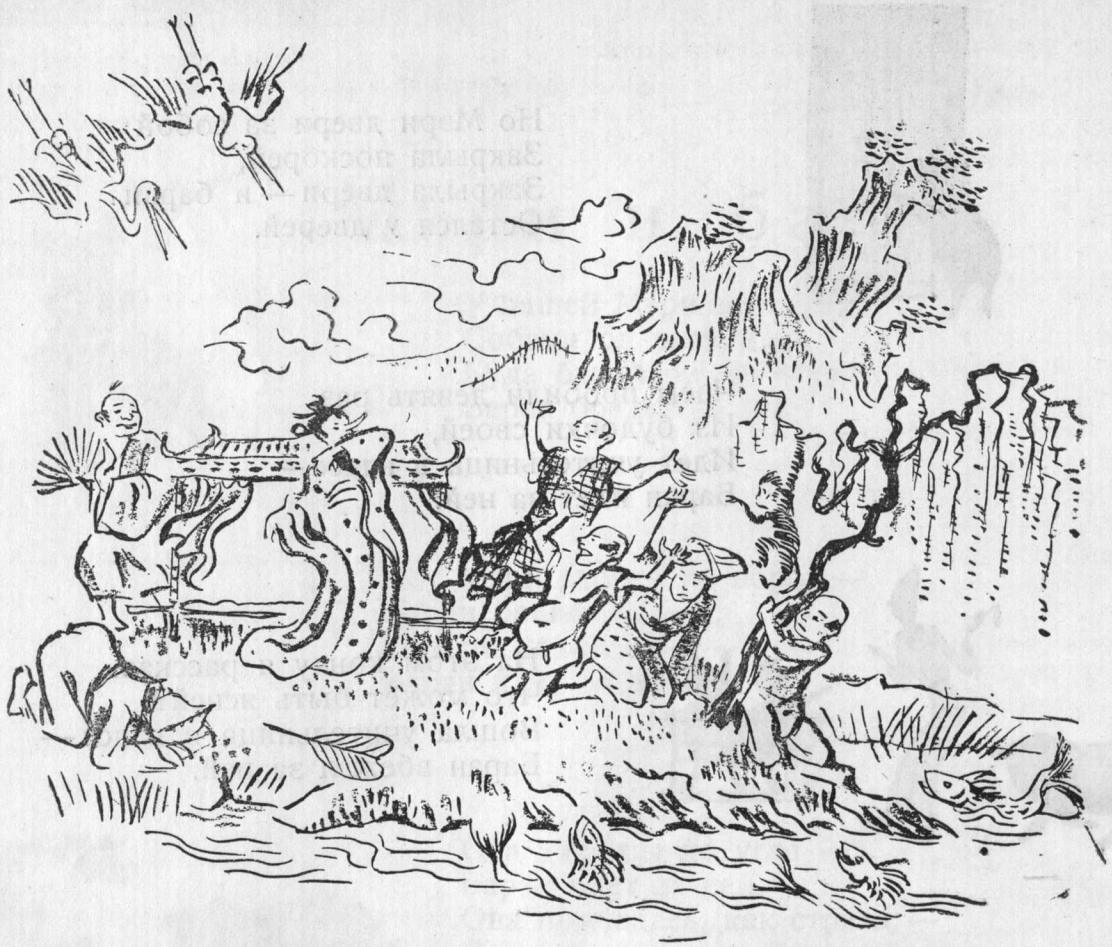
Часы пробили девять раз
Из будочки своей,
Идет учительница в класс —
Баран идет за ней.

На этом кончу я рассказ.
Что может быть ясней?
Вошла учительница в класс —
Баран вбежал за ней.

Королевский поход

По склону вверх король повел
Полки своих стрелков.

По склону вниз король сошел,
Но только без полков.



ВЕЕР ТЭНГУ

Японская сказка

Обработала Н. Фельдман *Рис. Ю. Кискачи*

1

Стоял теплый весенний день. Хэйсаку пошел в горы накосить себе сена. Солнце ласково припекало, и ленивому Хэйсаку захотелось отдохнуть и погреть спину. Он уселся на пень, стал смотреть на высокое голубое небо и слушать чириканье воробьев. Слушал-слушал и совсем забыл о работе. А когда ему надоело сидеть, он вынул из кармана игральные кости и принялся подбрасывать их. Кости падали на большой плоский камень, который лежал тут же, около пня, а Хэйсаку приговаривал:

«Кости, кости,
Ложитесь, кости,
Белые кости».

Вдруг сзади, с высокой сосны, послышался тоненький голосок:

— Хэйсаку, что это ты делаешь?

Хэйсаку испугался. Он оглянулся и увидел прямо перед собой, на ветке сосны, носатого чорта — Тэнгу, настоящего Тэнгу, как его рисуют на картинках: длинный нос торчит кверху выше головы, а в руке веер.

Хэйсаку пал на колени, задрожал и заплакал:

— Пощади меня, Тэнгу, не тронь меня!

— Да ты не бойся! — ласково сказал Тэнгу. — Я вовсе и не собираюсь тебя убивать. Я только хочу знать, что такое ты подбрасываешь и зачем приговариваешь какие-то слова? Что у тебя в руках?

— Это? Это игральные кости. Вот видишь: так будет одно очко, а так — два, может выпасть и три, и четыре, и даже шесть. В кости можно выиграть много денег. Если бы не кости, у меня бы сегодня не было на водку.

Тэнгу ничего не понял, но все-таки подумал, что игральные кости — забавная штука. И ему захотелось их получить:

— Хэйсаку, отдай-ка мне твои игральные кости.

Но Хэйсаку не согласился:

— Как же я отдам тебе кости? Это все равно, что отдать свою голову.

Носатому Тэнгу еще больше захотелось получить кости.

— Я ведь не прошу их у тебя даром! Я дам тебе за них одну очень хорошую вещь, — сказал он как можно ласковее.

— Что же ты мне дашь?

— А вот что.

И Тэнгу показал ему веер, который держал в руке.

— Только и всего? А на что мне такой потрепанный веер?

— Как? Ты не знаешь, что такое веер Тэнгу? Вот я тебе сейчас об'ясню. Если постучать по разрисованной стороне веера и три раза сказать «Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!», тогда кончик носа, твоего или чужого, — это как тебе понадобится — станет расти кверху. Захочешь, чтобы нос вырос еще повыше, постучи сильнее. Захочешь, чтобы он рос медленно, постучи тихонько. Если же ты пожелаешь, чтобы нос стал опять короче, и это можно сделать: только постучи по оборотной стороне веера и три раза скажи: «Нос, сожмись! Нос, сожмись! Нос, сожмись!» — и нос понемножку начнет уменьшаться. Видишь, какая это замечательная вещь — веер Тэнгу. Ну, говори, веришь ли ты мне или не веришь? А не то я сейчас вытяну твой плоский нос выше головы.

Хэйсаку испугался и закрыл нос рукой.

— Верю, верю! Помилуй! Пощади! Как я буду жить с таким длинным носом?!

— Ну, так давай меняться. Вот тебе мой веер, а я возьму твои игральные кости.

— Хорошо, — ответил Хэйсаку.

Он был очень рад, но притворился, что слушается Тэнгу только из страха.

Хэйсаку отдал Тэнгу старые, потрескавшиеся кости, получил за них волшебный веер и довольный пошел домой.

2

Ленивый Хэйсаку шел по дороге и думал, на ком бы попробовать волшебную силу веера.

Вдруг он увидал торжественное шествие: четверо слуг несли на бамбуковых носилках под шолковым балдахином красавицу, а спереди, сзади, справа и слева шла целая толпа слуг и служанок.

Эта красавица была дочерью самого богатого князя в округе.

«А ну-ка, попробую я вытянуть ей нос! Вот будет забавно!» — подумал Хэйсаку.

Он незаметно вмешался в толпу слуг, пробрался к самым носилкам, легонько стукнул в веер с разрисованной стороны и прошептал три раза:

— Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!

И вот у красавицы нос слегка загнулся, а потом от каждого удара в веер стал понемножечку вытягиваться кверху и вырос на вершок, потом — на два вершка, потом — на три. А Хэйсаку так испугался, что поскорей убежал домой.

Через два—три дня повсюду разнесся слух, что дочь князя заболела небывалой болезнью: у нее вырос кверху кончик носа, и она стала похожа на Тэнгу. Ни лекарства врачей, ни молитвы монахов, ни заклинания знахарей — ничто ей не помогает. Бедная красавица разбила все зеркала в зáмке, заперлась одна в своих покоях, закрыла лицо широким рукавом и целый день плачет. А родители совсем потеряли голову от горя.

Наконец, перед воротами княжеского зáмка вывесили большое об'явление:

«Кто вылечит княжну от небывалой болезни, тот получит ее в жены».

Когда ленивый Хэйсаку увидел это об'явление, он сейчас же побежал домой, взял свой волшебный веер и поспешил в зáмок.

— Я могу вылечить княжну! — сказал Хэйсаку как только его впустили в за́мок.

Слуги повели его в покои княжны. Хэйсаку низко поклонился красавице, а потом постучал в оборотную сторону веера и прошептал три раза:

— Нос, сожмись! Нос, сожмись! Нос, сожмись!

И сейчас же нос красавицы стал уменьшаться, сначала на один вершок, потом на два, потом на три. Кончик его выпрямился, и нос стал такой же красивый, как был раньше. А сама красавица стала еще лучше, чем была.

Нечего делать, пришлось ей выйти за Хэйсаку замуж.

3

Так, с помощью волшебного веера Тэнгу ленивый Хэйсаку сделался самым богатым человеком в деревне. Он мог теперь есть жареных угрей с белым рисом, сколько ему хотелось, целыми днями мог валяться в постели или гулять по горам, а главное — ничего не делать. Так он и жил. Один день наедался доотвалу, другой день спал беспросыпу, третий — слонялся по своим владениям, а потом начинал сначала.

Но все это ему скоро надоело: ничего не делать было очень скучно.

Однажды Хэйсаку лежал в саду и от скуки зевал. Чтобы хоть как-нибудь позабавиться, он вытащил из-за пояса свой веер, посмотрел на него и подумал: «А как далеко может вытянуться мой собственный нос?» И тут ему сразу стало веселее. Он сел, постучал в веер и сказал три раза:

— Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!

Сейчас же кончик носа у Хэйсаку загнулся кверху и стал расти. Вырос на вершок, на два, на три. Хэйсаку постучал еще — нос вырос на шесть вершков, на целый аршин, на два аршина, на три. Вот он вырос выше дома, выше самого высокого дерева. Вот вытянулся кверху так высоко, что сам Хэйсаку уже не мог снизу разглядеть кончик своего носа. Хэйсаку совсем развеселился. Он забарабанил в веер, что было сил. Нос вытягивался, вытягивался, вырос выше облаков, дорос до самого неба и проткнул небо насквозь.

А на небе сидел в это время Гром. Вдруг он видит: что-то тоненькое, красное и острое проткнуло небо и лезет кверху. Гром удивился.

«Похоже на морковку. Но я никогда не видел, чтобы морковка росла на небе да еще кончиком вверх!» — подумал Гром.

И он крепко ухватился за морковку своей ручищей.

— Ай! — крикнул Хэйсаку внизу, на земле. Хоть кончик носа и ушел от него далеко, но все же это был кончик его собственного носа, и бедному Хэйсаку стало больно. Он сейчас же перевернул веер, забарабанил по другой его стороне и заговорил быстро-быстро:

— Нос, сожмись! Нос, сожмись! Нос, сожмись!

И в самом деле, нос сразу стал уменьшаться на вершок, на два, на три. Но Гром крепко держал кончик носа в руке, а Гром, конечно, был сильнее Хэйсаку. Нос становился все меньше и меньше, а кончик его попрежнему оставался на небе. А так как кончик не мог опуститься с неба на землю, то пришлось самому Хэйсаку подняться с земли на небо. Сначала он должен был встать на ноги, потом подняться на цыпочки, потом совсем оторвался от земли. Чем меньше делался нос, тем выше подымался Хэйсаку. Его подняло выше дома, выше самого высокого дерева в саду, выше облаков и, наконец, подтянуло к самому небу. Но так как дырка, которую он проткнул носом, была слишком мала, то сам Хэйсаку не мог в нее пролезть, и он остался висеть на кончике своего собственного носа под самым небом.

Так и висит он там до сих пор.

Рассказы о Ленине

М. И. Ульянова

Мы попросили Марию Ильиничну Ульянову рассказать нашим читателям о жизни Владимира Ильича Ленина. Она согласилась. Несколько наших деткоров: Юра Золотов, Галя Рокос, Нина Бунэ, Нина Воловая, Леня Колос — пришли к ней в гости. И вот что Мария Ильинична им рассказала.

БРЫКАСКИ, ИНДЕЙЦЫ, ЧЕРНАЯ ПАЛОЧКА

Владимир Ильич в раннем детстве был очень резвый. Шаловливей всех. Но об этом я могу говорить только со слов сестры. Ведь меня и на свете еще не было, когда Владимиру Ильичу было пять—шесть лет. Сестра рассказывала, что, когда ему дарили игрушки, его страшно интересовало, из чего они сделаны. Однажды подарили ему игрушку из папье-маше — тройку лошадей и повозку. И он исчез куда-то. Ищут, куда девался. Оказывается, забрался за дверь и там отвинчивает ноги лошадей. Но вообще у нас в семье игрушки не очень были в ходу.

Он был страшный любитель шумных игр. Помню, была у них какая-то игра «брыкаски». Дмитрий Ильич тоже принимал в ней участие. Играли в нее обязательно в темной комнате, вечером, когда старших не было дома. Это была игра шумная: прятались, выскакивали из-под диванов. И у нас всегда больше было таких шумных игр по двору, с беготней, чем спокойных игр с игрушками. Заправилами были Владимир Ильич и средняя сестра — Ольга. Они вечно придумывали какие-то новые игры. В детстве мы играли в игру, которая теперь называется «палочка-застукалочка», а у нас называлась «черная палочка». Играли в «индейцев». Когда играли в «индейцев», устраивали из лопухов и еще из чего-то головные уборы.

МЫ ЖИЛИ ДРУЖНО

Жили мы дружно. Владимир Ильич всегда был моим заступником. Я была маленькая и вообще баловнем была в семье.

Помню такой случай. Жили два мальчика наверху у нас. Зовут меня как-то, говорят, что фокусы будут показывать. Иду наверх, в антресоли, и вижу: ящик от маминой машинки движется по полу. Я в полном недоумении! Что же оказалось?

У нас была маленькая собачонка «Гарсон», а няня ее звала «Кальсонка». Посадил кто-то эту собачонку под ящик. Она и двигала ящик. Я была в полном отчаянии, боялась, что она задохнется. Но тут явился

Владимир Ильич и убедил меня, что с собачкой ничего не случилось. Авторитет его для меня был очень велик.

Другой раз я была невероятно напугана. Мне кто-то сказал, что в городе появились привидения. Оказалось, несколько мальчиков устроили ходули, завернулись в простыни и путешествовали на ходулях. На меня такой страх напал! Пришел Владимир Ильич и успокоил. Он так действовал: придет, уговорит, и я успокоюсь. Ходули потом и у нас появились во дворе.

КАК? БЕЛУЮ ТЕТРАДКУ ЧЕРНЫМИ НИТКАМИ

Владимира Ильича с самых детских лет была очень характерная черта: все, за что он ни брался, он выполнял очень хорошо. Сплошь и рядом, если ученику задано какое-нибудь сочинение, срок большой, он садится делать в последние дни, перед самой подачей письменной работы. Думает: «Времени много, успею». Когда Владимиру Ильичу задавали какое-нибудь сочинение на дом, он брался за него сразу — подготовлял материал. Подбирал себе книги, читал их, делал выписки.

У него было обыкновение писать карандашом. Он тонко чинил его, это был идеально очиненный карандаш. Выписки он делал и писал только на одной стороне перегнутого вдоль листа. Если приходило что-нибудь в голову, он брал нужную страницу и прибавлял запись на правой стороне. План сочинения он составлял предварительно. Это черта, которая русским людям не очень свойственна. У нас многие, если идут делать доклад какой-нибудь, знаю я таких товарищей, то говорят, что в голову тут же придет. А Владимир Ильич, какой бы доклад или брошюру ни писал, составлял всегда план. Даже мальчиком он составлял планы своих сочинений.

Когда я была во втором классе гимназии, он иногда мне помогал в занятиях, если я чего-нибудь не понимала. И всегда требовал большой акуратности и точности. Помню, мне задали нарисовать карту Европы. Я, посмотрев на карту, нарисовала от руки. Он сказал, что для этого есть циркуль, нужно смерить точно расстояние, и заставил все переделать. Вот другой случай. Я занималась с ним языками. Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и сшиваю. Нитка попалась черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» И тут же заставил меня переделать. Вот такая точность была у него во всем. И это осталось на всю жизнь.

Мне приходилось с ним жить в тогдашней Самарской губернии, на хуторе Алекаевке, теперь там колхоз «Уголок Ленина», очень хороший колхоз. Владимир Ильич жил там летом. Было ему лет 18—20. Время у него было разграничено. Акуратно каждый день встанет, напьется чаю, заберет тетради, словари, книги, идет в уголок сада. Устроил там себе стол, скамеечку, трапецию. Сам устроил: вбил палки и сделал перекладину.

Регулярно, в определенный час, чтобы зря не пропадало время, садился он заниматься. С утра он брался за более трудные вещи: политэкономию, историю. И так обыкновенно часов до двух, до обеда, он проводил время в этом уголке. Я приходила туда заниматься иностранными языками.

Не было ни одного дня, чтобы он не занимался, чтобы он куда-нибудь ушел. Как бы ни были велики у человека способности, без такого упорного труда достигнуть чего-нибудь нельзя. После обеда он шел или гулять или туда же читать беллетристику, новые журналы. Эта точность в распределении времени у него так и осталась с юных лет. Поэтому он очень многое успел сделать.

Он очень любил языки: немецкий, французский, очень большое внимание уделял их изучению. Словари у него были все подобраны. Его таблицы неправильных французских глаголов так акуратно разграфлены и написаны — точно напечатаны.

Особо близких товарищей в школе у

него не было, но школьные товарищи к нему хорошо относились. Он, бывало, раньше уходил в школу, чтобы помочь кому-нибудь в задачах и древних языках, которые он очень хорошо знал, да и в новых языках.

У него очень рано сказалась способность к журнальной литературной работе. В симбирской гимназии учитель словесности бывало поставит Владимиру Ильичу пять с плюсом, да еще хвалит изо всех сил. Он всегда говорил нашей матери, что ее сын будет литератором,—такой у него был хороший слог. Математикой и естественными науками Владимир Ильич меньше занимался. Склонность к естественным наукам была у старшего брата, Александра Ильича. Он постоянно ездил на лодке, червей всяких собирал, делал коллекции яиц. А Владимир Ильич этого не любил. Он больше любил языки, словесность, историю, литературу.

СТАРШИЙ БРАТ

Брата старшего он очень любил. Он был старше Владимира Ильича года на четыре. Владимир Ильич обыкновенно все делал «как Саша», как он говорил. Бывало, кашу подадут на стол, его первого нарочно спрашивают: «Володя, как кашу хочешь: с молоком или с маслом?» Он всегда отвечал: «Как Саша».

Старший брат был очень выдержанный, уравновешенный, мягкий, а Владимир Ильич в детстве был шумливый, вспыльчивый, не очень дисциплинированный. Старший брат имел на него огромное влияние. Потом он выравнялся совершенно. Дружил он больше всего со средней сестрой: они по возрасту подходили, читали много вместе. А в играх всегда их была троица: Володя, Ольга и Дмитрий. Все эти игры происходили во дворе.

На Владимира Ильича очень сильное впечатление произвела казнь старшего брата. В этом году он как раз окончил гимназию. Поехал в университет в Казань. Порядки тогда в университете были очень тяжелые: запрещалось собираться студентам, которые хотели заниматься саморазвитием. Были надзиратели, они назывались «педелями», которые доносили начальству о политических разговорах студентов.

В Казани студенты как-то хотели проучить одного надзирателя, вообще потребовали большей свободы в университете. Они написали петицию, и Владимир Ильич принимал в этом очень активное участие. Петицию эту у студентов не приняли. Была вызвана полиция. Многие студенты тогда демонстративно бросили свои студенческие билеты. И Владимир Ильич бросил свой билет. Несколько десятков студентов было арестовано. Владимир Ильич тоже.

И вот когда пристав вез его в тюрьму, то сказал: «Что вы бьетесь, молодой человек, ведь стена перед вами».

А Владимир Ильич очень решительный был и отвечает: «Да, стена, да гнилая, ткни и рассыплется».

Выслали его в Казанскую губернию. Там за ним был негласный надзор. Старшая сестра тоже там жила. Она была под гласным надзором, пристав приезжал узнавать, как, что, не приезжает ли кто-нибудь. Тут только и можно было делать, что сидеть и заниматься. И Владимир Ильич много занимался, читал.

Когда Владимир Ильич был в Казани, он познакомился кое с кем из революционеров. Было там несколько человек старых народовольцев. С их тактикой, с их методами он был несогласен, но всегда старался взять у них все, что можно было использовать для революционной работы. Он всегда расспрашивал их:

«А как вы прятались от шпиков, как в тюрьме знакомства заводили?»

Во время подполья очень важно было, чтобы революционер был конспиративен, чтобы он умел одурачивать жандармов и шпиков. Сколько раз Владимир Ильич мог попасть на каторгу, если бы попался жандармам, но благодаря находчивости и умению он от них уходил.

Подпольную работу Владимир Ильич начал в 90-м году, когда приехал в Петербург (теперешний Ленинград). Условия были очень трудные. Техники, как мы ее тогда называли, т. е. возможности печатать листки в типографии, не было. Первый листок

Владимир Ильич выпустил от руки. Он написал его печатными буквами четыре—пять экземпляров. Шпики, филеры — полицейские агенты — держали себя очень умело. Сплошь и рядом бывало так: пойдет за тобой один, а чтобы не догадался, что за тобой следят, передаст другому, потом снова появится. Владимиру Ильичу приходилось изучать проходные дворы и все время зорко следить: а не идет ли кто-нибудь? У него было особое уменье от них бегать.

Как-то раз, в 95-м году, он рассказывал: нужно было ему куда-то идти, видит: шпион. Владимир Ильич хотел отделаться от него. Он взял и незаметно шмыгнул в какой-то под'езд. Там была комната швейцара. Того как раз не было. Владимир Ильич зашел в комнату, сел в кресло и видит в окошко, как шпик мечется — пропал человек, как в воду канул. А Владимир Ильич сидит в кресле и хохочет. Кто-то спускается с лестницы и видит, что сидит в комнате швейцара неизвестный человек и покатывается со смеху.

МЕНЯ ВЗЯТЬ НЕ МОГУТ – ВСЕ РАВНО СИЖУ

Тюрьма — дом предварительного заключения. В камере— койка, столик, табуретка привинчены к стене. Владимир Ильич, и сидя в тюрьме, решил не прерывать своей революционной работы. Когда он попался, ему прежде всего надо было узнать, кто из кружка уцелел. Из тюрьмы можно было запросить для работы книги. Он и послал длинный список книг, которые ему нужно было достать. И так как у всех его товарищей были различные клички, то он в этом легальном письме, которое шло через жандармов, запросил о всех товарищах. И запросил очень оригинально.

Были два нижегородца — Ванеев и Сильвин, которых прозвали Минин и Пожарский. Он пишет: «Пришлите книгу «Герои смутного времени». О Глебе Максимилиановиче Кржыжановском, у которого была кличка «Суслик», запросил — Брэма «О мелких грызунах». Надежду Константиновну прозвали «Рыбой». Он и пишет: Майн-Рид «The mynoga».

Товарищи ему отвечали: «Минин взят, Пожарский остался», или «Первый том есть, второго нет». Таким образом, он узнал, кто из его кружка уцелел, кто попался.

Нужно было ему посылать из тюрьмы на свободу листки. Был целый ряд способов сообщаться через книги и через письма. Он писал молоком между строчками обычного письма. Молоко при нагревании проявлялось. Но сидя в камере, очень трудно выбрать такой момент, чтобы никто не видел. Надзиратели подкрадывались незаметно. Подойдет надзиратель и глянет в волчок. Нужно было быть начеку. Он делал маленькие чернильницы из черного хлеба, наливал молоко и писал. Когда кто-нибудь заглядывал в глазок, ему оставалось только эту чернильницу отправить в рот.

И вот помню, как-то на свидании он говорил: «Неудачный день сегодня: шесть чернильниц пришлось с'есть».

В тюрьме он писал программу партии. Над этой работой ему пришлось много думать, вносить много исправлений, переделывать отдельные пункты. В «предвариловке» условия были вольготнее: книг можно было иметь сколько угодно. У него в камере лежали кипы книг и различные его выписки. В эти листки он и сунул проект программы. И вдруг неожиданно к нему в камеру явились с обыском. Товарищ прокурора явился. Конечно, если бы нашли тут программу партии, Владимиру Ильичу бы не поздоровилось. Тут или заключение или каторгу можно было заработать. У него была масса выписок. Прокурор посмотрел и сказал: «Слишком жарко сегодня, чтобы всю статистику эту просмотреть». Так и прохлопал.

Владимир Ильич говорил: «Я в лучших условиях, чем другие, меня взять не могут, все равно сижу».

ОТДЫХ И ОХОТА

Когда Владимир Ильич отдыхал, он очень любил всякие игры на воздухе: городки, крокет. Когда Владимир Ильич был уже взрослым и собирался заграницу ставить газету «Искра», он попал к нам в Подольск. И там такие сражения в крокет бывали: страстные, азартные. Игра в городки процветала в Горках. Он хорошо катался на коньках. В Сибири, когда был в ссылке, он устроил каток на реке. Когда Владимир Ильич жил в Германии — там ведь реки не замерзают,—он мне писал, что нашел где-то искусственный каток из искусственного льда и собирается кататься.

Очень он любил ездить на велосипеде. Эту возможность он получил только заграницей. Там он выучился и делал огромные прогулки. Раз чуть не пострадал: какой-то виконт налетел на него на своем автомобиле, Владимир Ильич успел отскочить, но велосипед совершенно сломался.

Охотиться Владимир Ильич тоже очень любил. Судя по его письмам из Сибири, он там очень много ходил с ружьем. Не скажу, чтобы он был тогда хорошим охотником, но любил отправляться в дальние прогулки с ружьем. Помню, все шла переписка с мужем старшей сестры, нельзя ли как-нибудь получить хорошую охотничью собаку. Потом кто-то ему достал собаку, он много с ней возился.

Владимир Ильич вообще очень любил кошек и собак. Когда он был здесь уже больной, ему кто-то достал маленького щенка, ирландского сеттера. Одного достали—заболел чумой и погиб. Потом другого достали. В 1922 году, когда он был болен, он немало возился с ним. Охота для него была просто отдыхом. Уже при советской власти он иногда отправлялся на охоту, ходил по лесам, около Горок. Ему хотелось иногда отвлечься от постоянных мыслей о работе. Он очень любил такие вылазки на охоту.

ВСТРЕЧА НА ПРОГУЛКЕ

На охоте бывали весьма интересные встречи. Владимир Ильич одевался очень просто. При мне так бывало: идем, встречается какой-нибудь крестьянин или крестьянка. Владимир Ильич всегда пользовался случаем, чтобы расспросить их о разных мероприятиях советской власти или просто поговорить. Бывало так, что какая-нибудь тетенька или старичок не знают его в лицо и начнут ругать советскую власть и Ленина ему в глаза почем зря.

Помню, в 1918 году, чтобы немного отдохнуть в праздничные дни, мы брали с собой бутерброды и уезжали на машине за город. Чаще всего в Барвиху. Расположимся там и отдыхаем. Любили отыскивать новые пути. Едем раз, вдруг плашкоутный мост, неизвестно, можно по нему проехать на машине или нельзя. Остановились, решаем: выдержит или не выдержит? Стоит какой-то крестьянин.

Спрашиваем: «Как, проехать можно?»

«Да, нет, извините,— говорит,— за выражение, теперь советская власть, давно не чинили».

И конечно, не чинили. А какой же тут ремонт, когда кругом фронты? Не до ремонта было.

Приедем в деревню—бегут ребята: «Прокати, прокати!» Владимир Ильич насажает полную машину ребятишек, и они с торжеством едут до другой деревни. Вообще детей он очень любил. Своих у него не было, но с племянниками, воспитанниками Анны Ильиничны, в свое время кутерьму поднимал необычайную. Заграницей приходили к нему маленькие приятели. Он с ними беседовал, играл.

Владимир Ильич — среди своих близких родных. Рядом с Владимиром Ильичем сидят Надежда Константиновна и Анна Ильинична. Стоят Мария Ильинична и Дмитрий Ильич.

ПОДПОЛЬЕ, ШАЛАШ, НА ПАРОВОЗЕ В ПИТЕР

В июльские дни 1917 года я была в Питере. Тогда Владимиру Ильичу пришлось спрятаться, потому что против него началась травля. Собственно говоря, она началась с того времени, как он приехал из заграницы. Когда началась Февральская революция, Владимир Ильич был в Швейцарии. Пробраться в Россию можно было только через Германию, а она тогда воевала с Россией. Владимира Ильича и еще нескольких революционеров пропустили через Германию, и пошли слухи, что он приехал в запломбированном вагоне. На самом деле этот вагон запломбирован не был, но пропустили его через Германию с условием, что никто не будет выходить на станциях и разговаривать с населением, да и в вагон никого пускать не будут.

Газеты тогда изобразили дело так, будто Ленин — немецкий шпион. Буржуазия, которая очень хорошо понимала, чем ей грозит приезд революционного вождя, старалась эту сказку распространить. По какому-то документу начато было судебное следствие против Ленина, потом начались обыски. Он должен был спрятаться.

Накануне разгромлена была редакция «Правды»: ворвались туда юнкера, все по-

ломали, испортили, а утром пришел Яков Михайлович Свердлов и говорит, что «Правда» разгромлена, будут преследования, надо из дому уходить. Он накинул на Владимира Ильича свое пальто, и они ушли в чужую квартиру. Так и пришлось ему скрываться до самого начала Октябрьской революции.

Сначала он скрывался на одной квартире, потом перешел на другую. Эсеры и меньшевики тогда настаивали, что он должен явиться на суд. Кое-кто даже из нашей партии говорил: «Как это так, рабочие не поймут, почему он скрывается, он должен придти об'ясниться». Тогда Сталин — это его большая заслуга — сказал: «Никаких явок, иначе в тюрьме его убьют. Рабочие великолепно поймут, почему он должен скрываться».

И вот товарищ Сталин организовал дело так, что Ленина перевезли в Сестрорецк. Сначала он жил на чердаке, на сеновале, потом в шалаше, потом уехал в Финляндию.

Но и в подполье Владимир Ильич все время энергично готовил Октябрьский переворот. К нему ездили люди, он сговаривался, сносился со всеми товарищами, со Сталиным, который тогда оставался в Петербурге. А потом, когда увидел, что приближается решительная борьба, он перебрался в Петербург на паровозе за кочегара.

Есть его карточка в парике, в рабочем костюме. Он перебрался в Петербург и поселился у одной знакомой. И он ходил на собрания ЦК, и к нему ходили. А накануне второго с'езда советов он в этом парике, подвязав щеку платком, пошел через весь город в Смольный и уже оттуда руководил восстанием.

□□□

Вдруг над головой какой-то глухарь показался на небе, по всей кроне, как будто он прошелся крыльями — все обшумел и успокоился: сел.

АНТИПЫЧ

Из книги „Берендеева чаща“

Рассказ М. Пришвина

Рис. Е. Чарушина

КОСЫЕ ГРИВЫ

Косые гривы сидят так плотно в торфяном болоте, что можно считать их как отдельности, переходя с одного моренного холма на другой. Первая грива высокая и прекрасная для вывода тетеревов: довольно редкие и свободно растущие березы в тридцатилетнем возрасте, кое-где кустики, куртинки осинника, покосы. Вторая грива несколько сырая, и корни деревьев к известному возрасту на ней подопревают. Тут был чистый березовый лес, и потом, конечно, каждую березку подбила елка. Березы раньше были в большой борьбе с елками, стараясь их перегнать, и наверно бы перегнали и еще бы долго жили, боролись, но чего-то в почве им не хватило для борьбы, корни загнили, и березы погибли. Мы застали эту битву в момент, когда побежденные березы падали прямо на наших глазах. Бледны, худосочны были и сами елипобедительницы: покрова на почве под ними вовсе не было, черная грязь была, вся заваленная белыми стволами гниющих берез. Третья грива была выше, сухая, здесь мы шли по чистому еловому раменью. На четвертой большой гриве стоял отличный сосновый бор-черничник, и в нем изредка встречались березы, очевидно, принятые сосной как желанные гости. Светолюбивой березе только неважно пришлось в гостях у светолюбивой сосны: ей пришлось тянуться за сосной, и она сумела это сделать и тоже, как и сосна, стоит вовсе голая, а там, на сосновой огромной высоте, крона с кроной за одним столом, береза у сосен, вроде как гость на ухé у Демьяна.

На этой гриве мы будем охотиться на глухарей. Тут недалеко сторожка Антипыча, где мы будем ночевать, вот он и столб с дощечкой, на которой лесник написал:

«Строгое курение и разведение костров во всех лесах РСФСР. Берегите леса товарищи!»

ТРЯСОГУЗКИ

Весь день собирался дождь, и, наконец, к вечеру тучи рассеялись и наступила долгожданная полная тишина, необходимая для глухариной охоты. Антипыч, маленький человек с острым лицом и глухариным клювом, сидел на завалинке и любовался молодой кошкой, как она по всем тигровым правилам, залегая, прыгая, охотилась за двумя трясогузками. Веселые, бойкие птички с длинными хвостиками и черными галстуками, видимо, смеялись над молодой кошкой: когда она замирала, залегая, чтобы сделать прыжок, одна из них вдруг повертывалась и шла прямо на кошку.

— Какая смелая!—восхищался Антипыч.

Кошка, сбитая с толку смелостью трясогузки, лежала дурой, пока та к ней подходила, и растерянно поднималась, когда птичка, пикнув, летела к другой, и там обе, покачиваясь, по-своему смеялись над кошкой.

Часа полтора мы так до самой ночи сидели на завалинке, смеялись вместе с трясогузками над кошкой и слушали рассказы Антипыча, самые невероятные, вроде того, что однажды он залез на крышу починить

дранку и увидел возле своего стога лося. «Давай скорей ружье!»— крикнул Антипыч жене в трубу. Она подала ему через печку ружье, и лось был убит.

Подражая трясогузке, мы пикнули очень похоже на птичку, и этого уже было довольно, чтобы Антипыч сочинил рассказ.

ЧУДЕСНЫЙ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬ

Пришел однажды в сторожку молодой человек, отлично он умел подзывать птиц и зверей. Зайцы, как овцы, сходились к нему из лесу. Глухари прилетали. А то раз было пошли с ним на уток. Вот летит селезень. Отпустил его на версту, да вдруг как крикнет по-утиному, тот и вернулся. Искал, искал селезень утку, не нашел и хотел улетать, и нет: опять утка где-то кричит. И до того довели этого селезня, что уж и лететь не хочет и вот вьется над нами, вот умоляет: «Убейте, убейте меня».

СНЕГ

Один за одним сыпал старый, восьмидесятилетний Антипыч рассказы из своего короба. Кто-то из нас сказал, что этой зимой мало было снегу, а вот лет десять тому назад снег заметал избы по самые окна. «Что это за снег: по самые окна! Вот дивья! — воскликнул Антипыч. — Я вот помню одну снежную зиму, поехали мы в лес дрова пилить, привязали лошадь к сухому дереву, сена ей дали. Когда отработались, приходим к сухому дереву — нет нашей лошади! Пригляделся я, будто парок легонький выходит из снега под сухим деревом. Лопата у нас была припасена, разгребли... Вот какой снег был в то время: пока мы пилили, засыпало лошадь. Разгребли, а она стоит себе и сено жует».

И так мы в избу вошли с рассказами, и поужинали, и спать улеглись, и заснули под рассказы, и вдруг проснулись от чего-то страшного...

ТЮЛЕНЬ

— Страсть какая, страсть какая! — повторял Антипыч, сидя на своей койке с лампой в руке.—Ох! Ох! Вот так страсть!

— Что случилось, Антипыч, в чем дело?

Искал, искал селезень утку, не нашел и хотел улетать, и нет: опять утка где-то кричит.

— В чем дело, в чем дело,—повторял Антипыч,— страсть какая, вот в чем дело!

— Да ты скажи толком. Может, приснилось что?

— Приснилось, приснилось...

— Что же тебе приснилось?

— Тюлень.

— Не может быть!—воскликнул Сережа.

— Перед истинным говорю: тюлень.

— А что же тут особенного?— спросил Петя.— Почему же не может присниться тюлень?

— Да их же у нас в лесу не бывает,— ответил Антипыч,— а тюлень, как есть тюлень, во всей своей форме.

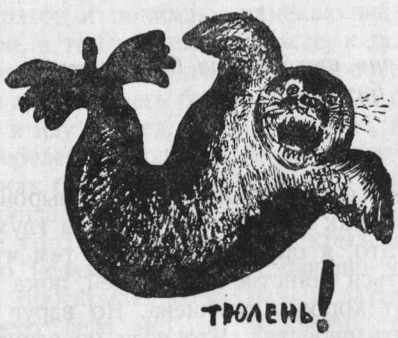
Время было вставать: мы все зашевелились, стали завертывать ноги в портянки, натягивать сапоги. Тюленя-то, может быть, Антипыч нарочно и выдумал, чтобы нас всех разом поднять, а не прикладываться к каждому.

БЕЛЫЙ МОХ

При выходе из дому зашел интересный разговор для меня, на каком расстоянии можно слышать в лесу песню глухаря. Я все еще очень боялся, что и в этот раз,

как в те далекие времена, не услышу песню. Кто говорил, что на двести шагов легко может слышать, кто на полтораста, кто ручался только за сто. Обратились к Антипычу.

— Другой раз,—ответил Антипыч,—он и у тебя над головой поет, а ты не можешь понять, тут не так слух, по-моему, как понимание, надо понятие иметь. Вот пришел я однажды в лес без ружья послушать глухариный ток. По теплому времени глухарь рано запел, вовсе было темно, и никак я не мог его рассмотреть на сосне, бегаю, бегаю вокруг дерева под песню и понять не могу. До того я набегался, что сапоги истрепал, подошва оторвалась. Сел я



на пенек подвязать подошву, приставил ствол к сосне и к уху...

— Какой ствол, да ты же сказал, что пошел без ружья?

— Как без ружья?— нисколько не смутившись, ответил Антипыч.— Как это может лесник идти в лес без ружья?

— Да ты же ведь сам сказал, что пошел без ружья, только чтоб послушать.

— Я к тому сказал, что ружье было не заряжено, и стрелять мне в глухаря нельзя: какое это ружье, ежели не заряжено, вот я к чему сказал, что пошел без ружья. А это самое лучшее: когда не можешь понять, где токует глухарь, приставь ложу к дереву, ствол к уху и сразу поймешь. И только я приставил ствол к уху, вдруг он слетает вниз на белый мох, и откуда ни возьмись другой черный глухарь выходит на белый мох, и начинают друг по другу бить, вот как хлопают, будто бабы валькáми на пруду колотят. А я сижу на пеньке, гляжу и приговариваю: «Ну, валяйте, валяйте, ребята!»

КЛАД

Этим рассказом о глухарях на белом мху окончились все наши беседы. В лесу Антипыч нас вел гуськом по незнакомой тропе. Изредка только слышно было, как прутик стегнет кому-нибудь звучно по кожаному сапогу. Спустя немного времени, и покинув товарищей, мы свернули с Антипычем на просеку и остановились в урочище Клады.

— Как темно!— шепнул я.

— Значит, скоро будет светать!— ответил Антипыч.

И так я замечал не раз, охотники в один голос все говорят, что перед светом всегда бывает особенно темно, что-де в полночь в лесу бывает самое темное время. Не раз в трудные минуты жизни я повторял себе это и уговаривал себя: темно перед светом. И правда, каждый раз у меня рассветало...

Сели мы возле просеки: Антипыч на свою собственную ногу, я на обледенелый пень, положив на него кожаную сумку. Минут пятнадцать мы просидели, и как будто начало немного светлеть. Но глухарей не было слышно, и мы отошли по просеке тихонько, неспеша, еще шагов сто.

— Щелкнул!— шепнул Антипыч.

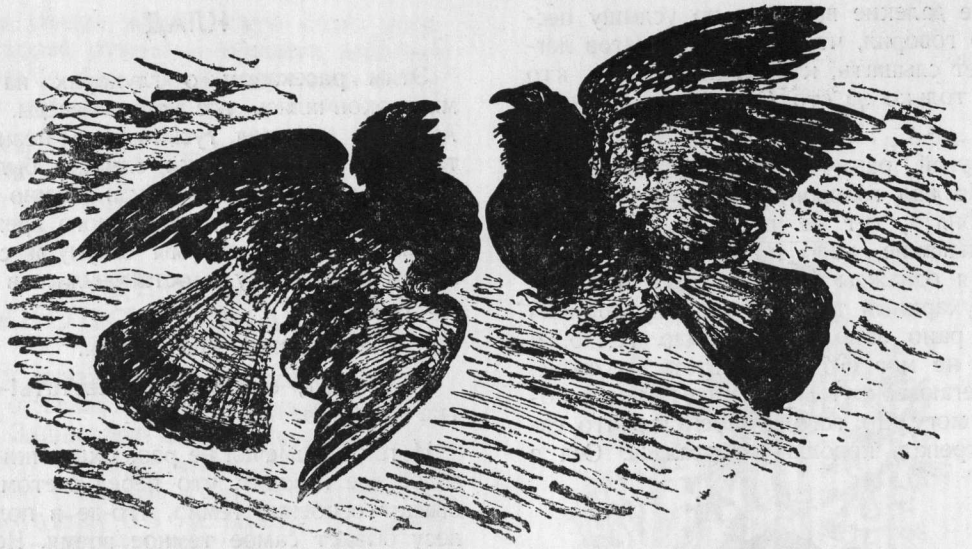
Я не слышал. Приложил ладони к ушным раковинам, много разных шумов послышалось: все больше капли, но того не было. Мы прошли несколько, избегая ногой становиться на белые пятна снега. И опять я приставил ладони и опять услыхал множество падающих с сучка на сучок капель вчерашнего дождя.

— Поет!— уверенно шепнул Антипыч.— Неужели не слышите?

Тогда мне показалось очень странным, зачем он ногтем своего пальца стучит по ложе ружья. До того это было резко странно, что я даже глянул туда, а там ничего: рука неподвижно висит, а вместо пропавшего звука стало казаться, будто кто-то вовсе близко в кусту начал ножик точить: «чи-ки, чи-ки».

— Слышите?

Тут только я понял все и навсегда: не ногтем по ложе и не ножик точили—все это делал глухарь, и все это и есть его «песня». И как же прав был врун Антипыч, говоря, что это не слышать надо, а понять. Я вдруг все понял и ответил уверенно:



...И откуда ни возьмись другой черный глухарь выходит на белый мох, и начинают друг по другу бить...

— Слышу!

Хотя я и очень даже отчетливо слышал песню, но на всякий случай все-таки мы взялись с ним за руки и принялись «под песню», значит, когда глухарь начинал точить ножик, скакать: два—три скачка, чтобы остановиться вовремя, когда еще точение ножика—«чи-ки-чи-ки»—не переходило в капанье—«кап-кап»,—когда глухарь все слышит.

Мало-помалу это глухариное «кап-кап» стало мне так представляться, что в далекие первобытные времена, в первобытном лесу, первобытный человек рубил кремневым топором дерево и этот звук долетал сюда к нам в наши времена через века. И когда я это понял и сосредоточился на этом, то совсем соединился с теми временами, и мне уже явственно было, что тут вот совсем-совсем близко кто-то рубит дрова. Больше рука Николая мне была совсем не нужна: я все понял и вдруг открыл самого глухаря на небольшой сосне, на самом верху. В кулачках сосновой черноты он казался почему-то маленькой птичкой, вроде дрозда, но чудеса эти мне уже хорошо были знакомы в охотничьем опыте, я стал разбираться, определять, что надо считать за хвост, что за грудь, где шея. Я поднял ружье, прислонил его к дереву, возле которого стоял, начал искать мушку, хотя бы на небе, и не мог ее найти даже на светлом фоне. Можно было на светлом только выровнять планку и так подвести ружье под глухаря. Сделав это, я опустил ружье, с тем чтобы насладиться таинственной песней, пока цель не будет хорошо освещена. Но вдруг глухарь петь перестал. Что если он вдруг задумает другое и улетит? На всякий случай я привожу ружье в прежнее положение, чтобы, чуть он шевельнется, и не упустить. По всей вероятности, глухарь бы очень скоро запел, но силы ждать у меня больше не было, и это не я, а сам палец нажал.

— Ну, спасибо тебе, Антипыч,—сказал я, поднимая глухаря,—теперь я пойду искать один.

КРУТОЙ ВЗЛОБОК

Мне удалось убить первого своего глухаря на току почти совсем в темноте, когда только начинало отбеливать, и только-только чувыкнул тетерев, и раскатилась своим диким хохотом белая куропатка. Крутой взлобок, куда я пришел просекой, покрытый сосновым бором, был как остров среди торфяных болот, и все, что там кричало и пело в болотах, здесь наверху, в сосновом бору, звучало, как в огромном резонаторе.

Странно, непонятно это сошлось, что всякая птица на болоте, даже маленький бекас, рассыпаясь барашком, дает такой сильный

звук, а гигантская птица—глухарь—поет тише самой маленькой птицы. И вот все искусство глухариного охотника—это слышать великий концерт и находить в нем такое, что надо не только слышать, а еще понимать и догадываться.

Заря сгорает на небе, и ты сам сгораешь в заре, и тысячи голосов соединяются, и, кажется, все валит вместе по широкой дороге, и тебе тоже надо туда, но почему-то тебе не по той общей дороге надо с песней идти, а в совершенной тишине и отдельной тропочкой.

Я остановился, приложил ладони к ушам Мне послышалось или может быть показалось, и я еще не могу даже верно сказать, в какой стороне. Тихонечко прохожу десяток шагов и понимаю намекающий звук: там он, в той чернеющей массе, и далеко, я еще могу просто идти в ту сторону. Вдруг возле меня на весь бор закудахтала глухарка, и я иду вперед, а она невидимо, вероятно, перелетая с одной темной кроны в другую, как будто преследует меня. Сбоку присоединилась еще одна, и еще... С шумом и после того шикнув по сосне крыльями, сел где-то недалеко глухарь: наверно услыхал меня, проскрипел один раз и затих. Мне до него дела нет, и, вероятно, тем эта охота и отличается от тетеревиной: там все равно, какой косач, лишь бы убить — здесь интересует только тот, кого ты заслышал и стремишься, он единственный. И чем дальше, тем я все больше и больше приживаюсь к этому глухарю: не даром же я, когда он остановился петь, замер, с одной ногой по колено в воде, обняв сосну рукой для равновесия. Другая нога висела в воздухе над водой.

Широкие, как бы мирские, звуки тетеревов давно исчезли в моем сознании, хотя, конечно, косачи теперь все кругом бормочут, я даже не обращаю никакого внимания на глухарок, мало того, послышался явственно другой токующий глухарь, и мне до него нет никакого дела. Мне нужен только тот единственный, и он даже для меня теперь не глухарь, а отдельность, вроде Антипыча. Что он там делает сейчас в темноте? Слышатся глухие удары: занимается с глухаркой? Едва ли... дерется с противником? Вот еще ударил и запел. Показалось, будто далеко, там впереди, между двумя белыми березками, на низу, медленно прошло что-то большое и черное. Не он ли это, глухарь Антипыч, ходит, раздувшись, между березками? Вдруг над головой какой-то глухарь показался на небе, огромнейшая птица, по всей кроне как будто он прошелся крыльями, все обшумел и успокоился: сел. Он мне виден ясно, и мне так легко убить его, но никакой глухарь не может заменить глухаря Антипыча. Мне приходится дожидаться песни: под песню Антипыча можно стрелять хоть из артиллерийского орудия. Выждав начала «чи-ки, чи-ки», я вместо скачка стрельнул в чужака и видел, как он оттуда, сверху, по косой линии спустился в мох, на закраек гривы, захлопал крыльями. От грома выстрела сорвалось несколько глухарок и отозвалось не менее десятка молчунов: все они тревожно проскрипели и остались на своих местах. Но глухарь Антипыч выстрела совсем не слыхал, и теперь он поет и вон ходит между теми березками, как он раздулся, как задорно он держит веер хвоста! Вдруг он взлетел и сел в полдерева и, разгуливая по суку, все поет и поет. Закрываясь деревьями, скачу я, и вот он, слышу, тут, совсем тут. Я тихонечко высунулся: голова мне показалась огненнокрасной, и каждое перышко на шее отдельно дрожит и шевелится, будто это не перья, а пальцы. Увидев недалеко от себя голову с красным цветком и перья на шее, я подумал, что хвоя скрывает от меня всего глухаря, и в эту хвою стрельнул навскидку. Но Антипыч не из-за ветки высунул голову, а из-за ствола огромной сосны, и я весь свой кучный заряд на близком расстоянии единой пулей влепил в дерево, совсем не тронув Антипыча.

ПРАВДА

Когда я, связав своих двух глухарей, перекинув их через плечо, вышел на просеку, то, как часто это бывает в лесах, на просеке вдали увидал человека и скоро узнал в нем Антипыча. Гордый, с двумя глухарями я подошел к нему, и он, конечно, поздравил меня, но не так горячо, как мне бы хотелось. Оказалось, ему надо было мне кое-что рассказать. Идет он сейчас будто бы просекой, хочет завернуть к знакомому большому муравейнику, посмотреть, проверить, как работают этой весной муравьи и началась ли уже их работа. Глядит, а у муравейника зачем-то теленок, и головой теленок в муравейник зарылся. Подошел поближе, а это молодой медведь. Подобравшись к медведю, Антипыч будто бы хлоп его ладонью по ляшке...

— Говорят,—сказал Антипыч,—есть медвежья болезнь, хотел проверить. Хлопнул я

ладонью по ляшке, и что же вы скажете? Окатил весь муравейник сверху и донизу, а сам как провалился под землю, только я и видел его.

Рассказ мне этот что-то не так понравился: очень уж грубо в нем брехня вылезала наружу. Не улыбнувшись, я сказал:

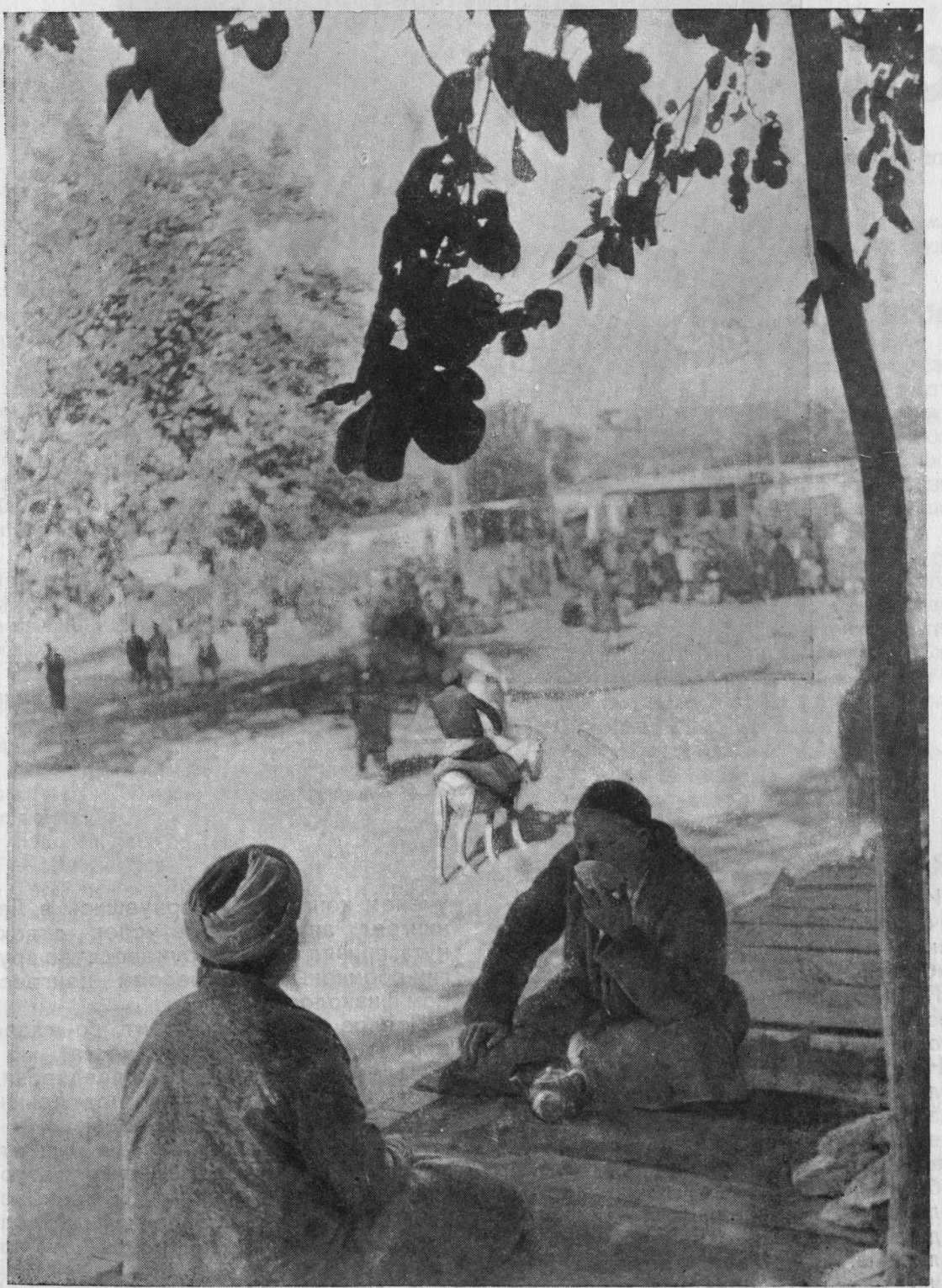
— Эх, Антипыч старый, скоро ли я от тебя правды дождусь?

Вдруг Антипыч от моих слов переменился в лице, вытянул шею, наклонил ко мне голову, и с удивлением я заметил тут в первый раз, что у него от долгой жизни в лесу нажилось какое-то сходство с глухарем.

— Правды захотел?—говорил мне Антипыч, все ближе и ближе дотягиваясь губами до уха.

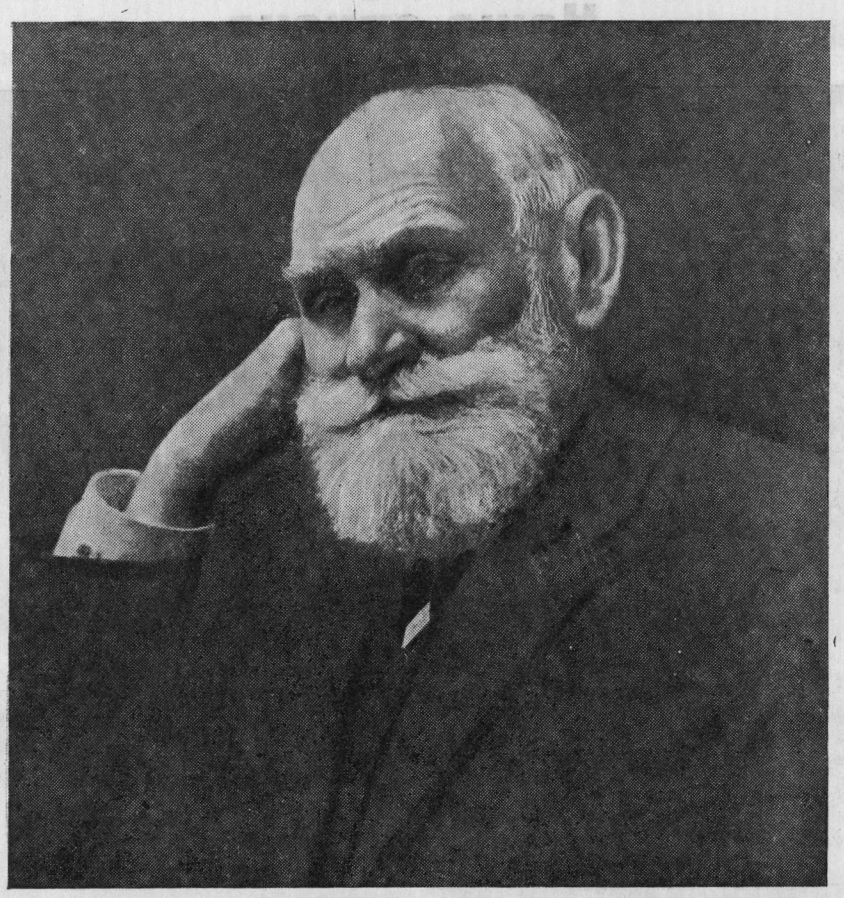
— Нет!—отшатнулся он вдруг от меня.—Нет! Мне восемьдесят первый год пошел, скоро помирать, тебе немного придется ждать, я тогда дам тебе знать: «Помираю», а ты ко мне приходи, наклонись надо мной, ушко мне свое подай, я тогда тебе всю правду перешепну, а ты мне за это закрой глаза.

Прошло много лет. Антипыча нет. Как-нибудь в другой раз я расскажу о том, что такое перешепнул мне Антипыч и какая такая правда была у охотника, лесного жителя.



Ферганская долина — самый плодородный край в Узбекистане. Край весь в зелени. Там много виноградников, растут гранаты, урюк, тутовые деревья...

На фотографии — чайхана у базарной площади, в кишлаке, в Андижанском районе. Обычно чайхану устраивают на деревянном помосте, под деревом или под навесом. Помост покрывают большим ковром. Узбеки пьют чай из широких чашек — пиал.



И. Павлов

Иван Петрович Павлов, один из величайших ученых мира. Он открыл основные законы, по которым идет работа головного мозга.

Павлову сейчас 86 лет. Но годы бессильны одолеть творческую силу этого человека.

Недавно, летом 1935 года, Павлов, только что перенесший тяжелую болезнь, в несколько дней совершил поездку Ленинград — Лондон — Ленинград и в путешествии чувствовал себя прекрасно. Когда плыли морем, большинство пассажиров, даже молодых и здоровых, страдало морской болезнью. Павлов легко перенес морскую качку. В Лондоне, тотчас по приезде, он выступил на всемирном ученом конгрессе. Вернувшись в Ленинград, академик, не успев отдохнуть, принял на себя руководство другим всемирным конгрессом—конгрессом физиологов.

Павлов и сейчас стоит во главе мировой науки о работе мозга.

Недавно специально для павловских исследований воздвигнут под Ленинградом целый ученый городок.

Академик Павлов всегда был отличным спортсменом и физкультурником. До последних лет он прекрасный пловец и велосипедист. Но самый любимый спорт Павлова—это городки.

В статье „Обжигающее слово" рассказывается о работах Павлова.

ОБЖИГАЮЩЕЕ СЛОВО

Алексей Югов

Доктор и спящий

Можно ли словом, только словом, обжечь по-настоящему, до красноты, до опухоли, до волдыря?

Оказывается, можно.

Кабинет доктора. На диване навзничь лежит человек. По всему видно, что он спит. Однако, если доктор обратится к спящему, то он ответит — тихо и медленно, как бы спросонок. Странный какой-то этот сон! Как будто не весь человек заснул, а частью спит, частью не спит.

Доктор берет руку спящего, подымает ее и затем отпускает. Рука застыла в воздухе. Она остается так долго-долго. Затем медленно, словно вся она из подтаявшего воска, рука начинает опускаться.

Доктор накладывает на руку спящего бумажку, смоченную в воде, и говорит:

— Раскаленное железо! К вашей руке прикасаются раскаленным железом. Ожог!

Спящий вздрагивает и, вскрикнув, отдергивает руку. Однако странный сон его продолжается.

Наконец, доктор говорит:

— Проснитесь!

Тогда человек открывает глаза и просыпается.

Снимают бумажку. Под нею краснота. Затем кожа припухает. Дотронуться больно. А еще через некоторое время появляется прозрачный волдырь, наполненный жидкостью.

Слово обожгло!

Однако, может быть, бумажка обожгла, а не слово? Нет. Выяснено точно: если доктор ничего не скажет спящему, то бумажка может оставаться на руке и сутки и двое суток — никакого ожога не будет.

Значит, ясно, что обжигает слово.

Заграницей такие опыты удавались Форелю, Геллеру, Шульцу, Альрутцу, у нас, в Советском союзе, — доктору Финнэ в Украинском психо-неврологическом институте, в отделении профессора Платонова.

Однако и мы с вами сейчас же, сию минуту, можем произвести опыт, не хуже того.

Опыт начинается

Вообразите, что у вас на глазах разрезают на блюдце лимон. Разрезают на ломтики. Лимонный сок стекает с лезвия ножа. Хотите попробовать? Вы берете один ломтик, прозрачный, со скользкими зернышками. Кладете ломтик лимона на кончик языка и начинаете высасывать. И сразу на языке у вас кислый лимонный сок.

Хватит! Опыт наш состоялся. Можно ручаться, что у вас во время чтения этих строк выделилась слюна, как будто к вам в рот в самом деле попало что-нибудь кислое. Слово подействовало как кислота. Слово стало з а м е с т и т е л е м к и с л о т ы!

А там оно было з а м е с т и т е л е м раскаленного железа.

Опыты, хотя и разные, но сразу видно, что оба они основаны на чем-то одном.

В чем же тут дело?

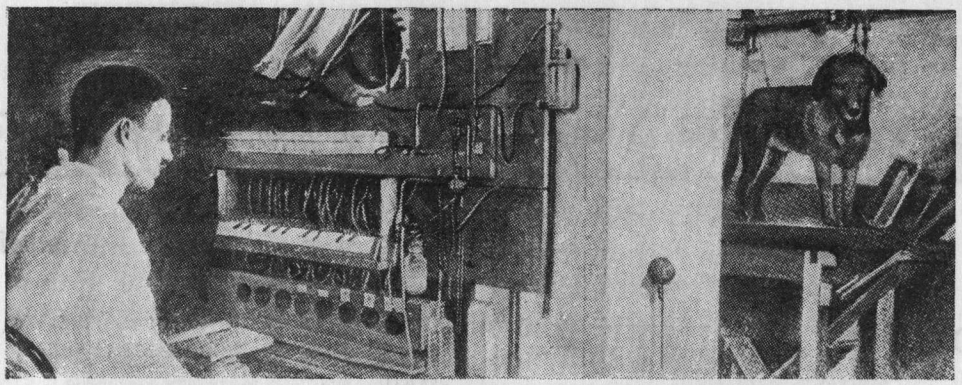
В башнях молчания

От простого рассказа про что-нибудь кислое у нас начинают «течь слюнки».

Один из величайших мировых ученых, академик Иван Петрович Павлов, десятки лет своей жизни отдал на то, чтобы наблюдать, как текут слюнки не у человека даже, а у самой обыкновенной собаки-дворняги.

В Ленинграде есть знаменитые павловские «башни молчания».

В башнях молчания находятся большие звуконепроницаемые камеры. Когда войдешь в такую камеру и попросишь наглухо закрыть там тебя одного, то скоро какое-то невольное беспокойство начинает охватывать тебя. «Вот так, наверное, — думаешь, — бывает в водолазном колоколе на дне моря». Сердце начинает стучать быстро-



Звуконепроницаемая камера (дверь открыта)

быстро и громко. И шум крови в ушах — это единственный звук, который слышишь в этой страшной тишине, если стоишь неподвижно. Хоть кричи, пока хватит сил, хоть до крови разбей кулаки или разломай табурет в щепы об эти глухие стены, — снаружи тебя никто не услышит...

В такую камеру на время опытов ставится в особом станке собака, над которой заранее была проделана очень тонкая операция.

Устроено так, что без малейшего вреда для собаки слюна у нее из одной слюнной железки капает не в рот, а сквозь щеку наружу. И целыми годами это сквозное отверстие в щеке не зарастает.

Снаружи камеры сидит доктор, помощник Павлова. Он смотрит в зрительную трубку с зеркалами, в перископ, вроде того, как бывает у подводных лодок. Доктор видит каждое движение собаки, но она-то не видит и не слышит его.

Перед мордой собаки круглая вертушка-кормушка. В ней несколько чашек. В каждой чашке мясосухарный порошок. Собаке он очень нравится. Но вот беда: вся круглая кормушка под крышкой. И только в одном месте крышки есть прорезь, но пока против этой прорези нет чашки с мясосухарным порошком. Под рукой у доктора целый набор резиновых груш. Вот он нажал одну из них — и в камере, над головой собаки, застучал маятник. Собака насторожила уши. Доктор нажал вторую резиновую грушу — и вот, наконец-то, кормушка повернулась, и против прорези оказалась чашка с мясосухарным порошком. Через мгновение чашка пуста и вылизана до блеска.

Наследство предков

Когда собака ест, у нее выделяется много слюны. Тем больше слюны, чем корм суше.

Так бывает и у каждого из нас: стоит только взять в рот сухарь. Иначе не проглотишь: сухой комок пищи застрял бы в глотке.

От кислого, от горького, или от чего-нибудь едкого слюны тоже очень много. В этом большой смысл. Сильные кислоты вредны организму, а слюна их разбавляет и обезвреживает.

Значит, мало того, что слюна обязательно нужна для того, чтобы пробовать, глотать и переваривать пищу: слюна, оказывается, — и защитница.

Какое изумительное приспособление! И оно достается и человеку и животному без всякого труда, по наследству от родителей. Никто этому не учится, никто над этим не задумывается. Стоит попасть пище в рот, как слюна готова.

Вот почему и говорят: выделение слюны в ответ на раздражение рта — это врожденный «рефлекс». Он одинаков у собаки, у новорожденного младенца, у взрослого ученого доктора.

Но вернемся к нашей затворнице в башне молчания.

Много раз подряд там происходит все одно и то же: простучит маятник-метроном, тотчас же вслед за ним откроется кормушка, собака жадно начнет поедать пищу, а доктор за стеной запишет, сколько капель слюны выделилось у собаки за 30 секунд сквозь дырочку на щеке. Стук маятника,

пища, слюна. Стук маятника, пища, слюна.

Но вдруг маятник простучал, а чашка с пищей так и не раскрылась. И все-таки на один только звук маятника у собаки обильно закапала слюна!

Вот это уже новое! Когда собаку впервые ставили на опыт, то у нее этого не было.

Вот опять «впустую» застучал маятник— и опять слюна, как будто сам мясосухарный порошок уже во рту у собаки.

Звук маятника-метронома стал заместителем пищи.

Снова все то же знакомое нам и непонятное явление!

В чем же, наконец, тут дело?

Может быть, собака попросту поняла, догадалась, что звук метронома—предвестник пищи?

Так и об'ясняли поведение собаки до Павлова:

Почему собака машет хвостом? А потому, что ей так хочется. Почему собака шарахается от палки? А потому, что подумала: «Ударят, пожалуй,—уберусь-ка я лучше отсюда, пока не поздно». Почему, когда метроном стучит в камере, — у собаки «слюнки текут»? А потому, что сообразила: «Ага, метроном уже был,—значит, сейчас покушать дадут!»

С такими об'яснениями сотни лет толклись ученые на одном месте и не могли об'яснить поведение собаки.

Великий переворот

— Довольно!—сказал, наконец, Павлов.— Как можем мы знать, что думает собака и думает ли вообще? Человек думает—это-то мы знаем. Но человек — не собака. И нельзя так просто переносить это с человека на собаку.— И Павлов раз навсегда запретил и себе и своим помощникам «гадать» насчет чувств и размышлений собаки. За такие слова как: «собака подумала, захотела, решила»—Павлов первое время безжалостно штрафовал и себя и других.

И в самом деле, как может размышлять собака, если у нее даже и слов-то нет? А человек даже когда думает молча, у него все-таки проносятся в голове, как бы сокращенно, мельком, слова. Какие-то тени слов, их следы. И даже, оказывается, язык и губы молча думающего человека двигаются чуть заметно, так, как если бы человек совсем неслышно говорил.

Ничего этого нет у собаки.

И потому, если мы хотим об'яснить поведение собаки, надо изучить то, что мы на самом деле видим у собаки, а не то, что мы придумываем про нее.

Будем изучать работу собачьего мозга так, как изучают, скажем, сердце: делать опыты и наблюдать.

Делать опыты с мозгом? Но как же это: продолбить во многих местах череп? Но выживет ли собака? А если выживет, то разве будет она вести себя так, как здоровая собака? Да и много ли мы увидим, если прямо будем рассматривать открытый собачий мозг?

Нет, рассуждал Павлов, нужно другое окно в живой мозг собаки.

И Павлов нашел такое окно.

Он сделал таким окном слюнную железу собаки!

Слюна и тайны мозга! Что здесь общего?

Тысячи ученых и до Павлова видели, как выделяется слюна у собаки. Но никому из них и в голову не приходило, что вот здесь-то и лежит прямой путь к раскрытию самых глубоких тайн ума и мозга.

Десятки лет Павлов и его сотрудники смотрели через свое «окошечко» в мозг собаки.

— Как же вы хотите, — говорил Павлов, — понять работу человеческого мозга, если вы не знаете, что происходит даже в мозгу собаки?

И теперь 86-летний ученый часами и днями просиживает у перископа звуконепроницаемой камеры и терпеливо каждые 30 секунд сам отсчитывает капельки собачьей слюны.

Окно в живую голову

Что же увидел Павлов через свое «окошечко» в голове живой собаки?

Собака ест, пища раздражает язык и тонкую кожу рта. А в языке и кругом во рту находится множество нервов. И каждая точка рта соединена с мозгом нервами, как бы телеграфными проводами. Пища раздражает концы нервов, и нервный «ток раздражения» бежит по ним к мозгу.

Так сигнал о том, что в рот попала пища, доходит до определенного участка мозга; назовем его, скажем, пищевым участком. А этот участок мозга, словно стрелочник, переводит нервный ток на возвратный путь, опять в рот. Но на этот раз ток ударяет в слюнные пузырьки, заложенные в мясе щек, под языком и под челюстями. И слюнные железки тотчас выпускают в

рот слюну. Так происходит неизменно, обязательно, как только в рот попадает пища. И никакой ум здесь не при чем. Уж скорее это похоже на работу автомата, который, как только опустишь в него гривенник, выбрасывает газету.

Вот это автоматическое, врожденное устройство у животных и у человека и называется врожденный, или постоянный, рефлекс. Слово «рефлекс» — по-русски отражение, отскакивание. Потому что в мозгу нервный ток отражается, отскакивает обратно.

С быстротой самолета

Правда, что такое этот нервный ток, мы еще хорошо не знаем. Он гораздо медленнее настоящего электрического тока. Электрический ток в одну секунду может пройти до 300 000 километров. Если мы вокруг земли по экватору протянем проволоку, то электрический ток сделал бы в одну секунду семь—восемь полных кругов по ней.

А нервный ток в это время по своему живому проводу успеет пройти не больше 70 — 100 метров, не быстрее самолета средней скорости!

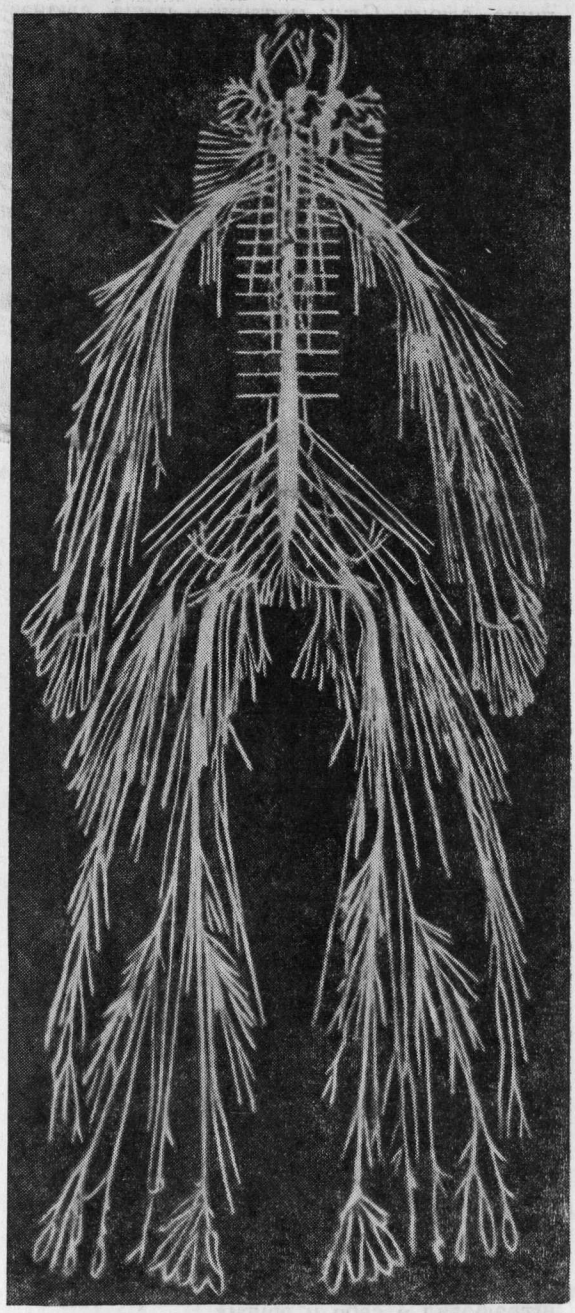
Но так как и в теле животных и в теле человека больших расстояний нет, то нервный ток мгновенно успевает примчаться в мозг и отразиться обратно. Пища только коснется рта, как уже выделяется слюна: врожденный рефлекс делает свое дело моментально.

Не только слюнной рефлекс врожденный. Есть много и других.

Нечаянно вы натолкнулись рукой на тлеющую папиросу. И в один миг, так, что вы и подумать ничего не успеете, сама собой рука отдернется. Это болевой, или защитный, рефлекс. И без болевого рефлекса, все равно как без слюнного, нельзя жить ни человеку, ни животному. Боль — сигнал: «Вредно! Опасно! Погибнуть можешь!»

Есть очень тяжелые больные: у них нарушена болевая чувствительность. Если в ладонь такому человеку положить раскаленный уголь — живое мясо будет гореть, а он и не почувствует. Долго ли прожил бы на свете такой человек без надзора, без ухода за ним!

Итак, врожденные рефлексы всегда полезны, необходимы — без них нельзя жить. Это первое. А второе: они постоянны, безотказны, всегда наготове. И путь, каким бежит нервный ток по нервному «проводу» и по мозгу при каждом из таких рефлексов,—всегда один и тот же.



Это не чертеж, не рисунок, а фотоснимок с настоящих нервов, извлеченных из тела.

Но если слюна выделяется в ответ на один только звук метронома,—это уже не

врожденный рефлекс. В начале опытов этого не бывает, а лишь вырабатывается постепенно.

Потому-то такое слюнотечение на метроном, на заместителя пищи, и называют: выработанный, или приобретенный, слюнной рефлекс.

Но все же, оказывается, рефлекс? Да. Потому что и здесь нервное возбуждение, прибежавшее в мозг, тоже отражается, отскакивает.

Звук метронома ударяет в ухо. В слуховом нерве начинается возбуждение. Оно бежит, конечно, не в слюнно-пищевой, а в слуховой участок мозга. А в результате выделяется слюна! Как же это: звуковое возбуждение попало на чужую, на слюнную дорогу? Почему оно затронуло слюнные железки?

Так получается потому, что в мозгу, между слуховым участком и слюнно-пищевым, проторилась новая дорожка.

Новая! Вот что важно. До этого ее не было.

Теперь оба участка связаны, и когда возбудится слуховой участок, то возбуждение перебегает и на слюнно-пищевой. А отсюда уж путь старый, известный, прирожденный — к слюнным железкам во рту. Ухо и слюнная железка оказались соединены. Все равно как через телефонную станцию соединились телефоны двух разных квартир!

Когда застучал метроном, то тут же перед собакой открылась и кормушка. От звуков метронома получался в мозгу один раздражительный ток, а от пищи—другой. Так было много раз. И каждый раз в мозгу раздражение доходило сразу до двух участков: до слюнно-пищевого и до слухового.

А Павлов открыл такой закон: если в одно и то же время возникает раздражительный ток сразу в двух участках, то тот участок, где раздражение сильнее, притягивает к себе слабое раздражение с другого участка.

Но пищевой участок мозга — один из сильнейших. С ним может померяться силой только защитный, болевой. Оно и понятно: голод и боль — ведь это же сигналы об угрозе самой жизни!

Вот почему со слухового слабого участка возбуждение раз за разом притягивается к сильному—слюнно-пищевому. Наконец, между ними как бы проторяется «тропинка». Конечно, эту тропинку ни в какой микроскоп не увидишь. Теперь оба участка будут работать в паре. Тронь слуховой — заработает слюнной.

Не только звук: любой предмет, любое явление можно сделать временным заместителем пищи, ее сигналом.

Был такой случай: одной павловской собаке во время еды причиняли страшную боль электрическим током, так делали много раз; в конце концов, на эту невыносимую боль собака стала облизываться и пускать слюни!

Можно ли назвать такое поведение умным? Конечно, нет! Вот и видно, что если приписать собаке человеческие размышления, то никак ее поведения не об'яснишь. А дело просто: от частых совпадений боли и пищи проторилась в больших полушариях головного мозга собаки нервная дорожка от болевого участка к пищевому, боль стала сигналом — заместителем пищи.

Щенок «умнеет»

Врожденные рефлексы полезны. А приобретенные? Да, некоторые из них даже необходимы. Мир вокруг животного сложен и опасен. Надо выработать безошибочные ответы на «сигналы» и «раздражения» из этого мира. Без этого не проживешь. Надо издали распознавать признаки—сигналы врага — и признаки — сигналы пищи. Иначе погибнешь.

Но такое правильное поведение не передается по наследству.

Если у щенка кусок мяса еще ни разу не побывал во рту, то щенок никак по одному виду не узнает, что мясо — пища. Он смотрит на мясо все равно как на кусок дерева. Но вот один или два раза щенку пришлось попробовать мяса. Оба раза пищевой центр в мозгу получил сильное раздражение. Но ведь в это же самое время через глаза щенка приходило в его мозг и другое раздражение — от вида и от цвета этого же самого мяса. Только это раздражение шло в глазной участок мозга.

Сильное пищевое раздражение перетянуло к себе более слабое, зрительное. Между двумя участками проторилась тропинка! И вот теперь один только вид мяса будет приводить в действие и слюнные железки щенка, и его язык, и его челюсти, и, наконец, ноги. Вид мяса стал сигналом пищи! А по-житейски мы скажем: щенок начал узнавать мясо издали. И, конечно, выработка этого рефлекса для щенка—дело полезное.

Вот щенок стал прибегать на кличку.

И это приобретенный рефлекс. Кличка много раз совпадала с пищей.

Почему собака убегает от одного только вида поднятой палки? Горький жизненный опыт. А между какими участками в мозгу проторились у нее связи, — это вы теперь скажете сами. Конечно, пищевой участок на этот раз здесь не при чем.

Не только на пищевой врожденный рефлекс, но и на болевой врожденный тоже могут «нацепляться» приобретенные рефлексы.

А когда хорошенько проторится в мозгу путь первого приобретенного рефлекса, то тогда можно «прицепить» к нему и еще один новый рефлекс.

Вот собака, наконец, начала давать слюну на звук метронома. Но если много раз перед метрономом будет зажигаться лампочка, то собака начнет гнать слюну и на лампочку.

Вот уж какая «умная» собака! Знает: сначала лампочка — ага, значит, дальше будет метроном, а потом и покушать дадут, можно и слюну готовить!

Но только рефлекс на лампочку будет уже не прочный.

У животных удается выработать лишь короткие цепи рефлексов.

Вся выучка животного, вся его дрессировка, весь его опыт — это цепь вновь проторенных рефлексов на сигналы — на «заместителя».

Теперь мы знаем, почему старое животное опытнее молодого.

Собака-идиотка никогда не поумнеет

Однажды ученый Гольц вырезал у собаки весь верхний этаж головного мозга, так называемые большие полушария. Собака выжила, она прожила два с половиной года после такой страшной операции. Но она стала полным идиотом. Вся ее выучка пропала: не только хозяина, который всегда ее кормил, она перестала узнавать, но даже вид самой вкусной пищи не вызывал у нее никаких движений. Чтобы она стала есть, нужно было пищу всунуть ей в рот. От палки, занесенной над ней, собака не убегала. Эту собаку не смог бы ничему выучить даже сам дедушка Дуров. У собаки уничтожились в мозгу рефлексы на сигналы пищи и боли, а новых выработать нельзя было, потому что эти рефлексы вырабатываются в больших полушариях, в самом верхнем этаже головного мозга. А у собаки его-то и не было.

А что, если два—три раза обмануть собаку: сигнал метронома дать, а пищи не дать? Неужели собака так и будет все время слюни пускать?

Нет, оказывается, слюнная железка забастует. Выработанный слюнной рефлекс угаснет.

— Ну вот, — хочется опять сказать любопытельски — у собаки есть ум, вот этот ум и сообразил, что обманывают.

Заплатили бы вы штраф Павлову за такие выражения!

Дело проще: проторенная в мозгу тропинка заглохла. Ее заглушил противоположный, глушительный нервный ток. Павлов назвал этот задерживающий нервный ток «торможением».

Но заглохший рефлекс можно вскоре и восстановить. Тогда собака опять станет давать слюну на один только звук метронома. Не обязательно для этого собаку снова подкармливать: достаточно, если перед ней, например, вспыхнет лампочка; в мозг собаки от света лампочки войдет новая порция возбудительного тока и собьет «торможение» с тропинки рефлекса.

Кот и мыши

Многие видали в цирке знаменитую дуровскую железную дорогу: крысы, белые и серые мыши бегут к поезду, и каждая группа пассажиров всегда, в самом организованном порядке занимает только свой вагон. В чем здесь секрет? А в том, что задолго до представления в цирке каждая группа «пассажиров» ежедневно находила свой корм только в вагоне одного цвета. Например крысы — только в синем. И синее стало для них сигналом пищи.

Дурову удалось даже злейшего убийцу мышей—кота—сделать образцовым и заботливым начальником станции. И ни одного пассажира этот начальник не с'ел.

Такое благонравие кота, повидимому, воспитано на другом врожденном рефлексе — на болевом. Будущему начальнику станции в присутствии будущих пассажиров, вероятно, причинялась боль, едва только он начинал проявлять к ним чересчур большой интерес!

Болевой участок в мозгу кота приходил много раз в сильное возбуждение. А Павлов открыл такой закон для работы мозга:

если один участок сильно возбужден, то работа других, напротив, приглушается. Вот хватательный рефлекс на мышей в конце-концов у кота и затормозился. А потом уж и один вид мышей стал как-бы сигналом боли. И один вид мышей стал задерживать хватательный рефлекс.

Вы и сами можете заставить какую-нибудь хищную рыбу жить вместе с мелкими рыбешками, ее обычными жертвами. Разгородите их в аквариуме тонкой стеклянной стенкой, чтобы хищница хорошо видела добычу, но при каждой попытке напасть стукалась бы головой о преграду.

Потом вы можете спокойно убрать перегородку. Болевой участок у вашей рыбы, как и у дуровского кота, затормозил работу пищевого. Только не морите вашу рыбу голодом. А то в конце концов пищевой участок придет у нее в слишком сильное возбуждение: голод — не тетка! Тогда слетят все задержки, и придется спешно спасать рыбок из общего аквариума.

Ребенок и самовар

Мы говорили про собаку, про рыбу, про кота. А как же у человека? Могут ли у него создаваться условные рефлексы? Конечно, могут. И даже гораздо лучше чем у животных.

Конечно, все, что делает человек, об'яснять условными рефлексами нельзя, но кое-что все-таки можно.

Ребенок тянется к блестящему горячему самовару. Обожжется и заревет. Другой раз потянется, третий. А четвертый раз тянуться уже не будет: один вид самовара стал действовать на руку младенца подобно боли и ожогу: рука тотчас отдернется, если мать, даже ради шутки, попробует приблизить ее к самовару. Есть тут сходство с дуровским котом или с нашей хищной рыбой?

А если мать при каждом ожоге младенца будет говорить: «Бобо, нельзя!», то очень скоро уже при этих словах он будет отдергивать руку. Слово сделалось заместителем боли и ожога!

Как обжигает слово

Теперь, наконец, делается понятно, каким образом слово доктора заместило собой раскаленное железо. Помните самый первый опыт, где слово обожгло.

Дело началось с того, что кожа под бумажкой сильно покраснела, то есть получился сильный прилив крови.

А что слово имеет такую силу, каждый по себе знает. У кого не краснели щеки от обидных, оскорбительных слов?

И не только слово: одно лишь воспоминание, мысль, скажем, о чем-нибудь страшном может заставить наше сердце стучать быстро и громко.

Вот какую власть могут иметь слова и мысли над нашим телом! Одно только название какого-нибудь предмета уж действует на наш организм, как самый этот предмет. Конечно, для этого необходимо, чтобы слово — название предмета — много раз слышалось нами во время действия самого предмета.

А ведь сколько раз слова: «больно!», «жжет!» — как раз совпадали с настоящим ожогом! Удивительно ли, что эти слова приобрели в конце концов какую-то часть действия настоящей боли и настоящего ожога. Но что же должно сделаться в мозгу, чтобы так получилось? Об этом пока можно говорить только приблизительно. Повидимому, должны проториться в голове, в больших полушариях тропинки между участком слуха и участком боли. А мы знаем, что где сильная боль, там и прилив крови и припухлость. Это уж врожденная связь, а не выработанная.

Но ведь даже и от красноты и припухлости до пузыря еще очень далеко! Неужели настолько слово может заменить настоящую боль и настоящий ожог?

Как видите, может. Но, однако, не у всех, а только у людей очень впечатлительных. Да и то сначала нужно такого человека погрузить в гипноз, то есть в частичный сон. Тогда будет приглушена работа больших полушарий, кроме одного участка, который слышит слова доктора о боли и ожоге.

И тогда этот недремлющий, сильно возбужденный участок становится сильнее всех других. Он сейчас, в минуту гипноза, не имеет себе соперников в коре больших полушарий. И его возбудительные токи делаются так сильны, что могут захватить и болевой участок и привести его в такое же возбуждение, как настоящий ожог.

И припухлость и пузыри появляются тогда там, где есть хотя бы маленькое раздражение от приложенной бумажки.

Так обжигает слово.

ПРО ВЕСЕЛОГО ТУРИСТА

Сергей Михалков *Рис. Г. Берендгофа*

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,
Минуя большие озера,
Веселый шагал человек.

И лет ему, кажется, было
Немного. И нес он мешок,
А в нем полотенце, да мыло,
Да белый зубной порошок.

Он встретить в пути не боялся
Ни змей, ни быков, ни собак,
А если встречал, то смеялся
И сам приговаривал так:

«Я вышел из комнаты тесной,
И весело дышится мне.
Куда я иду, неизвестно.
Все видеть, все знать интересно,
И вот я хожу по стране!»

Он шел без ружья и без палки,
Песками, высокой травой.
Летали кукушки да галки
Над самой его головой.

И даже быки племенные
Мычали по-дружески: «Мм-у»,
И даже собаки цепные
Махали хвостами ему.

Он шел по тропам и дорогам,
Волков и медведей встречал,
Но зверь человека не трогал,
А издали только рычал.

Он слышал и зверя и птицу,
В колючие лазил кусты,
Он трогал руками пшеницу,
Он дикие нюхал цветы.

И туча над ним вместо крыши,
А вместо будильника — гром.
И все, что он видел и слышал,
В тетрадку записывал он.

А чтобы еще интересней
И легче казалось идти,
Он пел, и веселая песня
Ему помогала в пути.

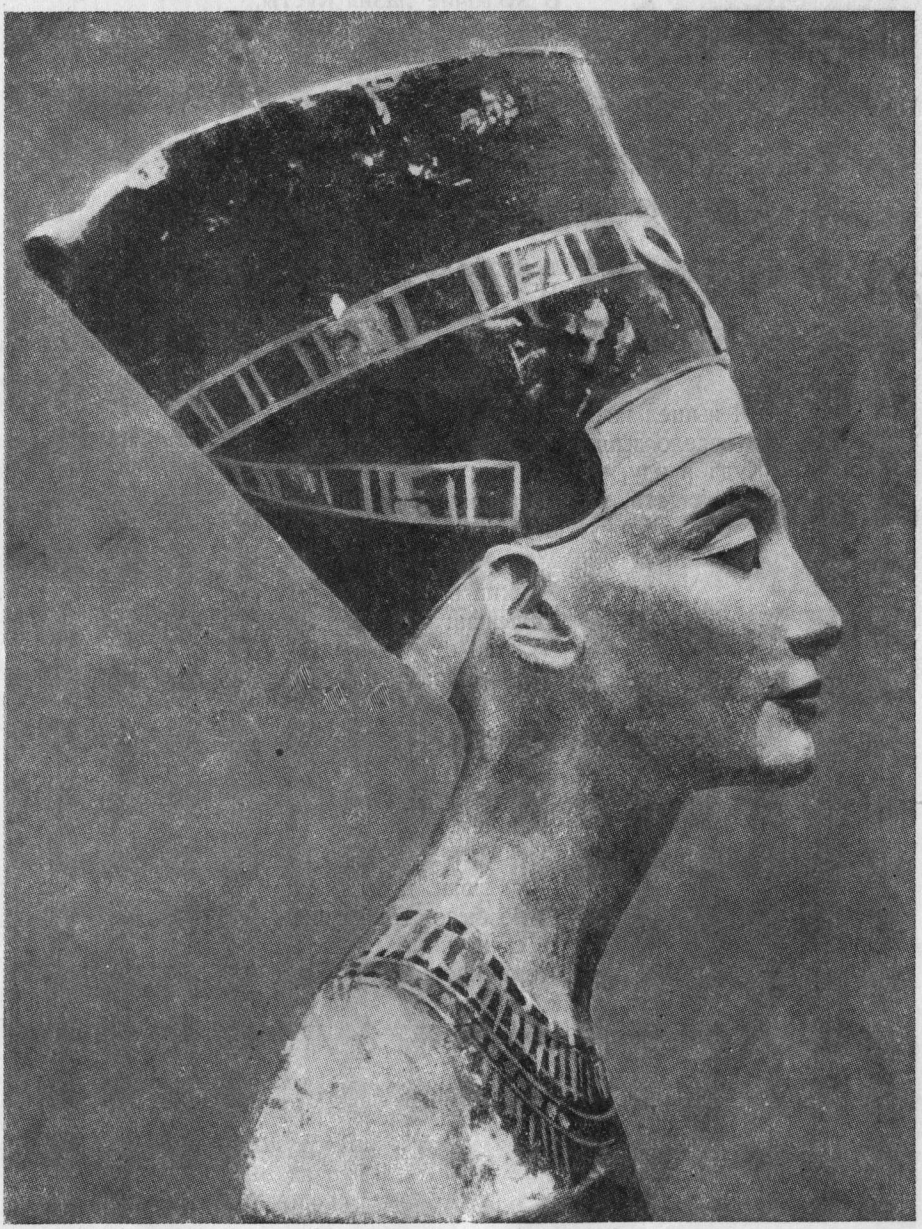
«Я вышел из комнаты тесной,
И весело дышится мне.
Куда я иду, неизвестно,
Все видеть, все знать интересно,
И вот я хожу по стране!»

И окна в домах открывали,
Услышав: он мимо идет,
И люди ему подпевали
В квартирах, в садах, у ворот.

И весело хлопали дверью.
И вдруг покидали свой дом,
И самые хищные звери
Им были в пути нипочем.

Шли люди, и было их много,
И не было людям числа.
А с ними по разным дорогам
Короткая песенка шла.

И я эту песню услышал,
Приятеля голос узнал,
Без шапки на улицу вышел,
И песенку эту догнал.



Загадка Нофретити

В 160 милях от Нильской дельты, в цветущей долине, окаймленной скалами, лежит мертвый город. В нем кое-где еще сохранились улицы. Остатки домов на один—два метра возвышаются над землей. Крыши давно рухнули, стены покосились.

Называется эта местность Тэлль-эль-Амарна.

Около 3500 лет назад здесь была столица египетского фараона Эхнатона — многолюдный, богатый город с дворцами, храмами, садами.

Сюда в поисках работы стекались со всей страны каменщики, плотники, резчики по дереву и металлу, ювелиры, гончары, портные, цирюльники. Далеко за предела-

ми города славились его изделия из стекла и фаянса.

И назывался тогда этот город — Ахетатон, что значит «горизонт солнца».

Теперь мертвая долина оживает только с прибытием археологических экспедиций. Ученые-археологи терпеливо ищут следы давно ушедшей жизни. Труд их кропотлив и упорен.

Они проникают в уцелевшие дома, гробницы, исследуют каждую стену, каждый камень с источенной временем надписью. Они настойчивы и терпеливы. Они просевают сквозь металлические сита всю землю вокруг развалин какого-нибудь храма или дворца и не упустят и бусинки, если она осталась в земле от тех древних времен.

Бывают удивительные удачи. Экспедиции 1881 года посчастливилось найти здесь около трехсот глиняных табличек-писем и донесений, три с половиной тысячи лет пролежавших в маленьком кирпичном домике. В нем некогда была канцелярия фараона.

Экспедиции 1912 года досталось другое замечательное сокровище.

Оно было найдено меж полуразвалившихся стен, которые были когда-то стенами дома. Тогда в этом доме помещалась мастерская придворного скульптора по имени Тутмос.

Первое, что увидели ученые, были осколки разбитой скульптуры. Осколки эти валялись в беспорядке на земляном полу.

Есть игра, называется она «головоломка». Из дощечек различной формы нужно сложить определенный рисунок. Разгадывать такие головоломки, но еще более сложные и не зная заранее рисунка, археологам приходится очень часто. Так, из найденных в мастерской Тутмоса осколков археологи сложили скульптурный портрет фараона Эхнатона. Это была первая находка.

За ней последовала вторая.

Раскапывая в мастерской земляной пол, ученые натолкнулись на ярко раскрашенный камень. Работа пошла медленней. Боялись повредить лежащее в земле сокровище. Рабочие бросили лопаты и совки. Стали рыть землю голыми руками.

В земле лежал второй бюст. Он был цел. Сперва открылась коричневая шея, потом, что-то синее, цилиндрической формы.

Голова глубоко зарылась носом в землю.

После бесконечных предосторожностей находку извлекли из земли, очистили от прилипшей грязи и рассмотрели.

Перед археологами стоял скульптурный портрет женщины удивительной красоты. Бюст был высечен из камня и окрашен. На смугло-коричневом лице чуть улыбались красные губы. Шею украшало ожерелье из золота и самоцветов, похожее на венок из переплетенных листьев и плодов. Голову увенчивал высокий парик цилиндрической формы. Он был синий.

Синеволосыми египтяне представляли себе богов. Фараоны называли себя детьми богов и в знак своего достоинства носили синие парики. О царском достоинстве женщины свидетельствовала и изображенная по середине парика змея — Урей.

Имя женщины, изображенной Тутмосом, установили без труда. Ученые знали ее по многим другим скульптурным изображениям того времени.

Это была Нофретити — жена фараона Эхнатона. Сложенный при ее жизни гимн называл ее «вечно живущая и цветущая Нофретити».

Бюст сохранился хорошо. Отбились только уши. Осколки их скоро нашли, продолжая раскапывать землю. Но левого глаза недоставало. Тутмос сделал правый глаз из черного дерева с блестящим горным хрусталем посредине. Левый глаз остался белым, безжизненным. Почему же Тутмос не закончил работу?

Разгадку дает ученым разбитый бюст фараона Эхнатона, найденный в той же мастерской.

Истории известно, что после смерти Эхнатона произошло восстание, поднятое жрецами. А зная это, ученые пытаются восстановить то, что произошло в этой мастерской 3500 лет назад.

Поднятая жрецами толпа, говорят они, ворвалась в мастерскую придворного скульптора. Незаконченные работы стояли на выступе стены. Бюст ненавистного фараона сразу заметили. Толпа сбила его, разнесла в куски и разметала их по полу. Эти осколки и были найдены экспедицией.

Нофретити тогда не тронули.

Восстание заставило приверженцев фараона бежать. Город вскоре опустел. Преемник Эхнатона перенес столицу назад, в Фивы.

Ахетатон приходил в запустение. Жителей становилось все меньше. Их притянула новая столица. Брошенные дома и дворцы ветшали и рушились.

Опустела и мастерская Тутмоса.

Одна Нофретити стояла на выступе стены.

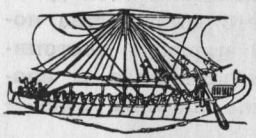
Потом от времени и дождей стена подгнила и покосилась.

Бюст Нофретити упал на мягкий земляной пол. Упал — и не разбился. И так остался на тысячелетия.

Так ли это было? Может быть по какой-нибудь вновь найденной надписи ученые сумеют разгадать и эту «головоломку».

И вот перед вами голова Нофретити. Ей 3500 лет. Но она так же жива и прекрасна, как и в тот день, когда замечательный египетский скульптор Тутмос в последний раз работал над ней.

„Перевернутая вода“



Египтяне не знали ни севера, ни юга. Как мы теперь говорим, указывая направление, на север, — египтяне говорили: «вниз по течению». А юг они обозначали: «вверх по течению». Ведь Нил течет с юга на север. А Нил давал воду полям, управлял всей жизнью Египта. И по его течению указывали направление движения.

При Тутмосе III египетские воины зашли далеко в Азию. Им встретилась река Ефрат. Она течет с севера на юг. Это было так непонятно, что Ефрат назвали «той перевернутой водой, которая движется вниз по течению, в то время когда она течет вверх» (т. е. на юг).

Кузнецы, резчики, каменотесы.

«Я видел кузнеца за работой у пасти горна, у него пальцы крокодила, и черен он как рыбья икра. Каменотес ищет всякого рода работ из твердого камня. Когда он сдает свои заказы и руки его утомятся, знает ли он отдых? С восходом солнца он должен быть на постройке, хотя бы ноги подгибались и ныла спина. А красильщик? Пальцы его издают зловоние, глаза его ввалились от утомления, рука без устали перебирает ткани, и он начинает ненавидеть ткани. Сапожник весьма несчастлив. Он вечно жалуется: у него здоровье дохлой рыбы, и ему остается только глодать свои кожи». Так описывал египетский поэт жизнь трудового народа.

Сандалия, которой три тысячи лет

Две расшитые бусами сандалии простояли в гробнице фараона Тутанхамона больше трех тысяч лет. Осмотрев их, археолог Картер, открывший гробницу, установил, что они превосходно сохранились. Одного он не заметил: все нитки сгнили. Картер притронулся рукой к одной из сандалий — и она развалилась.

Для археолога непростительно уничтожить самое малейшее из найденных сокровищ.

Вторую сандалию Картер сумел доставить в музей так, что не упало ни бусинки. Тут же, в гробнице, Картер разогрел на спиртовке парафин и осторожно полил сандалию жидким парафином. Через два часа парафин застыл.

Сандалия оказалась в тугом, прозрачном футляре. Ее можно было поднять, уложить, везти куда угодно.

Битье палками

Инени, архитектор фараона Тутмоса, вспоминая свою жизнь, сказал: «Все превосходные работы были под моей палкой». Это значило, что он управлял этими «превосходными работами».

О том, сколько раз он сам был бит палкой по приказу фараона, Инени умолчал.

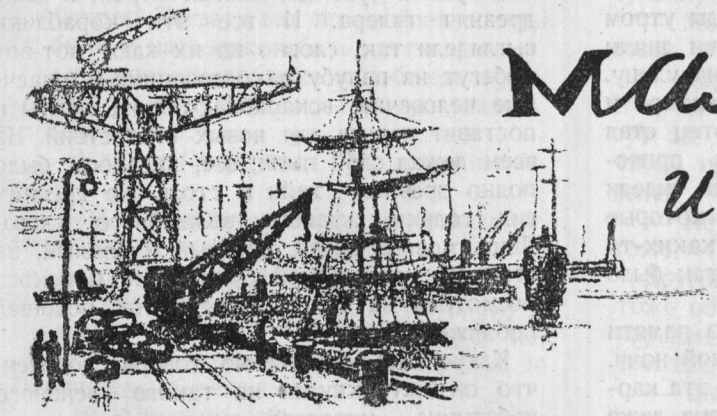
В Египте ни один человек не был избавлен от этого наказания. Если случалось, что кто-нибудь прожил жизнь небитым, об этом необыкновенном событии сообщалось в посмертной надписи в гробнице.

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАТАХУАЛЬПЕ

повесть

Перевод с немецкого В. Стенича



Мальчик и корабль

Клаус посмотрел в окно.

Он увидел внизу несколько матросов, двух—трех портовых рабочих и одну женщину. За стойкой сидел толстяк-хозяин. Керосиновая лампа отбрасывала желтые блики на свисающие с потолка предметы, на лица и фигуры, возникавшие из смутной тени. Этот тесный подвал, в котором пили пиво и водку, казалось, был полон тайн, как и весь город с его коленчатыми переулками, старыми домами и чернильными водами гавани, над которыми смутно подымались силуэты кораблей.

Уже несколько дней Клаус бродил по древнему портовому городу.

Он был голоден и, когда наступал вечер, не мог найти себе ночлега. Но если бы ему представилась возможность вновь променять свободу на теплую кровать, которая ждала его дома, он бы поблагодарил и отказался. А по школьной скамье, на которой он, в сущности, еще должен был сидеть, уж во всяком случае не тосковал нисколько.

Дома было тесно, а мир так велик, и в нем столько можно увидеть! А Клаус хотел увидеть все и все узнать. За несколько дней он успел осмотреть все постройки порта и его огромные краны, успел побывать на всех набережных. Эти бесконечные выложенные квадратными каменными плитами стены, к которым были пришвартованы корабли!.. Самые названия набережных звучали заманчиво. Восточноафриканской звалась одна. Индийской — другая, были тут и австралийская, и китайская, и все названия, какие только можно было выдумать. Возле кораблей громоздились бесчисленные ящики и кипы, прибывшие со всех концов земли. Из одного корабля выгружали кофе, из второго — чай, из других — земляные орехи, пеньку, табак, каучук. Пахло всем

этим, и еще пахло потом и пылью. А корабли нагружались вновь и вновь и уходили обратно в страны каучука, чая и табака.

Ах, если бы Клаусу можно было уехать на них! Но это было не так просто. Он всех расспрашивал, он побывал и в вербовочной конторе, поставлявшей рабочие руки на корабли. Там его встретил широкоплечий мужчина с жирным загривком, постоянно жевавший потухший окурок сигары, с кем бы ему ни приходилось говорить. Не выпуская сигары изо рту, он рассмеялся и сказал Клаусу, чтобы он убирался домой.

— Да поживей, малыш! Чтоб я тебя тут больше не видел!—крикнул он ему вслед.

Какой-то матрос все об'яснил Клаусу.

— Конечно, если бы не кризис...—сказал он.

А что такое «кризис», Клаус знал. С него-то дома все и началось. Однажды утром отец не пошел на фабрику; целыми днями он сидел у окна и смотрел вниз, на улицу. Но было это еще на старой квартире и продолжалось недолго. Скоро отец стал пропадать из дому, а возвращаясь, приводил с собой товарищей. Они часами сидели в комнате и говорили о вещах, которые никто не должен был слышать, о каких-то выступлениях и тому подобном, и так было до того вечера, когда...

Одна картина не выходила из памяти мальчика — страшные события одной ночи. Но с тем, что происходило сейчас, эта картина не имела ничего общего; она даже мешала и скользила поверх новых впечатлений.

— Так вот оно что! Кризис, — сказал он себе.

А Дитрих, его брат... Вот уже год, как он не ходит в школу и весь день торчит дома, это тоже кризис. И мать, которой приходится так трудно, это тоже кризис. И тут, в порту, это же самое слово тяготеет над всеми кораблями, стоящими на приколе в ожидании фрахта, и на бесчисленных безработных моряках, которых он видел у дверей вербовочных контор.

Но о том, чтобы вернуться домой, Клаус и думать не хотел.

Тогда не стоило бы и бежать! Дитрих всегда успеет посмеяться над ним.

И вот он стоял у кабака, называвшегося «Филадельфия-бар», и смотрел в окно.

Два лица особенно привлекали его внимание, два матроса, сидевших друг против друга. У одного из них лицо было точно выдублено из коричневой кожи, а глаза окружены сетью морщин. Другой был еще смуглее; судя по всему, он был родом из какой-то очень далекой страны. Клаусу ужасно хотелось знать, о чем они говорят. Речь между ними шла о каком-то серьезном и, может быть, даже опасном деле. Это было видно по их лицам. Клаус в тот самый день выменял свои ботинки на пару легких суконных туфель и даже получил в придачу немножко денег, так что он имел возможность истратить несколько пфеннигов.

Он сбежал по ступенькам, распахнул дверь и вошел.

Чего только не было в этом подвале! Рыба-пила и китовые челюсти свисали с потолка. Там были и отлично сделанные модели кораблей, и старинные каравелы, и ганзейские бриги, и узкие челноки, какими пользуются туземцы южных морей, и даже древняя галера. И все эти кораблики выглядели так, словно из их кают вот-вот выбегут на палубу заколдованные игрушечные человечки, вскарабкаются на мачты и поставят паруса для новых странствий. На всем лежал слой пыли, все, казалось, было полно древних тайн и столь же древних сил, только ждавших волшебного слова. Лишь хозяин сидел, дряблый и сонный, за стойкой, уставленной бутылками, и искоса посмотрел на Клауса, когда тот подошел поближе.

Клаус был, собственно говоря, доволен, что он натолкнулся на такого ленивого кабатчика, который даже не подумал о том, что мальчику не место в этом подвале. Стараясь говорить равнодушным тоном, он заказал себе бульон с куском хлеба и очень ловко устроился поближе к тем двум матросам, за которыми он следил с улицы. У одного из них и вблизи был все такой же медный цвет лица.

На нем была рубаха с вырезом и засученными рукавами, обнажавшими руки. Но что это были за руки! Сплошные связки мускулов, игравших при каждом движении!! Иссиня-черные волосы и резкие черты лица этого человека напомнили Клаусу героев индейских книжек. Но говорил он о совсем других вещах. Речь шла о забастовке, об'явленной где-то на другом конце света. Как видно, забастовка была нешуточная, с убитыми и ранеными — в Сан-Антонио, в Иквикэ, в Тарапака, и еще каких-то чужих городах и округах с трудными названиями.

— Их расстреливали пачками, часть из них загнали в пустыни, и они там умерли

от жажды — те самые люди, которые несколько месяцев назад позволили диктатору захватить власть... Да, Мартин, можешь мне поверить, когда этакий тип садится на шею народу, его не так легко стряхнуть: сидит он крепко.

Другой матрос задумчиво скользнул взглядом мимо мальчика, сидевшего за соседним столиком, и уставился в окно подвала, за которым лежала ночная улица.

Мимо окна прошел человек. Видны были только башмаки его, изношенные, стоптанные башмаки с кожаными крагами. Чужеземец опять обратился к старому матросу.

— Да, этих тут тоже немало! Жалкие, в сущности, люди — конечно, не те, что сидят наверху, а эти вот, которых они посылают на расправу. Этим живется не лучше чем нам. Но если они доберутся до власти, они вам покажут, попомни мои слова, Мартин! Тогда у вас произойдет то же, что было у нас, может быть, даже хуже.

Он подвинулся поближе к собеседнику и заговорил еще тише, но Клаусу удалось расслышать все.

— Я должен вернуться, чего бы мне ни стоило!

— Мы отплываем завтра, но только на парусннке, я тебе уже говорил.

— Это будет продолжаться три месяца, но что поделаешь? Пароход, к которому я приписан, бродячий. Может пройти несколько лет, прежде чем он доберется до Западного побережья.

— Надо только придумать, как тебя спрятать. Может быть, в шлюпку или в канатный ящик.

— В шлюпку или в канатный ящик — мне все равно.

Мальчика бросало из холода в жар. Он видел, как собеседники протянули друг другу руки и как эти руки сплелись в крепком пожатии.

Как видно, он попал сюда в самый подходящий момент, ни раньше, ни позже, чем нужно! Он оказался посвященным в план, который и ему, быть может, открывал новые пути. Есть еще корабли в гавани, есть еще шлюпки, есть еще канатные ящики!

Что если и он!..

— Я готов сняться в любую минуту. На свою лоханку я не собираюсь вернуться. Довольно я попотел на этом бродяге. Только и знаешь—шляться из порта в порт! А команда? Ни черта с ними не сделаешь: за бутылку водки они готовы тебя погубить каждый в отдельности... — он неожиданно прервал свою речь.

— Смотри, осторожней, со стула свалишься!—крикнул он.

Это восклицанье относилось к Клаусу, который слишком уж вытянул шею и теперь почувствовал на себе взгляд темных, как ночь, глаз. Он отвернулся и поспешно уставился на толстую каракатицу. Он даже чуть было не засвистал, но в последний момент спохватился: это было бы уж совсем неуместно. Он взялся поэтому за свою чашку, в которой уже не было ни капли бульону, поднес ее ко рту и начал глотать.

Но чужеземец не отставал от него.

— Да ведь чашка-то пустая! — сказал он.

— Ах, да, вы правы! — пришлось признаться Клаусу.

Он отвел глаза к стойке и смущенно крикнул кабатчику: «Хозяин, еще чашку бульону!»

— Может быть, бутерброд? — спросил сосед.

— Да, пожалуй, это было бы неплохо. И бутерброд, пожалуйста, хозяин!—но ему тут же пришлось сунуть руку в карман, чтобы проверить, сколько у него осталось денег.

— Нет, бутерброд за мой счет, и бульон тоже, — сказал сосед.

Другой — тот, которого звали Мартином, тоже обернулся к нему. Все его лицо было изрезано морщинами, но глаза у него были светлые.

— Вид у него такой, словно он побывал под дождем.

— Да уж, — подтвердил старик, внимательно осмотрев Клауса.

— Так ведь дождь-то иногда идет, — попытался Клаус защититься.

— Да, дождь иногда идет, а укрыться негде — скверное дело.

Это замечание попало в цель. Во время путешествия, совершенного Клаусом из родного городка в этот огромный портовый город, ему не раз приходилось спать под открытым небом даже в дождливые ночи. Тем не менее он расправил плечи; он весь «надулся», по выражению его брата Дитриха, всегда смеявшегося над ним в подобных случаях, и ответил:

— Пустяки, это совсем не так скверно, дождь — плевое дело!

— Ну, тогда все в порядке.

На этом сосед оборвал разговор с ним. Он в самом деле был похож на индейца. Мартин назвал его по имени; его звали Ачассо. Мартин и Ачассо чокнулись, а потом к ним подсела женщина, и они заго-

ворили о посторонних вещах: о кабаках по соседству, о том, что они наполовину пусты и что вообще раньше в порту было гораздо оживленнее. Попутно Мартин еще раз вернулся к прежнему разговору.

— У тебя остались вещи на пароходе?— спросил он.

— Немного. Но я их оставлю там.

И они вновь заговорили с женщиной.

— Как мало народу сходит с кораблей на берег, — сказала она.

— А что им делать на берегу? Жалованья не хватает на самое необходимое. Купишь себе пару штанов да пару ботинок — вот все деньги и вышли.

— А вы с какого парохода? — поинтересовалась она.

— С бродячего, — ответил Ачассо за обоих. — Идем в Средиземное море, а оттуда Суэцким каналом неизвестно куда.

— Хороший рейс! Как же это у вас нет денег?

— Да, деньги-то у нас, пожалуй, должны были бы быть.

Тем временем Мартину кое-что пришло в голову.

— В канатном ящике все-таки лучше!— заявил он.

— Ну, что ж, в ящике, так в ящике,— ответил Ачассо и пояснил женщине. — Он все раздумывает, куда ему деть свою собачку, он тут купил этакую японочку. С серебристым хвостиком и пушистой шкуркой.

— Ах, они такие душки! У меня тоже когда-то была японская собачка, только с ними трудно возиться: они вечно хворают.

Мартин захохотал:

— Да, да, с серебристым хвостиком! И возиться с ними трудно, это верно, очень трудно!

Клаус, которому тоже пришлось сдержать усмешку, своевременно выбрал себе каракатицу и стал внимательно изучать ее Покуда Ачассо разглагольствовал о собаках, о простуде и о всех прочих болезнях, которым подвержены эти зверьки, Клаусу не нужно было прислушиваться, и он воспользовался этим, чтоб разглядеть прочие редкостные вещи, висевшие на стенах: копья, барабаны и боевые маски. Ему хватило даже времени разработать свой собственный план. Он решил пробраться на тот остиндский пароход, из которого на его глазах выгружали пестрые ящики с чаем. Потом он передумал: может быть, лучше присоединиться к этим двум матросам и попросить их взять его с собой?

Рисунок автора.

Иссиня-черные волосы и резкие черты лица напоминали Клаусу героев индейских книжек.

Впрочем он усомнился в том, что они согласятся на его предложение, и в конце концов решил действовать на собственный страх и риск. Он отыщет корабль, о котором они говорили, и канатный ящик на этом корабле и сам в него заберется.

Если бы хоть узнать название корабля!

Но за соседним столиком о корабле больше не говорили. Мартин не упомянул о нем ни одним словом, и вскоре затем Ачассо кликнул хозяина.

— Надо будет захватить бутылочку для

вахтенного, — услышал Клаус слова Мартина.

— Он финн и хлещет водку, как воду, а потом храпит, как дюжина дикарей.

Ачассо расплатился. Он заплатил и за бутылку водки, за бульон, за бутерброд Клауса, положил на стол еще несколько монет и, взглянув на Клауса, сказал хозяину: «Это за того вон птенчика, пускай он переночует у тебя на скамье».

Это расстроило все планы Клауса.

В первое мгновенье он был так ошеломлен, что даже забыл поблагодарить. Он прежде всего подумал о рыбе-пиле, об оскаленных китовых челюстях и дикарских военных масках, в чьем обществе ему предстояло провести ночь. А корабль? Как же быть с кораблем? Он ведь даже не знал, как он называется! Как быть с канатным ящиком, в который он собирался залезть?

Когда он пришел в себя, его соседи уже исчезли.

Клаус выскочил из-за стола и подошел к кабатчику.

— Время есть, можешь еще посидеть, — сказал ему кабатчик, глядя на его растерянное лицо.

— Я только... мне нужно на воздух! — пролепетал Клаус.

Он ринулся к двери, рванул ее, спотыкаясь, взбежал по ступенькам. Но наверху он задержался.

Темная улица была пустынна.

Под фонарем он увидел обоих матросов: они не успели отойти далеко. Клаус подождал, покуда они не скрылись, и лишь тогда пустился за ними вслед. Ему пришлось еще раз задержаться, на этот раз в каком-то под'езде. Так продолжалось несколько раз, пока они не достигли домов. Тут было еще темнее чем на освещенных фонарями улицах, и ему приходилось следовать за ними, чуть ли не по пятам. К счастью, он шел почти бесшумно благодаря суконным туфлям, полученным им утром в обмен на сапоги.

Тем не менее оба матроса внезапно исчезли, точно провалились сквозь землю. Клаус побежал вдоль набережной и вновь увидел огромные корабли. Точно спящие чудовища вздымались они в ночи.

Он стоял возле прохода между двумя пакгаузами.

Клаус обошел один из пакгаузов и пробрался в узкий проход. Там было так темно, что ему удалось подойти ближе, пожалуй, даже слишком близко, потому что он как раз собрался завернуть за угол, как вдруг услышал голос Мартина. Он осмелился выглянуть из-за угла. Тут он увидел Мартина и сидевшего рядом с ним на опрокинутой тачке индейца Ачассо.

— Надо обождать, — сказал Ачассо.

— Ничего не понимаю, — ответил Мартин. — Когда начнется прилив, мы должны спуститься вниз по реке. Коносаменты у шкипера в порядке, насколько мне известно.

— Я тоже ничего не понимаю.

И оба уставились вдаль.

А там вдали — Клаус его сначала даже не заметил — у мокрого мола стоял корабль. Не удивительно, что он не сразу разглядел его: смотреть было, собственно говоря, не на что. Не было высокого корабельного борта, только спереди и сзади что-то возвышалось над молом. Корпуса же вовсе не было видно, так глубока была осадка корабля. Зато мачты (их было три), с поперечными реями и свернутыми в коконы парусами, казались настоящими великанами.

И еще кое-что увидел Клаус — подводу, стоящую у самого корабля. И эта подвода и люди, выгружавшие с нее какие-то предметы и катившие их по сходням на палубу корабля, было именно то, на что удивленно взирали Ачассо и Мартин и чего они не понимали.

— Они грузят в темноте, — сказал Ачассо.

— Да, в темноте, это странно.

Огни в порту были потушены, и поэтому все, что тут происходило, казалось какой-то странной игрой теней.

— Во всяком случае... — начал Ачассо, но внезапно замолк.

Подвода тронулась, стараясь, как видно, не шуметь, и другая, так же медленно и тихо заняла ее место.

— Во всяком случае я поднимусь на палубу, дай-ка мне бутылку, я ее возьму с собой, — сказал Мартин.

Он подошел к кораблю. Чуть подальше, где корпуса корабля совсем не было видно, тоже были перекинуты сходни. Он взбежал по ним и исчез.

Через некоторое время он вернулся.

— Они грузят колючую проволоку на носу, в люке № 1 уже лежит несколько ящиков, они их, должно быть, приняли на борт еще раньше.

— А финн?

— Вахтенный? Да, тут тоже какая-то странная история. Он уже успел заложить за воротник. И водку ему дал наш второй.

— Второй штурман?

— Он.

— А что это за люди грузят?

— Понятия не имею. Во всяком случае, это не гамбургские докеры: не такой у них вид.

Оба помолчали.

Потом Мартин сказал:

— Они, как видно, скоро кончат. Я пойду на корабль, потом я тебе все расскажу.

И действительно, вскоре после того как он ушел, погрузка закончилась.

Подвода от'ехала, и другая не заняла ее места. А потом люди, которые не были гамбургскими докерами, сошли с корабля и прошли довольно близко от Ачассо и Клауса. Ачассо смотрел им вслед, пока они не скрылись.

На палубе корабля никто больше не показывался, и далеко кругом царила тишина. Только с середины рейда, где стоял какой-то пароход, доносился грохот лебедок. На этом пароходе тоже кипела работа, но там на мачтах сверкали дуговые лампы. Они заливали ослепительно белым светом палубные надстройки и палубу, и суетящихся на ней людей, и мешки, висевшие по пять, по шесть штук в петле. Через короткие промежутки времени мешки вздымались на воздух и падали в лихтер, который стоял бок о бок с пароходом.

Мартин показался вновь.

На этот раз он остановился на сходнях. Ачассо встал и пошел к нему, медленно и так бесшумно, что даже Клаус не расслышал шагов.

Потом оба исчезли внизу.

Клаус высчитывал, сколько ему придется ждать.

Канатный ящик они, несомненно, найдут очень скоро: им нельзя терять времени. Но Мартин должен лечь спать, и Ачассо тоже, прежде чем Клаус поднимется на корабль.

Время тянулось медленно.

Залез ли уже Ачассо в ящик?

И где этот ящик, собственно говоря, находится?

Клаус не заметил, куда они оба ушли. Так или иначе, нужно будет пройти по сходням, а потом куда-то вперед, на нос. Якорь находится на носу, и якорный канат, разумеется, тоже. Это Клаус знал, знал он и то, что цепь проходит через дыру, которая называется якорным клюзом. Якорь висит с наружной стороны борта, а на корабле, где-то на другом конце цепи, должен находиться ящик, в котором она лежит. Это очень просто. Он проберется по сходням на корабль, а там уж он найдет цепь, и все уладится само собой.

Не пора ли уже рискнуть?

Нет, лучше подождать еще немного.

С рейда все еще доносился грохот лебедок. Но, повидимому, подымались уже последние мешки. Над водой пронесся чей-то крик. Бок о бок с темным корпусом парохода стоял маленький буксир, изрыгавший белый дым. Казалось, что ему не терпится скорей запречься и вытащить темного исполина в открытое море.

Но на паруснике ничто не шелохнулось, ни признака жизни не было видно на нем. Внезапно Клаус вспомнил про финна. Этот финн мог протрезвиться, проснуться и тогда... тогда все погибло!

В следующую минуту Клаус уже был на сходнях.

Он окинул взглядом корабль: света нигде не было. Палуба слабо мерцала под бесчисленным количеством свисающих на нее талей. Этот старый корабль возвышался над уровнем воды не больше чем на два метра, и Клаусу вспомнился высокий штевень остиндского парохода. Такой большой пароход, наверное, совершает куда более далекие путешествия, и на нем, несомненно, тоже есть канатный ящик, в котором можно спрятаться. Но, с другой стороны, и там, наверняка, стоит на вахте какой-нибудь финн, и этому вахтенному едва ли какой-нибудь Мартин или второй штурман принес бутылку водки.

На размышления больше не было времени. Клаус добрался до палубы, и тут выяснилось, что ориентироваться на ней совсем не так легко. Хотя по внешнему виду корабль казался совсем небольшим и очень глубоко сидел в воде, с палубы все выглядело иначе. На корабле было всего три мачты, но из-за свисающих с этих мачт в диком беспорядке снастей они казались чудовищно большими, приходилось прямо-таки лавировать, чтобы не запутаться в них.

Кругом мертвая тишина.

У какой-то черной дыры, из которой доносился громкий храп, Клаус остановился. Наверно, это храпел финн, и наверно, там были и Мартин и все прочие матросы. Как бы Клаусу хотелось быть невидимкой! Но пришлось пройти мимо этой дыры.

Чуть подальше его подстерегала другая дыра, гораздо больше первой, почти во всю ширину корабля, корпус которого в этом месте сужался. Клаус находился неподалеку от штевня, где помещаются якорь и якор-

ный канат и где он, несомненно, должен найти канатный ящик.

Клаус ощупью полез в темную дыру. Выпрямиться во весь рост он не мог — ему пришлось чуть-чуть наклонить голову. Пройдя несколько шагов, он наткнулся на какой-то предмет, тот опрокинулся и с ужасающим жестяным звоном покатился по полу. Клаус в ужасе с'ежился, жестяной предмет грохнул еще раз. Если бы на палубе не было столько всяких ловушек, он в ту же минуту удрал бы отсюда. Но куда бежать? Он решил ждать, что бы с ним ни случилось.

Но ничего с ним не случилось: на корабле попрежнему царила тишина

Когда он рискнул вновь поднять голову, он увидел прямо над собой глаз — серый глаз, гораздо больших размеров чем его голова, и тотчас же вслед затем — второй такой же глаз с другой стороны. Это были клюзы, якорные клюзы. А вот и цепь, блестевшая в темноте. Стоило только протянуть руку — и он мог, держась за нее, шаг за шагом двигаться к своей цели. А вот и она, эта цель! У самых его ног цепь ушла в пол; где-то там, повидимому, находился ящик. Тут, однако, выяснилось, что дыра, в которую уходила цепь, настолько узка, что в нее, пожалуй, могла пролезть крыса, но никак не рослый мальчик, каким был Клаус.

Но ведь у Ачассо плечи были шире и руки толще чем у него, а между тем он пробрался в этот ящик. Значит, к нему ведет еще какой-нибудь путь. После недолгих поисков Клаус нашел вторую такую же дыру, в которую сползала еще одна цепь—второй якорный канат. Клюзов было всего два, из них свисало два якоря. И цепей две, значит, есть и два ящика. Который же из них? Потому что он, ясное дело, непременно хотел попасть в тот, в котором находился индеец. Без посторонней помощи он бы никогда не освоился с чревом корабля.

Через некоторое время Клаус стал различать какие-то смутные очертания.

Недалеко от того места, где он стоял, находилась какая-то четырехугольная штука, какое-то возвышение с железными засовами и шурупами, как выяснилось при ближайшем рассмотрении. Это был люк с крышкой, напротив него вырисовывался такой же точно люк с такой же точно крышкой.

Две крышки, — стало быть и два ящика.

На втором шурупы были отвинчены и засовы свисали вниз. Вероятно, это и был тот ящик, который он искал. Когда Клаус поднимал железную крышку, она закряхтела точно живая. Шум испугал его, но не больше, чем все предыдущее. Не мешкая больше, он спустился в ящик. Держась за край люка, он искал ногами пол, но под ногами был воздух — и больше ничего.

Какова может быть глубина корабля?

Как два этажа большого дома, а иногда и как три, ему доводилось об этом читать, и когда он об этом вспомнил, у него встали волосы дыбом. Ему захотелось обратно, наверх! Но в эту узкую дыру было легче влезть, чем вылезть из нее. Он тщетно пытался подтянуться на руках, мускулы стала сводить судорога. Еще несколько секунд, и он свалился бы в пропасть навстречу смерти. Он отчаянно в последний раз задрыгал ногами и при этом задел какой-то твердый предмет, который шевельнулся. Тогда он освободил одну руку и соскользнул еще ниже. Под его ногами что-то загремело. Это были звенья цепи. Он встал на обе ноги. Но если бы он окунулся с головой в огромную бочку дегтя, тьма не могла бы быть гуще: вокруг него был такой глубокий мрак, в каком ни один человек не мог бы пробыть больше нескольких минут, и Клаус даже обрадовался произведенному им шуму. Он даже понадеялся, что кто-нибудь или что-нибудь появится на палубе, что за ним начнется дикая погоня и его вытащат из этой дыры. Про Ачассо он в это мгновение забыл. Но, прежде чем он успел подумать еще о чем-либо, цепь загремела, опять над ним возникла какая-то тень и уплотнилась на фоне серого квадрата в мощную руку над его головой. Чьи-то пальцы ухватились за крышку и захлопнули ее, точно крышку гроба.

Клаус не смел дохнуть.

Звенья цепи загремели еще раз, а потом что-то зашуршало. Клаус почувствовал на своем лице человеческое дыханье. Потом на расстоянии ладони от его носа вспыхнула спичка — перед ним сидел индеец. Он закурил папиросу, в его глазах что-то вспыхнуло, но тотчас же погасло, как только он узнал мальчика.

— Ах это ты, сынок! — сказал Ачассо.

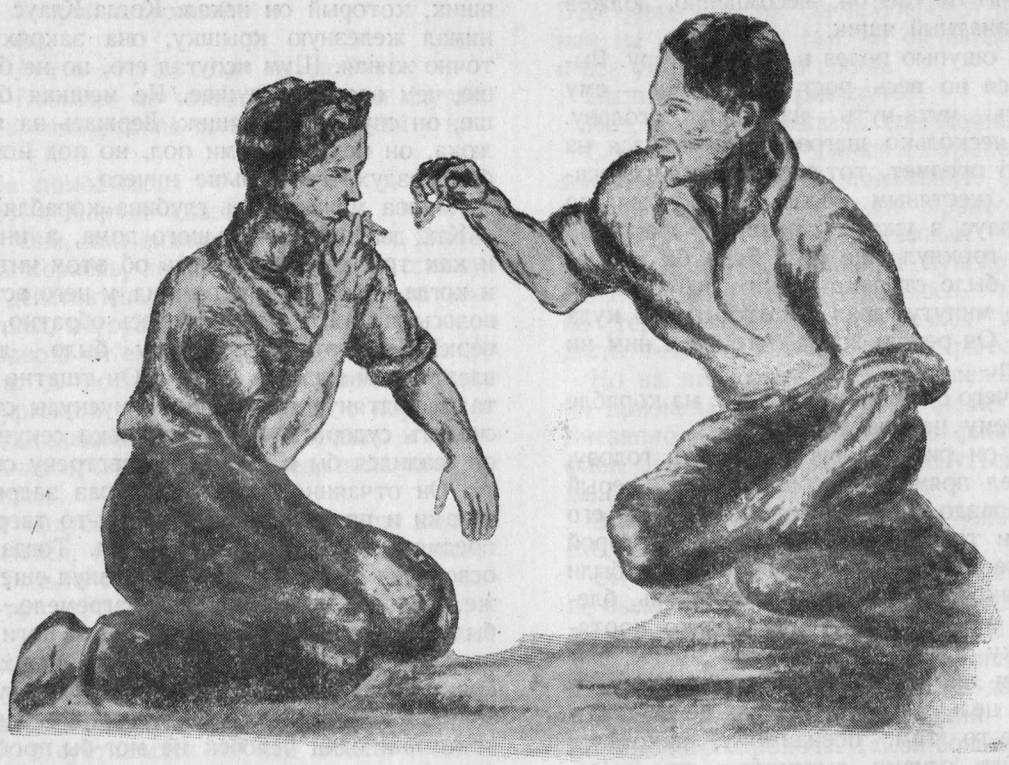
И он сунул Клаусу в рот вторую папиросу и подал ему спичку:

— Торопись, покуда наш финн спит, потом нам придется только нюхать табак.

Клаус поторопился раскурить папиросу.

— Понимаешь, сверху проникает свет, надо быть осторожным. А что ты больше любишь: нюхать или жевать табак?

Рисунок автора.



— Торопись, покуда наш финн спит, потом нам придется только нюхать табак!

— Нюхать, и жевать, и курить, и вообще все! — ответил Клаус и так свирепо затянулся своей папиросой, что обе головы — его и Ачассо — осветились в темноте, точно два красных лампиона. Он хотел столь же искусно выдохнуть дым, но тут случилось несчастье: он поперхнулся, и как он ни старался подавить кашель, не сдержался.

— Сынок! — кинулся к нему Ачассо и похлопал его по спине. — Твой брех разбудит не только финна и команду этой лохани, но и весь порт. Как ты думаешь, что нам будет, если нас тут найдут? Нас просто-напросто бросят в море с куском якорного каната на шее.

Клаус чуть не сгорел со стыда. Он так хорошо начал, и вот все пропало! Что о нем подумает Ачассо? И неужели их действительно бросят в море?

— Собственно говоря, я ведь заплатил за твой ночлег, почему же ты там не остался?

— Мне очень хотелось попасть на корабль, и я, честное слово, не буду больше кашлять.

— Ну, ладно, на корабль ты уже попал, а когда мы двинемся в путь, можешь и кашлять.

— И нас не бросят в море?

— Сколько тебе лет, сынок?

Клаус накинул себе год и ответил:

— Пятнадцать.

— А куда ты собрался ехать?

— Все равно куда, только бы подальше отсюда.

— Только бы подальше? А что ты там будешь делать, в этом «подальше»?

— Все равно что. Что угодно.

— Стало быть, тебе все безразлично?

— Нет, не все. Я хочу побывать на море и в чужих краях, в совсем чужих...

— Да ведь они все давно открыты!

Это была ошеломляющая истина, о которой Клаусу до сих пор не хотелось думать. Ему пришлось однако признаться:

— Пожалуй, что и так. — Чтобы утешиться, он прибавил:

— Ну, все равно, я буду там воевать...

— С кем?

— Ну, воевать есть с кем, особенно в чу-

жих краях. А потом я хочу быть богатым, очень богатым. Это в первую голову.

— У тебя дома небось «в первую голову» бедно?

— Ну, да, оттого-то я и хочу разбогатеть, и я добьюсь своего.

Это было сказано с такой бессознательной верой в себя, что Ачассо готов был поверить, что этот мальчик действительно добьется своего. Но он только сказал:

— Сдается мне, сынок, что ты опоздал родиться на несколько сотен лет. А впрочем, может быть, что-нибудь у тебя и получится. А пока что давай-ка устраиваться здесь. Нам придется жить вместе, по крайней мере, ближайшие две недели,—и прибавил чуть строже:

— Постель ты с собой взял?

— Нет.

— Продовольствие?

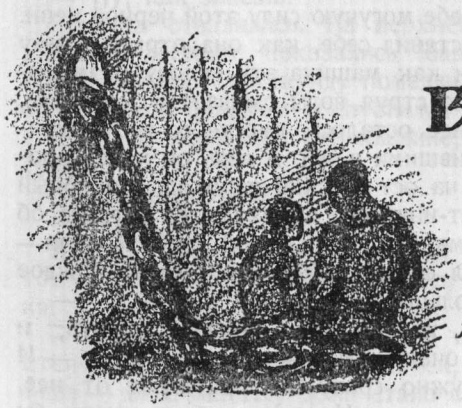
— Нет.

— Ты поступил легкомысленно. За те деньги, что я тебе оставил, ты, во всяком случае, мог купить целую копченую колбасу, полколбасы уже во всяком случае. Этот старый жулик, владелец «Филадельфии-бара», был рад от тебя отвязаться. Ну, ничего, посмотрим, как-нибудь устроимся.

Ачассо лежал на груде рогож. Ложе его было узко, но он отодвинул цепь и помог Клаусу взобраться наверх.

— Сними туфли и положи их себе под голову. Куртку тоже сними и закутай ею ноги. А покроемся мы одеялом: его хватит на двоих. И притворимся, будто мы спим, но только притворимся, сынок.

Последняя фраза показалась Клаусу непонятной. Но вскоре, уже на следующий день, он понял ее смысл. Теперь же он над ней не задумывался. Он сделал все, что приказал ему Ачассо, и через несколько минут он уже лежал в тепле, и было ему гораздо уютнее чем во все предыдущие ночи, проведенные вне дома. Рядом с ним лежал чужой человек, который не произнес больше ни слова, и когда Клаус случайно шевелился, он чувствовал железные мускулы соседа.



В якорном ящике „Кап-Финистерра"

Что это было: сон или действительность — это ревущее чудовище, внезапно проснувшееся и бешено закружившееся в воздухе? Клауса отбросило вбок. Чья-то рука обхватила его, чье-то могучее тело вздыбилось под ним. Все пришло в движение, все вдруг превратилось в металл.

Оглушительный грохот разрывал воздух. Это длилось до тех пор, покуда к Клаусу не вернулась способность различать звуки, покуда он не понял, что с ним происходит. Он лежал на спине Ачассо; индеец пружинился и кидался то вправо, то влево, как бы пытаясь укрыться от чего-то страшного. Удержавшая Клауса рука была рукой Ачассо, который прижимал его лицом и всем телом к одеялу. Грохот постепенно затихал: его сменили медленные раскаты, а потом стало слышно бряцание отдельных звеньев— это был якорный канат.

Ачассо крепко держал Клауса до тех пор, пока цепь не остановилась, потом он выпустил его и сел сам.

— Цепь, — сказал он только и, глубоко вздохнув, прибавил:

— Тебе посчастливилось, сынок. Они бросили якорь.

Теперь и Клаус понял, что произошло.

Ящик стал просторнее, теперь он был глубиной почти в два человеческих роста.

Рисунок автора.

Ачассо крепко держал Клауса до тех пор, пока цепь не остановилась.

И на эту глубину Ачассо пришлось спуститься, крутясь штопором, с мальчиком на спине. Последние движения бегущей с бешеной быстротой цепи и ее дикие рывки Клаус еще успел разглядеть. Но что все это значило и чего он избежал, он не понимал и сейчас.

— Уже, должно быть, рассвело? — спросил он.

— Нет, сынок, полдень. Мы уже двенадцать часов провели с тобой в этом ящике. Ты прозевал завтрак, а теперь его размололо в кашу. У меня был запас галет и крутых яиц на две недели.

Клаус нагнулся, поднял с полу какую-то вещь и положил ее в угол. Это была его куртка, вернее, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, часть его куртки. Недоставало рукава и всей правой полы. Одна его туфля тоже исчезла, а от другой сохранилась только половина. Клаус осмотрел эти жалкие остатки и обернулся к Ачассо.

— Да, это печально, — сказал тот. — Все прочее вылетело в ту вон дыру. И если бы ты был менее осторожен, сынок, то твоя голова, а может быть, и нога тоже улетели бы с ними. Наверху канат обвивается вокруг так называемого кабестана, а потом сползает в воду. Очень просто! Шкиперу не пришлось бы даже искать молитвенник— такие вещи просто споласкиваются из кишки. «А крыса-то была жирная», — вот и все, что сказал бы матрос, поливая канат.

У Клауса замерло сердце.

Теперь, когда все прошло, он впервые уяснил себе могучую силу этой черной цепи. Он представил себе, как она отрывает ему голову и как машина эту голову размалывает, как струя воды смывает в море все, что от нее осталось, вместе со всеми мечтами, жившими в ней. А ведь он хотел пробраться на ост-индский пароход, в якорный ящик ост-индского парохода, он всерьез об этом думал! А звенья той, другой цепи— он видел ее на набережной—были каждое вдвое больше его грудной клетки.

— Да, жизнь любит шутки шутить, и подчас очень злые, — сказал Ачассо. — И тогда нужно сразу же прятаться от нее, иначе — конец. Но вот что я хотел бы знать... Что, собственно, случилось? Почему они бросили якорь?

«А ведь верно, они бросили якорь», — пришло в голову и Клаусу.

Ведь если бы корабль покидал порт, то якорь был бы поднят и цепь поползла бы обратно в ящик. Ачассо об'яснил ему, что корабли в порту вообще не бросают якоря, их пришвартовывают, а швартовы «Кап-Финистерра» — так назывался трехмачтовый парусник, на котором они находились — уже несколько часов назад были отданы и парусник давно уже плыл вниз по реке и теперь по какой-то причине стал на якорь, повидимому, в самом устье.

Причина вскоре выяснилась.

В крышку канатного ящика постучали. Это был условный сигнал Мартина. Ачассо подтянулся к краю люка и ответил таким же стуком. Мартин постучал вновь, с короткими перерывами. Когда его стук прекратился, Ачассо сполз вниз.

— Ну вот, все ясно. Туман!

Потом он спросил:

— Ты играешь в карты?

Клаус признался, что не играет, впрочем, он тут же поправился:

— Я уже давно не играл. Боюсь, что я все перезабыл.

— Я, кажется, тоже, — смеясь ответил Ачассо. — И лучше тебе вовсе и не начинать. Есть гораздо более серьезные занятия.

На этом их разговор прекратился. Послышался голос старика Мартина. Он говорил кому-то:

— Брось, Линднэс! Мы же вдвоем не поместимся в ящике.

— Но ведь цепь здорово тяжелая, — ответил тот.

— Я сам с ней управлюсь; а наверху нужна каждая пара рук.

— Ну, как знаешь.

Крышка отвалилась. На верхней перекладине лесенки показались башмаки и ноги Мартина. Он секунду помедлил, потом осветил люк фонарем и спустился вниз.

Стоя на последней перекладине, он спросил:

— Все в порядке?

— Да, кроме галет...

Ачассо заметил взгляд Мартина, которым тот окинул прикурнувшего в углу мальчика.

— Галет нет, зато появился вот этот птенчик! У нас завелся ребеночек, как видишь — мальчик. Ему дома стало скучно, и он решил поглядеть на белый свет.

— Стало быть вас двое? Представляю себе, как будет скандалить шкипер. Ну, ладно, будь что будет. Туман рассеялся, и мы поднимаем якорь.

И действительно, цепь загрохотала вновь. На этот раз она поползла медленней, звено за звеном. Сверху донесся какой-то другой шум, по кругу топали тяжелые шаги.

— Это шпиль! — сказал Мартин. — Понимаешь, какая свинья наш шкипер? Он не позволяет пользоваться паровой лебедкой. Экономит уголь! «Ручной труд дешевле», — говорит он. Торопиться ему некуда, а тем временем туман рассеется. Он стравил двенадцать саженей цепи, меньше чем в два часа мы не управимся.

Мартин принес с собой крюк. Этим крюком он укладывал вползающую цепь в большие кольца. Ачассо сменил его; только добравшись до верха открытого люка, он опять отдал крюк Мартину.

А люди, работавшие у шпиля, решили внести разнообразие в свой тяжелый и монотонный труд и затянули песню. У них были грубые глотки, и мелодия их песни, даже отдельные слова и целые фразы проникали в глубь якорного ящика; особенно хорошо был слышен голос запевалы:

«О, кому в Рио Гранде путь незнаком?
Энд эуэй Рио. Эуэй Рио!
Там играет река золотым песком,
В Рио Гранде мы нынче плывем.
Прощайся, красавица, с милым дружком,
В Рио Гранде мы нынче плывем.
Якорь поднять! Не зевать на борту!
Энд эуэй Рио! Эуэй Рио!
Все деньги остались акулам в порту,
В Рио Гранде мы нынче плывем.
Гут бай, моя Ли, крошка Милли, гуд бай!
Энд эуэй Рио! Эуэй Рио!
И купивший нас кровопийца, прощай!
В Рио Гранде мы нынче плывем.
Наш путь очень долог, и пуст наш карман.
Энд эуэй Рио! Эуэй Рио!
Боцман — пропойца, и шкипер — кабан,
В Рио Гранде мы нынче плывем.
Но вернемся мы скоро с тугим кошельком.
Энд эуэй Рио! Эуэй Рио!
И купим вам платья и шляпы с пером,
В Рио Гранде мы нынче плывем.
Прощайся, красавица, с милым дружком,
В Рио Гранде мы нынче плывем».

Эта песня продолжалась до бесконечности. Не все в ней было понятно, и не все куплеты были такие гладкие, как первые. Грубый голос запевалы вскоре уступил место другим голосам. Каждый вспоминал новую строчку. И все, что они пели, касалось корабля либо его команды. О Мартине, например, было сказано, что хоть голова у него крепкая, но ноги слабые. Множество куплетов было посвящено повару и скверным харчам, которые он, как утверждали певцы, стряпал в грязных горшках. Досталось всем: и повару, и Мартину, штурманам и капитану. А потом запели о стране, куда плыл парусник, и о жителях этой страны. И о них певцы не могли сказать ничего хорошего. Но припев, сопровождав-

Рисунок автора.

Пробило уже семь склянок, когда крышка люка приподнялась и Мартин подал им чайник.

ший каждый куплет, был неизменно прекрасен.

И в такт словам наверху звучали шаги. Якорь поднимался с морского дна, и цепь дюйм за дюймом вползала в ящик. Она заполнила помещение уже больше чем наполовину, и Ачассо укладывал ее так, чтобы осталось побольше места. Особенно ловко он укладывал ее по углам, так, что даже образовались два сиденья с некиим подобием спинок.

Один раз работа прервалась.

В люк заглянула чья-то взлохмаченная голова. К счастью, Ачассо услышал приближавшиеся шаги и запрятал Клауса в самый дальний угол. Мартин тотчас же высунулся из люка, так что непрошенному гостю пришлось посторониться. Это был тот самый человек, который в первый раз приходил с Мартином; он же был и запевалой.

— Ну как, Мартин? Цепь в порядке?

— В полном. Лежит, как никогда не лежала. Ну, да ведь это детские штучки, такая цепь!

— Тогда пошевеливайся, сейчас она кончится, уже виден якорь. Кстати, и туман рассеялся.

— Это Линднэс, финн, — сказал Мартин немного погодя. — Ох, и трещала же у него сегодня утром голова!

Ждать пришлось недолго, в скором времени якорь с глухим грохотом ударился в борт. На палубе поднялся крик, затопали ноги, задвигались какие-то предметы, Мартин взял крюк, фонарь, полез наверх и сбросил вниз несколько досок. Через некоторое время он принес старый парус и фонарик, который он с трех сторон обмазал дегтем, оставив только одно стекло, пропускавшее узкую полоску света. Он нагнулся над клюзом и убедился, что с палубы света не видно. Все было в полном порядке.

— Когда пробьет шесть склянок, я принесу вам чаю, — сказал он и опустил крышку.

На палубе подняли паруса.

Судно слегка накренилось, и под его носом зашумела вода. Нигде не было так хорошо слышно журчанья волны, бежавшей из-под носа, как в убежище Ачассо и Клауса. Это убежище сразу приобрело жилой вид. Ачассо расстелил парус поверх сложенной цепи. Доски он укрепил между сиденьями, превратив их в подобие стола. Он еще не успел закончить меблировку их жилища, как зазвучал корабельный колокол—три двойных удара—шесть склянок.

Прошло еще полчаса, пробило уже семь склянок, когда крышка люка приподнялась и Мартин подал им котелок с чаем и миску с горячей едой.

На море тихо.

— Мы хорошо идем, — сказал он и добавил: — До завтрашнего вечера. После восьми склянок. Раньше ничего не выйдет.

Когда Клаус впоследствии вспоминал «Кап-Финистерра», часы, проведенные им в якорном ящике, казались ему лучшими часами за все время плаванья. В тот вечер он узнал многое и о самом плаванье и о стране, куда они направлялись. После обеда, который показался обоим необычайно вкусным: он состоял из «лабокауша» — каши,— из солонины и картофеля, — Ачассо закурил трубку.

Через короткое время все маленькое помещение с его обмазанными дегтем и законопаченными стенами и полом исчезло. В свете фонаря был виден только один кусок стены. Эта стена отлично могла служить доской, на ней Ачассо впоследствии, когда об этом зашла речь, рисовал материки и морские течения, и направление ветра, и все, что могло иметь касательство к плаванию. Отрезанные от всего света, они сидели в голубых облаках табачного дыма. Впереди, то вздымаясь, то падая, журчала волна из-под носа корабля, справа и слева что-то полоскалось и клокотало. Пахло дегтем, но еще сильнее — летучим, голубым табачным дымом. Ачассо позволил Клаусу разок затянуться из его трубки, и на этот раз Клаус затянулся очень осторожно.

— Это, должно быть, «Гаванна»?—спросил он и добавил, заметив, что Ачассо покачал головой: — Тогда, значит, «Суматра» или, может быть, «Борнео»?

Но это было ни то, ни другое, ни третье, а смесь, и Клаус узнал, что лучшие сорта табаков сами по себе немногого стоят и хороши только, если их как следует смешать.

— Этот закон относится не только к сортам табака, сказал Ачассо.

— Может быть, — ответил Клаус.

В голубом дыму, который выпускал изо рту Ачассо и который тонкими, зыбкими волокнами поднимался кверху и уплывал во тьму, он и в самом деле мог отличить опаловый воздух Гаванны от глубокой синевы острова Явы, а тяжелые клубы, оседавшие вниз, напоминали своей окраской тропические ночи Суматры.

— А мимо Суматры мы тоже пойдем? — спросил он вдруг.

Ачассо ничего не ответил и только покачал отрицательно головой.

— А мимо Борнео? — продолжал допытываться Клаус.

— Мы идем в Атахуальпу.

— Где это?

— На западном побережье.

Клаусу пришлось задать еще несколько вопросов, прежде чем он понял, что речь идет о западном побережье Южной Америки и о Чили. А потом Ачассо заговорил, не дожидаясь вопросов. Он сказал, что в наше время парусники ходят туда очень редко и что связь с Чили поддерживается главным образом пароходами, идущими через Панамский канал.

— Канал убил парусное плаванье.

— А в Атахуальпе растут табак и кофе?

— Нет, Атахуальпа и вся область кругом — сплошная пустыня. Но там есть кое-что другое, не менее ценное, — селитра. Она похожа на соль, и с ее помощью можно сделать плодоносными самые скупые земли. Но сегодня люди выделывают из нее главным образом порох. Если вся наша страна сегодня представляет собой сплошную пороховую бочку, то виной этому селитра и множество стран, которым она нужна.

— А индейцы в Атахуальпе есть?

— В Атахуальпе их немного.

— Но ведь ты индеец?

— Я арауканец.

Клаус, по правде сказать, не знал о существовании такого племени и даже чуточку пожалел, что этот Ачассо—не сиу или могиканин; впрочем, последнее было невозможно хотя бы уж потому, что Клаус сам читал историю последнего могиканина, который, как известно, умер. С другой стороны, Ачассо тоже не знал ни одного из названных Клаусом племен и в конце концов решил, что мальчик перечисляет имена, а не народы, каким были арауканцы.

— А арауканцы охотятся за скальпами? — спросил Клаус.

Ачассо усмехнулся так, что у мальчика подрал мороз по коже и перехватило дыхание.

— Кое с кого, — сказал арауканец все с той же невинной улыбкой, — я бы охотно снял скальп! Вот, например, в Нью-Йорке есть одна улица по названию Уоллстрит [1]— я бы не прочь там поохотиться как-нибудь днем, часов этак от 11 до 2. Да и там, откуда мы сейчас едем, я тоже видел две—три славные лысины.

[1] Уоллстрит — улица в Нью-Йорке, где живут самые крупные капиталисты Америки.

Неужели этот арауканец думает, что в Гамбургском порту, в Альстерском павильоне, скажем, ему удастся... Может быть, он именно с этой целью так хорошо научился говорить по-немецки.

— Где ты научился говорить по-немецки? — спросил Клаус.

— На кораблях, между делом. Немецкий—полезный язык, и я прочел по-немецки несколько книг, скажу тебе прямо, они меня здорово взволновали.

— Наверное, Карла Мая?[1].

— Нет, Карла Маркса.

— А разве арауканцы плавают по морю? — продолжал допрашивать Клаус, стремясь вернуться к интересовавшей его теме.

— Арауканцы и чилийцы — единственные уроженцы Южной Америки, плавающие по морю. У Чили даже есть военный флот.

Нет, как видно, этот человек шутил, когда говорил про скальпы, или имел в виду что-то совсем другое. Клаус был разочарован, в особенности когда он узнал, что арауканцы, живущие в южной части Чили, т. е. в Южной Америке, занимаются самым обыкновенным хлебопашеством и даже обрабатывают землю как крепостные рабы.

— Правда, мы дольше других индейских племен боролись за нашу свободу. Испанцы завоевали всю Южную Америку. Но арауканцев они так и не смогли покорить. Арауканцев покорил куда более опасный враг, с этим врагом они теперь ведут отчаянную борьбу, и я уверен, что они в конце концов его победят.

— С кем же они борются?

— Со многими врагами, в первую голову с помещиками.

— Ага, значит, все-таки вышло по-моему! И с этих помещиков они по всем правилам искусства (Клаус поднес пальцы к вискам) снимают скальпы.

Ачассо снова усмехнулся, на этот раз обычной своей усмешкой, и коротко спросил мальчика:

— Ты, что-нибудь слышал про капитализм?

— Да, но ведь это совсем другое дело!

— А про борьбу с фашизмом?

— Тоже слышал, — мальчик вспомнил своего отца и тот ужасный вечер. Но и на сей раз это воспоминание и связанные с ним вопросы быстро улетучились из его головы.

— Ну, а арауканцы? — спросил он.

— Тоже борются с капитализмом.

Ну ладно, Клаус сам увидит этих арауканцев и узнает, как они борются с капитализмом, как снимают скальпы с белых.

— Когда мы туда доедем? — спросил он.

— Дней через сто, может быть меньше, а может быть и больше. Из Северного моря, в котором сейчас находится корабль, он войдет в Ламанш, а потом возьмет курс на юг. На сороковой день мы попадем в полосу пассатов, а они уже доставят нас в штилевую полосу, — сказал Ачассо.

— В штилевую полосу, ну, конечно, в штилевую полосу! — подхватил Клаус. Но, произнося это слово, он поперхнулся и даже весь покраснел.

Ачассо взглянул на него.

— Это хорошо, — сказал он помолчав

— Что хорошо?

— Что ты покраснел.

— Это я из-за штилевой полосы. Мне пришло в голову, что я не совсем точно знаю...

— А что такое пассат, ты знаешь?

— Да, это такой ветер.

— А что такое сороковой?

— Ну да это градус широты, а то еще есть градусы долготы.

Клаус обрадовался, что разговор коснулся области, в которой он был силен. Он сразу начал выкладывать все свои знания, точно он сидел не в канатном ящике парусника с индейцем, а в школе перед экзаминаторами:

— Чтобы определить место какой-нибудь точки на земле, люди исчертили весь земной шар линиями, т. е. воображаемыми линиями, — сказал он. — Счет начинается от экватора, до северного полюса таких линий 90, и до южного полюса столько же. А градусы долготы называются, собственно говоря, меридианами, идут они от северного полюса до южного, и числом их 360.

— И ты знаешь, откуда начинается счет меридианов?

— Ну, конечно, знаю.

Клаус не даром был первым учеником по географии, и когда он заметил по лицу Ачассо, что он даже этому опытному мореходу может сообщить кое-что новое, он начал издалека.

— Первым провел по земному шару градусы широты и долготы один древний грек, и начал он счет с острова Родоса. Но потом все переменилось. Итальянцы стали

---

[1] Очень популярный в свое время немецкий писатель, автор многочисленных «индейских романов» для детей.

Рисунок автора.

Тесные стены якорного ящика раздвинулись. Рисунки означали весь мир.

считать с Блаженных островов, арабы — с края Африки, французы — от Парижа, русские — от их столицы, а англичане — от Гринвича. Но теперь все народы согласились вести счет от Гринвича, и там проходит первый меридиан, общий для всех и, кажется, для индейцев тоже.

— Да, и для индейцев тоже.

На этот раз Ачассо позавидовал Клаусу, который успел приобрести так много познаний.

— Значит, мы попадем в пассат, и он доставит нас в штилевую полосу.

Он взял кусок мелу и нарисовал на стене части света, омываемые Атлантическим океаном: Северную и Южную Америку по одну, западную сторону, Европу и Африку по другую, восточную сторону океана.

Нарисовал он и путь, по которому пройдет «Кап-Финистерр»: длинная черта легла дугой через весь Атлантический океан, обогнула южную оконечность Америки и поднялась кверху, в Тихий океан.

— Да, только на таком парусннке и можно почувствовать, как велика земля!— сказал Клаус.

После того как он столь блестяще показал свои знания, он уже не стыдился своей неграмотности в других областях и засыпал Ачассо вопросами:

— А что такое штилевая полоса? И почему наш корабль идет не прямо, а описывает такую дугу? И отчего мы не идем Панамским каналом?

— Тише, тише, сынок, по порядку, а то я собьюсь.

— Канал мы не пройдем потому, что за это берут слишком большие деньги, а парусник только тогда приносит доход, когда его плаванье стоит недорого. О дуге, которую нам придется описать, мы с тобой еще поговорим. Что же касается штилевой полосы, — тут Ачассо начертил вдоль всего экватора длинный пояс от Африки до Америки, — то вот это она и есть. Там без конца идет дождь. Там солнце светит не больше чем вот эта коптилка, и темно там почти так же, как в нашем ящике. Зато там тепло, и дождь тоже теплый. Как ты думаешь, сколько воды льется там с неба?

— Должно быть, очень много?

— Столько, что наш корабль наполнился бы до краев в несколько часов, если бы он не был водонепроницаемым. А между тем он такая маленькая точка, что я его тут даже не могу нарисовать.

— Ну, это ясно!

— И эти дожди идут поперек всего океана, полосой в 500 миль шириной. Как ты думаешь, куда девается эта вода?

— В море, конечно.

— Да, в море, там она попадает в морское течение, образует настоящую реку, мощный поток, такой широкий, каких не найти нигде на суше. Этот поток движется вдоль экватора. Он втекает в Караибское море. Во Флоридском проливе, где он вновь появляется, он делает 5 миль в час. Этот поток омывает все Североамериканское побережье и сворачивает по направлению к Европе, вплоть до Исландии и Гренландии. Одно из его боковых течений ответвляется к Норвегии и, огибая Нордкап, доходит до Мурманска и еще дальше. Разумеется, кое-что перепадает и Франции с Испанией, даже, можно сказать, из первых рук. Точно стрелка часов кружатся эти массы теплой воды по Атлантическому океану.

— Так ведь это же Гольфстрим!—прорвало Клауса.

— Да, сынок, это Гольфстрим, и после того как его вода охладилась, он возвращается ввиде холодного течения вдоль побережья Африки к экватору, и таким образом круг замыкается. Теперь ты понимаешь, сынок, почему мы делаем такую большую дугу?

— Мы плывем по Гольфстриму.

— Да, и нам еще помогает пассат. Этот мягкий и постоянный ветер почти по всей 40-й параллели дует нам в корму. Таким образом мы имеем двух сильных помощников.

Тесные стены канатного ящика раздвинулись. Рисунки, набросанные на стене, означали весь мир. А прямые и кривые линии олицетворяли силы, действующие в мире, морские течения, направления ветра и бури... Да, бури!..

— Но ведь есть еще бури. Мы в них не попадем?

— Может случиться и торнадо, дальше к югу памперо, а у мыса Горна уж наверняка — западный шторм. Этот шторм никогда не кончается: он вечно бушует вокруг всего земного шара. А мы должны его преодолеть, и это может затянуться надолго. Западный шторм — столь же обычное явление в южных широтах, как пассат в области регулярных течений ветра, которые точно сетью покрывают всю землю. Его можно предугадать. А вот памперо, или норд, или тайфун — другое дело: к ним ни-

как не подготовишься. Они обрушиваются внезапно с ясного неба и вносят путаницу в весь этот превосходный распорядок. Зато они непродолжительны: они длятся день или два, иногда и три, а потом все опять идет по-старому...

И в этот голубой, дымчатый мир, полный таинственных сил, поддерживающих взаимное равновесие, но ежеминутно готовый к чудовищным потрясениям, Клаус плыл на всех парусах. Слышалось журчанье воды, и корабль мягко скользил по волнам. Изредка оба они, сидя в канатном ящике, слышали голоса вахтенных, когда те проходили на нос, чтобы выправить какой-нибудь парус.

«Хей-хо... Хей-хо!..»—кричали они. «Хау-рук... Хау-рук... Хау-рук!..»—кричал финн.

Прошли две вахты, каждая по 4 часа.

Клаус до того увлекся, что забыл, о чем они говорили вначале, и не подсчитал склянок. Каждые полчаса раздавался колокольный звон. Он доносился с другого конца корабля и был так тих и чист, что, казалось, будто где-то падают серебряные капли. Ему отвечал другой колокол: звон его, более густой, был отчетливо слышан в якорном ящике. Первый корабельный колокол висел на корме, под рукой у рулевого, в другой бил вахтенный на баке. Этот вахтенный кричал всякий раз, как замолкали удары колокола: «Лайтс, олрайт, сэр!»

Клаус спросил, почему вахтенный кричит по-английски и не английский ли это корабль.

— Нет, корабль — твой соотечественник, и, если я не ошибаюсь, его капитан — фашист, — ответил Ачассо. — Но команда смешанная, и поэтому на борту говорят по-английски. Но кажется, наш фонарик тухнет. Давай-ка ляжем, прежде чем он погаснет. Спать мы можем сколько угодно; нам необходимо одно — беречь свои силы: может быть, они нам понадобятся, когда мы вылезем из нашего ящика. Ты умеешь боксировать?

— Конечно, умею, но если противник больше меня...

— Ну с капитаном, ты бы, например, подрался?

— Нет, с капитаном лучше не надо.

— А если он мерзавец?

— Это капитан-то? Этого не может быть!

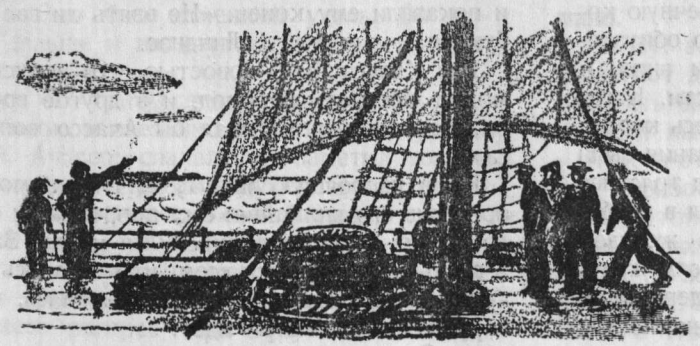
— Ну-ну, посмотрим.

Уже засыпая, Клаус вспомнил еще что-то и спросил:

— А почему на корабле всегда говорят «бить склянки»?

— Это старое выражение, оно старше часов. В те времена, когда еще не было часов с заводом, перед рулевым висели песочные часы. Ты знаешь: такие две соединенные между собою склянки, из одной в другую сыплется мелкий песок? Всякий раз, как одна из склянок наполнялась, рулевой ее переворачивал. Это значило, что прошло ровно полчаса, и тогда он бил в колокол. Делал он это восемь раз подряд. Это значило, что вахта кончилась, когда пробьет восемь склянок, сменяется вахта. Спокойной ночи, сынок!

— Спокойной ночи, Ачассо!



Два зайца

Дни проходили однообразно.

Каждый день, один раз вечером и один раз ночью, подымалась крышка, и Мартин приносил им чаю и еду. Ночью еды было меньше, и она была холодная, как и чай,— в этом была единственная разница. Во всем остальном день ничем не отличался для них от ночи.

Море было беспокойней, чем в начале плаванья.

Нос корабля все глубже зарывался в воду и подымался из нее все выше, и Клаус

постепенно становился все молчаливее. Ачассо попрежнему был занят картой, нарисованной на стене ящика. Впрочем, его теперь интересовал не весь мир, но лишь часть его, а именно — западное побережье Южной Америки и республика Чили, куда плыл «Кап-Финистерр». И, насколько Клаус заметил, внимание Ачассо привлекала не южная часть страны, где живут арауканцы, а северная. Побережье и весь материк были испещрены цифрами и названиями городов; среди них была и Атахуальпа и Иквиквэ, о которых Клаус уже слышал в кабаке, и Сан-Доминго, Сан-Антонио, Ла-Паланка и Калета-Вьеха. Особенно большую роль играла, повидимому, Калета-Вьеха. Она угнездилась на побережье жирной точкой, и от нее по всем направлениям и ко всем городам тянулись нити. Клаус спросил, не столица ли страны эта самая Калета или как ее там зовут.

— Нет, это ничего не значит, — ответил Ачассо и тотчас же стер со стены эту точку со всеми протянувшимися от нее нитями.

Он продолжал заниматься своим чертежом, только не писал больше никаких имен.

Над их головой была, должно быть, глубокая ночь, и «Хей-хо!.. Хау-рук!» матросов, опять что-то делавших на палубе, звучало глуше обычного, а потом и вовсе замолкло. Зато на корабле были другие шумы. Отовсюду доносился скрип—это скрипели снасти и паруса. А волны, ударявшие в нос и бежавшие вдоль бортов, издавали такой звук, словно там сталкивались чьи-то крепкие головы. Снизу тоже доносился шум. Кораблю с каждым часом все труднее было двигаться. И вскоре канатный ящик превратился в спичечную коробку на ладони великана; оба его обитателя то взлетали вверх, то падали вниз, и так продолжалось до бесконечности. Когда нос корабля повисал в воздухе, весь корпус содрогался и трепетал. Эти содрогания были так сильны, что Клаус сам начинал трястись всем телом. А когда корабль нырял в глубину, мальчику казалось, что его желудок остался где-то наверху, если и не сам желудок, то, во всяком случае, его содержимое. К счастью, у них была большая банка из-под консервов.

Клаус лежал, припав головой к этой банке; ему было так плохо, что он с трудом открывал глаза. У него болела голова, желудок выворачивался наизнанку. Он уже решил, что наступил его последний час, и в темноте ящика перед ним проплыла вся его короткая жизнь: учитель со строго поднятым пальцем, веселые товарищи по школе, отец с бутылкой кофе подмышкой, точно такой, каким он встречал его на трамвайной остановке, когда он возвращался с работы; видел он его и с окровавленной повязкой на лбу, как в тот вечер, когда друзья принесли его на руках и уложили на кровать.

Но все они: и отец, теперь уже мертвый, и друзья его детства, и Дитрих, и мать, покинутая им навсегда, — все они были лишь бесплотными призраками. А в действительности были только дурнота да грохочущий под ним якорный канат, да полная стонов и кряхтенья тьма, да ревущее за стеной море.

На Ачассо скачки корабля и все неистовство этого дикого мира не отразились нисколько. При свете крошечного фонарика он сидел на корточках перед картой, которую он испещрял цифрами и непонятными значками.

Целая вечность проходила прежде, чем подымалась крышка и в их дыру проникал дневной свет. Это значило, что Мартин принес еду.

— Мы идем каналом!— крикнул он как-то.

Он имел в виду Ламанш, пролив между Францией и Англией.

И крышка опустилась, чтобы подняться вновь через 36 часов, на этот раз ночью. Голова и рука Мартина и котелок с чаем, который он подал им, казались сплошной черной массой. Но вместе с Мартином к ним проникло свежее дыхание ночи.

— Дует норд-ост, но хорошо идем, — сказал он.— До 12 узлов делает наш старик «Финистерр». Мы обогнали какой-то пароход, и наши ребята выстроились на корме и показали ему конец. «Не взять ли вас на буксир!» — крикнул Линднэс.

Для Клауса было новостью, что парусник может обогнать пароход, и в другое время он, несомненно, засыпал бы Ачассо вопросами.

Но в настоящую минуту ничто не могло привлечь его внимания: ему попрежнему было плохо, и он не прикоснулся к еде. Зато Ачассо интересовался всем, что делалось на корабле. Прежде всего он обрадовался, что парусник так быстро идет.

— Самое время поторопиться, а то тут, внизу, прямо одеревенеть можно, — сказал он Мартину, который присел на край люка, пока Ачассо ел.— И наш младенец тоже что-то приумолк,—добавил он:—Пора мальчику глотнуть свежего воздуха.

— Это верно... Ах да, совсем забыл: у

нас есть еще один пассажир, он только что впервые вылез на палубу.

— Еще один пассажир?

— Да, но только он не заяц. Он прятался в каюте капитана. Совсем еще молодой парень. Он пробрался на борт втихомолку, хотя и с ведома капитана. Помнишь, когда грузили колючую проволоку? А теперь нам сказали, что он владелец груза.

— Владелец груза? А груз — колючая проволока, и везут его на таком древнем ноевом ковчеге, как парусник?

— Вот это-то и странно!

— А ты, кажется, говорил, что ты видел какие-то ящики?

— Да, в люке № 1.

— В люке № 1? Это, значит, тут, за нашей стенкой?— Ачассо хлопнул по железной стене.

— Да, только чуть подальше, к корме. Ну, мне пора.

Крышка опустилась, и Клаус опять впал в дремоту, полную диких видений. Проснувшись вновь, он почувствовал — он ни за что не мог бы сказать, каким образом он догадался об этом в непроглядном мраке,— что он один в ящике. Он протянул руку к ложу Ачассо. Оно было пусто: Ачассо исчез.

С отчаянием уставившись в темноту, он почувствовал, что в маленьком помещении, где он находился, тоже что-то изменилось. Он протянул руку. Там, где раньше была железная стенка, рука его встретила пустоту. Он до того испугался, что даже вскочил на ноги и, спотыкаясь, ринулся в эту пустоту. Огромная яма открылась перед ним, и в глубине ее мерцал огонек. Этот огонек выхватывал из темноты очертания каких-то огромных куч, напоминавших подземные скалы. Это был каменный уголь. Он побрел дальше и наткнулся на какие-то корзины и ящики.

Шум его шагов слился с кряхтеньем старых балок, и внезапно он увидел внизу, под собой, Ачассо; сначала он заметил только его огромную колышущуюся вдоль стены тень. Ачассо подвесил свой фонарик к поперечной балке и пытался ломом вскрыть ящик. В тот момент, когда Клаус свесился в дыру, крышка ящика отскочила.

Ачассо разгреб слой стружек, на мгновенье выпрямился, поглядел по сторонам (Клаус замер и задержал дыхание), словно чувствуя, что за ним следят. Его взгляд остановился на том месте, где во мраке скорчился Клаус.

— Эй! — крикнул он.

— Ачассо!— откликнулся Клаус.

— Это ты? Уже выздоровел? Тем лучше!

Клаус спустился.

— Надо посмотреть, что это у нас за пассажир такой завелся, а главное, — что у него за груз.

Ачассо убрал стружки, и они увидели ряды черных лакированных яиц с блестящими головками. В каждом ряду, шириной в полметра, их было по пяти штук.

— Вот оно что!— сказал он.— Это бомбы, аэропланные бомбы, должно быть, с газом, может быть, со слезоточивым, а может быть, и с чем-нибудь похуже. Собственно, слезоточивый — тоже достаточная мерзость. Ты понимаешь, что это значит?

Клаус, не отрываясь, смотрел на черные яйца: он ничего не понимал.

— Дело вот в чем. Там, куда мы едем, идет война. Владельцы селитряных рудников воюют с рабочими. И если в какой-нибудь деревушке, окруженной пустыней, рабочие забастуют, то они этими черными штуками сметут с лица земли всю деревню, а может быть и пять — шесть деревень.

— Как же так? Ведь это же...

— Это — убийство! — сказал Ачассо. — Владельцы рудников — убийцы, ты прав. Но борьба с этими бомбами должна начаться уже тут, на нашем дряхлом, шатучем «Кап-Финистерра». Как по-твоему?

— Не знаю.

— Ты говорил мне, что твой отец был рабочим?

— Он был токарем, потом он потерял работу и умер.

— А мать?

— Она еще жива.

— И, должно быть, работает за гроши?

— Да работает и зарабатывает очень мало.

— Ну, вот видишь! Эти бомбы, они существуют для того, чтобы заставить людей работать еще дешевле. Но мы с тобой солдаты, и мы должны обезвредить их.

Ачассо отвинтил одну из блестящих головок и разобрал ее. Клаус принялся вскрывать другой ящик; он делал это очень осторожно, как ему велел Ачассо, чтобы потом никто не заметил, что ящик уже был кем-то вскрыт. Ему становилось жутко при мысли, что кто-нибудь спустится в трюм и накроет их. Скрип, доносившийся из глубины ямы, и тысячи таинственных шумов вселяли в него тысячи страхов. Но возбуждение и физическая работа подействовали на него хорошо: они заставили его забыть о недавней дурноте, и он сам не заметил, как излечился от этой страшной морской бо-

лезни. В особенности помогла ему мысль о том, что теперь он настоящий солдат.

Ачассо похвалил его работу.

— Твой отец, видно, был дельным рабочим. И ты, я вижу, унаследовал от него ловкие руки,— сказал он.

Тем временем Ачассо выяснил, что нужно делать с головками бомб. Из механизма нужно было извлечь одно небольшое колесико.

— Понимаешь, все остальное останется попрежнему. А если даже будут проверять запалы, то все равно никто ничего не заметит. Но ударник не пробьет капсюля, и бомба, когда ее сбросят, не взорвется.

Клаус помог ему и в этой работе. Так они проработали всю ночь, но им оставалось еще много ящиков.

— Мы ими займемся завтра и послезавтра, — сказал Ачассо.

Они вернулись в свое убежище. Ачассо задвинул железную стенку, и оба погрузились в глубокий сон. На этот раз Клаусу даже не снились сны, и когда он проснулся, от морской болезни не осталось и следа.

Мартин, подойдя под вечер к люку, опустился вниз и прихлопнул за собой крышку. Он впервые задержался у них, и Ачассо стал расспрашивать его о разных подробностях корабельного быта: о капитане и штурманах, о команде, организована ли она, много ли в ней «диких». Ему все нужно было знать.

Мартин отвечал по обыкновению односложно, обдумывая каждую фразу:

— Капитан? Ну как тебе сказать...Первый помощник... тот ничего... обходительный человек... по крайней мере, когда он трезв. Старик ему воли не дает. А второй, тот похуже: он охотней всего превратил бы наш «Кап-Финистерр» в военный корабль, разумеется, не самый корабль, а команду. У него разные идеи в голове.

— Так это он наци[1], а не капитан?

— Да, именно второй помощник, но он у нас неважная шишка. А капитан вовсе такими делами не интересуется.

— Но ведь как раз капитан тайно принял на борт тот груз! Мы ведь сами видели.

— Ну, уж я не знаю, как там и что.

— А пассажир, этот самый «грузовладелец», он его гость?

— Вероятно, но они почти не разговаривают друг с другом. Со вторым помощником пассажир часто шушукается; он и спит теперь в его каюте.

— Ну, понятно! Пассажир снюхался с штурманом-фашистом.

— Капитан, конечно, эксплоататор, что и говорить: он выжимает из людей все, что возможно. Больше всего он любит хороший грог, и при этом он отчаянный забияка. Зашли мы как-то в Антафагасту, дело было вечером...

— А команда?— перебил его Ачассо.

— С командой дело сложное. Есть там один голландец по имени Яп, тот состоит в союзе. А другие еще молоды. Есть там два шведа, да два финна, собственно даже три, третий — Линднэс, он староста. Был у нас страшный шум из-за этой вот штуки...— Мартин указал на котелок с чаем, который с самого начала плаванья находился в ящике. — Из-за этого вот котелка. Он, понимаешь ли, исчез, и заподозрили одного из наших ребят, Ганнеса, я чуть не забыл про него. Ну и досталось же ему! Я ничего не мог сделать, против Линднэса мне не устоять...

Мартин заметил нарисованную на стене карту.

— Что у тебя там? Западное побережье?

— Да, нечто вроде карты районов нашего сырья, а кстати, и тех стран, которые за это сырье дерутся. Вот тут на севере, в селитряной пустыне, засели англичане и немцы, но с тех пор, как Ибаньес стал диктатором и получил от янки деньги, все сырье постепенно переходит в руки американцев.

— Немецкие капиталисты, английские или американские — для рабочих это все едино,—заметил Мартин.

— Это так и в то же время не так, — возразил Ачассо.— Можешь судить как раз по нашей стране. С тех пор как фашисты захватили власть и отдали рудники янки, чилийские рабочие имеют у себя на шее собственных эксплоататоров и еще кроме того янки, гнет стал тяжелее даже не в два раза, а в четыре.

— Да, жить становится все хуже, — ответил Мартин.

Они еще поговорили о разных вещах, но о содержимом ящиков Ачассо не сказал ни слова. Клаус набросился на принесенную еду как голодный волк, и она впервые за все время пришлась ему по вкусу. Когда Ачассо и Клаус насытились, Мартин взял миску, поднял крышку и вылез на палубу. Чуть позже Ачассо опять отодвинул железную стенку. Оба они опять проработали всю ночь напролет. Наверно, уже был день, когда они управились со всеми ящиками. Но

[1] Сокращенное «национал-социалист», т. е. фашист.

Ачассо все еще продолжал рыскать по трюму.

Для того чтобы груз, состоявший из колючей проволоки, во время плаванья не раз'езжался, он был сложен ввиде пирамиды; вдоль бортов таким образом остались сужающиеся книзу щели, в одну из этих щелей Ачассо спустил на веревке свой фонарик и вскоре заметил внизу какие-то светлые предметы; там тоже были сложены ящики. Работа закипела вновь. Ачассо решил сделать проход между кипами колючей проволоки, чтобы добраться и до этих ящиков. Но кипы проволоки были слишком тяжелы. Один он не только не мог сдвинуть их с места, но даже поднять их, а на помощь Клауса рассчитывать не приходилось.

Пришлось отказаться от этой затеи.

— Мы должны, по крайней мере, убедиться, что в этих ящиках находится то же самое,—сказал он, и Клаус тотчас же вызвался спуститься в щель. Чтобы защитить его от острых колючек, Ачассо обмотал его рогожами, которых у них было достаточно. Потом он спустил Клауса на веревке так же точно, как он только что спускал свой фонарик. Когда фонарик вновь последовал за ним, Клаус вскоре убедился, что это были другие ящики; среди них был один очень большой, а сколько их было всего, ему не удалось сосчитать. Что в них находилось, он тоже не смог выяснить. Он выкарабкался наверх. Это было гораздо легче, чем спускаться вниз, ему в сущности даже не нужна была веревка. Ему не удалось, однако, уберечься от острых колючек, и когда Ачассо снял с него рогожи, оказалось, что он поцарапался и порезался в нескольких местах. Но такова профессия солдата, и Клаус даже не думал жаловаться на свои ранения. Ачассо старался утешить его, а заодно и себя. Указав на первые ящики, вновь акуратно заколоченные, он сказал:

— Итак, мы помогли рабочим выиграть грядущую забастовку и многим из них спасли жизнь.

Они выбрались из трюма. На этот раз Ачассо старательно задвинул и завинтил стенку, и оба легли спать. Они спали до тех пор, пока их вновь не разбудил стук крышки. Мартин принес им чаю и еды. Стоя у края люка, он сказал:

— Ветер переменился с норда на норд-вест. Но идем мы хорошо. Вчера прошли мимо последнего лоцмана. А сегодня — мимо двух — трех рыбаков. Завтра в полдень пройдем мимо островов Сцилли.

— Ну, тогда все будет в порядке. Потерпим до завтрашнего полудня. Итак, до завтра на палубе!

Крышка опустилась, и Ачассо с Клаусом принялись за еду.

— Завтра, сынок! Завтра в полдень все выяснится.

— А где мы будем?

— У островов Сцилли. Канал будет позади, и мы выйдем в Атлантический океан.

— Значит, океан еще впереди?

— Конечно, впереди, и как еще впереди!

Мартин принес Ачассо по его просьбе безопасную бритву и кусок мыла. После обеда он отлил теплого чаю и намылил себе лицо. Клаус держал фонарик. Потом очередь дошла до него. Бриться ему не нужно было, но помыться не мешало. Двухнедельное пребывание в якорном ящике оставило на нем свой след. Однако котелок был так мал, что ему удалось только промыть глаза да сполоснуть нос и рот. Лицо его было измазано дегтем, который не так-то легко смывался. Волосы тоже слиплись косицами от этой в'едливой жидкости, которой были смазаны цепи, стены и все кругом. Побрившись и помывшись, они осмотрели свое платье. Положение Клауса оказалось плачевным: одна его туфля сохранилась в целости, а у другой отвалилась подошва; но Ачассо подвязал ее веревочками так, что она, по крайней мере, не шлепала. Хуже обстояло дело с курткой: рукав, плечо и правая пола исчезли безвозвратно. В конце концов, Ачассо смастерил ему из рогожи всю правую половину и кушак, чтобы куртка не разъезжалась.

— Ну-ка встань, повернись! Ничего, даже совсем хорошо! Ты прекрасно выглядишь. Если старик ничего не заметит, то, значит, он понятия не имеет, как выглядит канатный ящик изнутри и что в нем творится, когда ползет цепь, на которой как раз расположились два пассажира. Правда, мы с тобой зайцы, но ведь от этого мы нисколько не хуже других, верно, сынок?

— Верно, но, может быть, нам все-таки лучше не боксировать с капитаном? — вспомнил Клаус их прежний разговор.

— Но ведь ты же солдат, сынок!

— Еще не настоящий. Лучше всего об'яснить капитану.

— Ну, что ж, это можно! Скажем ему, например, что мы две недели назад гуляли по набережной, заметили, что его корабль сидит в воде до самой грузовой ватерлинии, решили, что на нем, должно быть, не все в порядке и что нам следовало бы подверг-

нуть эту скорлупку осмотру. По дороге мы заблудились и в темноте свалились в канатный ящик. Теперь мы кое-как выбрались и покорнейше просим его поскорей высадить нас где-нибудь на берег.

— Нет, на берег не надо!

— Значит, вкус к кругосветным путешествиям у тебя еще не прошел. Ну что ж, тогда мы скажем, что мы оба заключили между собой союз и решили вместе посмотреть на белый свет, не будет ли господин капитан любезен прокатить нас немножко на своей старой грязной ветряной мельнице?

— Почему ветряная мельница?

— Так в шутку называют парусники.

— Лучше мы его не будем называть ветряной мельницей. Ведь есть же, наверное, другие названия?

— Лучше будет, если мы вообще не скажем ни слова. Пускай говорит старик, я думаю, он найдет, что сказать. Взять нас с собой ему все равно придется, раз уж мы попали на корабль. Что ему с нами делать? Не за борт же бросать!

— Да, это он не может сделать.

Они решили покамест притаиться и ждать событий: главным событием могла быть встреча с капитаном.

Назавтра в полдень оба приготовились к выходу из ящика. Ачассо еще раз повторил то, что он уже неоднократно говорил Клаусу:

— Стало быть, сынок, ни слова о том, что мы тут делали...

— Это останется между нами. Ни слова! Никогда и никому! — воскликнул Клаус.

— То, что нам предстоит, в сущности,— та же самая война,— сказал Ачассо.

Он поднялся по лесенке и откинул крышку. Потом помог Клаусу выбраться из ящика и взял его за руку. Этот жест показался Клаусу излишним, тем более, после слов Ачассо о войне. Но Ачассо не выпустил его руки, и их странствия по палубе начались.

Под баком они никого не нашли, фордек тоже был пуст.

У маленького воина ужасно стучало сердце. Непривычный дневной свет слепил его. Все же он улучил минуту и бросил взгляд в сверкающую даль: никакого канала с берегами, как он себе представлял, не было, была одна вода, серая, колышущаяся вода. «Так вот оно какое, море»,—подумал Клаус. А между тем это еще был Ламанш, соединяющий Северное море с Атлантическим океаном.

Ему не удалось как следует налюбоваться этим необычным для него зрелищем. Не прошли они и восьми шагов, как навстречу им попался первый человек. Это был здоровенный верзила, вышедший из кубрика, из той самой двери, мимо которой Клаусу пришлось пройти в первую ночь его пребывания на корабле. Он держал в руках миску с едой; у него была косматая голова. Если бы Клаус и Ачассо были двумя морскими чудовищами, вынырнувшими среди бела дня со дна морского, он бы не так удивился. Взглянув искоса на Ачассо, Клаус подумал, что после многих дней, проведенных в ящике, и работы в трюме он действительно напоминает пещерного человека. Что сам он, с рогожной полой куртки, весь штопаный-перештопанный, похож на пещерного мальчика, ему не пришло в голову. Так или иначе, встреченный ими матрос вынул трубку изо рта, и рот его так и остался раскрытым. Потом он поднес к голове одну из своих огромных лап и почесал в затылке.

— Мое почтение!— сказал Ачассо.

Тот все не сводил с него глаз, точно беспомощное, оглушенное животное. Когда Ачассо повторил свое приветствие и прибавил: «Добрый день, приятель», рот матроса захлопнулся. Потом он выдавил из себя несколько слов.

— Кто тебе тут приятель, разрази меня бог?

Он оглянулся и крикнул вниз, в кубрик:

— Разрази меня бог, две свиньи — две настоящие живые свиньи!

Это был голос Линднэса.

— Любезный господин, как видишь,— сказал Ачассо и повел Клауса дальше. Сразу же за кубриком вздымалась мачта — пирамида из светлой холстины в четыре или пять парусов. Все они были полны ветра, и брассы, которые вели вниз на палубу, были натянуты, точно стальные струны. Клаусу казалось, что он слышит их звон, и он почти не прислушивался к словам Ачассо.

Ачассо все не выпускал его руки.

— Это гротмачта, — пояснил он. — А эти огромные холсты—это грот. Когда в него дует ветер, он один может привести корабль в движение, понимаешь?

Клаус ничего не мог сказать по этому поводу. За его спиной что-то происходило, он это чувствовал. Обернувшись, он увидел Линднэса, окруженного кучкой матросов, с удивлением взиравших на него и на Ачассо.

Клаус с облегчением вздохнул, когда они двинулись дальше, но прошли они всего не-

сколько шагов, Ачассо опять остановился, на этот раз у поручней.

— Ты посмотрел на канал? Мы находимся неподалеку от островов Сцилли, если я не ошибаюсь. Вон там, видишь!.. Приглядись-ка!

Клаус напряженно вглядывался в светлое пространство. Вдали оно было затянуто дымкой. Однако он ничего не увидел, да и не мог бы ни при каких обстоятельствах увидеть. В данную минуту он только радовался, что ему вообще есть на что смотреть.

Внезапно Ачассо обернулся к матросам, остановившимся в трех — четырех шагах от них и следившим за каждым движением странной пары.

— Это острова Сцилли?— спросил он и, не дождавшись ответа, добавил:— Норд-ост. Это хорошо. Как раз то, что нам нужно. Еще два часа, самое бо́льшее, я думаю,— два часа, и мы пройдем острова, как по-вашему?

Опять никакого ответа. Ачассо поднял голову и скользнул взглядом по парусам.

— Хорошо закреплены — чистая работа, ничего не скажешь. Только вот фок слегка полощет, не мешало бы его чуточку подтянуть.

Линднэс шагнул к нему.

— Что полощет?

— Фок.

— Фок полощет?

— Висит точно овечий хвост.

Линднэс обернулся к своим:

— Слыхали вы что-нибудь подобное? Он говорит: «Полощет», да еще «овечий хвост»!

Он вновь поглядел на Ачассо.

— Сам ты овечий хвост, и сам ты полощешь, и самого тебя не мешало бы подтянуть!

— Я думаю, им не мешало бы пожрать,— вмешался другой матрос, маленький человечек с забавным помятым лицом.

В этот момент подошел Мартин и подхватил:

— По-моему тоже! Смотрите, один совсем еще ребенок.

Линднэс, видимо, колебался.

Но тут случилось нечто неожиданное. Капитан, наблюдавший за всем происходящим с юта, сошел вниз. До этой минуты ему казалось, что все это галюцинация.

— Сударь!— сказал он, и это было самое невероятное, что он мог сказать.— Сударь, что это вам забрело в голову?

— Мы тут советуемся насчет ребенка, капитан.

— Причем тут ребенок? Вот этого вы называете ребенком? Что вам тут нужно, и откуда вы взялись? Каким ветром, чорт вас подери совсем, разрази меня гром, вас сюда занесло?

— Ребенка я нашел в канатном ящике.

— Что ему нужно было в моем канатном ящике? Кто смеет соваться в мой канатный ящик?

Капитан задыхался совсем как собака, уставшая от быстрого бега. Он увидел второго помощника, подоспевшего на крик.

— Эй, помощник!— позвал он его.

Коренастый, квадратный парень, с бульдожьим лицом, вышел из толпы. Он не очень торопился и на ходу с видимым удовольствием засучивал рукава. Не упуская его из виду, Ачассо взглянул на команду. Матросы стояли, опустив руки, с безразличным, если не враждебным видом. Ачассо мог рассчитывать только на себя самого. Клаус, чью руку индеец наконец-то выпустил, почуял, что дело все-таки дойдет до бокса. Он глубоко вздохнул и побледнел, но теперь, когда схватка была, повидимому, неизбежна, он твердо решил драться, не щадя себя.

Но до драки дело не дошло. Капитан, как видно, переменил намерения.

— Позвать старшего!— крикнул он.— Живо старшего! Разбудить штурмана, Линднэс!

— Есть, капитан.

Линднэс убежал рысью.

Приняв решение, капитан успокоился и стал внимательно разглядывать Ачассо и Клауса. Особенное удивление вызвал в нем Клаус. Он покачал головой.

— Две недели в канатном ящике—это не шутка капитан. Когда бросали якорь, ребенок чуть не погиб, если бы я не...

— Ребенок, ребенок... Хорош ребенок! И что вы думаете, мой корабль — детская коляска, а вы нянька, сударь? Я хочу узнать, кто вы такой и что вам тут нужно, будьте вы трижды прокляты!

— Мне нужно попасть на Западное побережье, капитан.

— Ну, еще бы! На Западное побережье, и, конечно, на моем корабле. Штурман здесь, Линднэс?

— Сию минуту будет, капитан.

— Я тебе покажу Западное побережье! Ты у меня вылетишь в первую попавшуюся рыбачью лодку или лоцманский катер вместе с твоим сосунком. И притом вверх тор-

машками, чтобы вы оба переломали себе все кости, понял?

— Понял, капитан. Очень хорошо понял. Если вы меня ссадите в Англии, это вам обойдется в 50 фунтов, во Франции — тоже не дешевле. А сосунок стоит ровно столько же, стало быть, крупом — 100 фунтов чистоганом. Деньги немалые. И притом вам придется выплатить их рыбаку авансом, иначе он не согласится взять меня, капитан.

— Ты жулик, темная личность, висельник, проходимец, чортова образина!..

— Я старый матрос, капитан, и плавал много лет. И я решил подобрать себе такой корабль, который довез бы меня туда, куда мне нужно и где у меня есть кое-какие дела. Вы можете иметь даром опытного матроса, капитан.

— Заковать его в кандалы!— вскипел капитан.

Подошедший тем временем штурман вынул трубку изо рта и шепнул на ухо капитану:

— Это недурно, капитан. У нас недостает, по крайней мере, двух палубных матросов из-за этой проклятой экономии. Помоему, он нам пригодится. Если мы его закуем в кандалы, нам придется кормить его, а толку от него не будет. А этот...— он взглянул на Клауса, и в его глазах даже мелькнуло сострадание. — Вид у него довольно потрепанный, но мы его приведем в порядок, свой кусок хлеба он тоже заработает.

Штурман был совершенно прав, и поэтому капитан еще больше раз'ярился. На сей раз это был припадок холодной ярости, немногословный и направленный против команды.

— Какого чорта вы тут стоите и пучите глаза? Что вам — делать нечего? Что у вас с фоком? Я все утро жду, когда вы его наконец, как следует подтянете... А что слышно с расписанием работ, штурман? Вы все еще его не составили? Ванты нужно подтянуть. Вода из трюмов не выкачана, ржавчина не снята...

И так как всего этого было недостаточно, чтобы охладить гнев капитана, он придумал еще одну, особенно грязную и неприятную работу.

— Да, палуба. Палубу прибрать! Сейчас же за работу, погода как раз подходящая!

Взглянув на Ачассо и Клауса, он добавил:

— Этих двух распределить по вахтам.

— Ты — первой вахты на штирборде, — сказал штурман Ачассо.— А ты — второй, оставайся на палубе.

Так Ачассо и Клаус нашли себе место на «Кап-Финистерре».

Штурман придумал очень хитро: себе он взял здорового, крепкого Ачассо, а второму помощнику отдал слабосильного, судя по всему, беспризорного ребенка. Вахта штурмана была как раз свободна, и Ачассо имел время спуститься в кубрик и заняться устройством своих личных дел. Клаус же остался на палубе, и штурман повел его к баку.

(Продолжение в следующем номере)

Ненарисованные рисунки

Дело обстояло так. Художник А. Каневский задумал нарисовать для нового толстого журнала «Пионер» несколько рисунков из жизни зверей. По дороге домой он вспомнил, что у него вышла тушь. Зашел в магазин и купил баночку с тушью, ту, которая изображена наверху страницы. Держа в руке тушь, он вслух обдумывал темы своих рисунков.

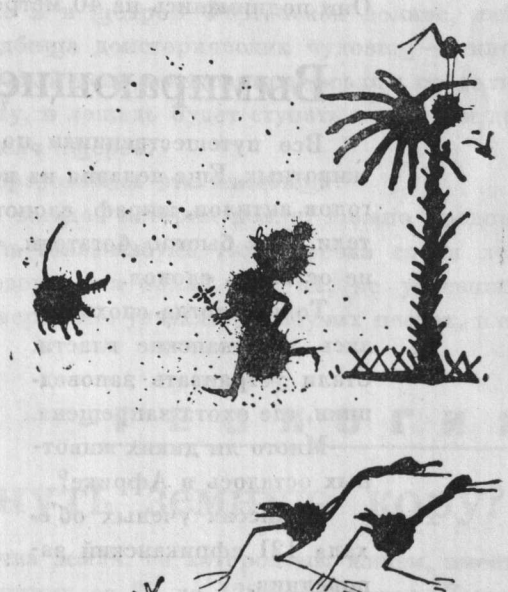
— Я нарисую двух кошек и мышь, — сказал он, — и страусов, и петухов, и пальмы, и женщину в очках с веточкой в руке, и еще одно животное.

Разговаривая так, он дошел до дому, поставил тушь на стол, а сам лег спать, надеясь с утра начать работу.

Однако ночью пузырек с тушью неизвестно отчего опрокинулся, тушь разлилась, и все ненарисованные рисунки кляксами брызнули на пол. Кошки, петухи, мыши, страусы выскочили и зажили своей жизнью. Как видите, петухи сразу начали драться, страусы бегать по пустыне, две задуманные кошки стали ловить одну задуманную мышь, что же касается того рисунка, где страус стоит на пальме, то по этому поводу мы ничего сказать не можем.

Мы сами заинтересовались тем, что́ за животное скалит зубы на женщину с цветком. Художник же Каневский нам об'яснил, что, ложась спать, он животного не додумал, а так как оно вылилось на бумагу не по его вине и без его разрешения, то он за него не отвечает.

Решайте сами.



ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

ЗООЛОГИЯ

Самые северные кораллы на земле

До сих пор думали, что кораллы живут в теплых, тропических морях. Ученые настолько были уверены в этом, что как только находили в земле остатки древних кораллов, то сразу делали вывод: тут был когда-то тропический климат.

Несколько месяцев назад ученый Донс опубликовал свои наблюдения над кораллами северных морей. Донс нашел кораллы на севере Норвегии, у Тромсе и в западном Финмаркене. В свинцовой холодной воде Северного моря, под 70-м градусом северной широты, у черных, изрезанных фиордами береговых скал, живет, оказывается, коралл лофогелия. Донс видел огромные рифы, построенные лофогелией. Они поднимались на 40 метров над морским дном.

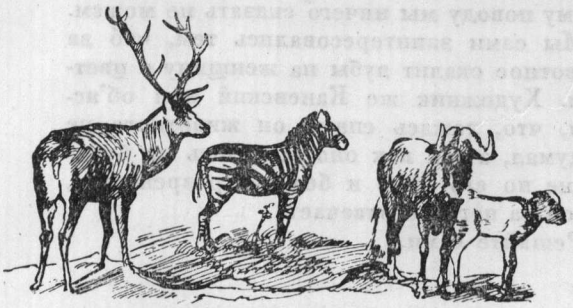
Вымирающие животные Африки

Все путешественники по Африке описывали несметные стада диких животных. Еще недавно на водопой у африканских озер собирались сотни голов антилоп, жираф, слонов. Охотники за слоновой костью быстро богатели. Так быстро богатели, что скоро в целых областях Африки совсем не осталось слонов.

Только тогда спохватились африканские власти. Стали устраивать заповедники, где охота запрещена.

Много ли диких животных осталось в Африке?

Комиссия ученых об'ехала 121 африканский заповедник.



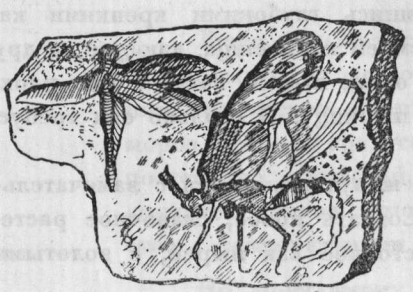
Оказалось, что 18 видов интереснейших животных Африки истреблены почти целиком. Они вымирают. В самой глубине материка, в стране зулусов, осталось не больше сотни белых носорогов. Перебиты почти все африканские слоны. Абиссинский козел, горная зебра, благородный олень, много пород антилоп, например черная, косулевая, пестрая и белолобая антилопы, капский сернобык, белохвостый гну стали редкими животными в Африке.

Для этих животных, говорит комиссия, нужны срочные меры защиты, иначе скоро мы будем знать о них только по зоологическим книгам да по чучелам в музеях.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

Кладбище насекомых и вымерших ящуров

Экспедиция под начальством профессора Мартынова нашла на далеком севере у Ледовитого океана кладбище древних насекомых. По долине реки Сояны, то выступая наружу, то уходя неглубоко под землю, тянется на несколько километров пласт песчаника. И весь он переполнен миллионами окаменевших отпечатков насекомых. Нигде в мире нет ничего подобного. Ученые с изумлением видели крылья гигантских стрекоз, очертания жуков, существ, похожих на клопов, на цикад, на тараканов. И среди этих миллионов окаменевших следов — ни одной бабочки, ни одного насекомого, связанного с цветами. Очевидно, ни одного цветка еще не было на земле, когда образовалось это необычайное кладбище.



На другом конце нашей страны, в пустынном Казакстане и в щедрой Ферганской долине, найдены кладбища доисторических чудовищ — динозавров. Целый день можно ехать верхом по долине реки Чу, и лошадь будет ступать по костям десятков тысяч ящеров.

Как образовались эти кладбища?

Это одна из самых больших загадок истории земли. Можно предположить, что в далекой древности какая-нибудь тихая речка сотни лет сносила мертвых насекомых в озеро или залив, где их, не успевших истлеть, засыпал ил. Динозавры, вероятно, увязали в зыбучих песках, или асфальтовых озерах.

ГЕОЛОГИЯ

Можно ли прогнуть земную кору?

Земная кора, твердая оболочка земли, на которой мы живем, имеет, по предположениям геологов, толщину от 25 до 120 километров. Какую

же гору нужно построить, чтобы земля поддалась под ней? Под силу ли человеку прогнуть такую броню?

Оказывается, под силу.

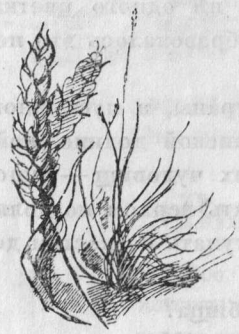
На земле появляются такие огромные технические сооружения, что они прогибают оболочку земного шара несмотря на ее невероятную толщину.

В долине реки Колорадо, в Соединенных штатах, осенью кончили строить огромную плотину. Тут будет самая большая в мире электростанция (мощностью 1 200 000 лошадиных сил). Когда закроют шлюзы и запрудят реку плотиной, образуется гигантское искусственное озеро. И вот физики рассчитали, что от колоссальной тяжести воды в этом озере (41½ миллиард тонн!) прогнется земная кора. На площади в 400 квадратных километров земля опустится на 60 сантиметров, а в центральной части этой площади, в бассейне реки Колорадо, — на 78 сантиметров. От этого могут произойти большие изменения. Подземные источники могут иссякнуть в одном месте и появиться в другом, реки затопят свои берега, могут переместиться озера.

По прогибу земной коры наука сможет проверить, правильны ли теории об устройстве земного шара. Ведь это первый геологический опыт, какой удалось поставить человеку.

БОТАНИКА

Ни пырей, ни пшеница



Пшеница — лучший хлебный злак, пища миллионов людей. Пырей — сорняк. Уцепившись глубокими крепкими как канаты корнями, пуская под землей корневища, дающие на другой год пять кустов, где был один, пырей, когда с ним плохо борются, глушит и вытесняет пшеницу. И сколько сил требует эта борьба!

А если соединить силу и живучесть пырея с замечательными качествами пшеницы? Создать новое, сказочное растение, многолетнее, кустистое, стойкое как пырей, с золотыми пшеничными колосьями?

Этой небывалой по дерзости задачей задался молодой ученый-комсомолец Цыцин. На селекционной станции в Омске он получил уже несколько поколений пшенично-пырейных гибридов. По последним сообщениям Цыцина, гибриды уже дают семена, почти такие же, как семена пшеницы.

Номера «1055» и «1163»

Это не простые номера. Эти номера — названия новых, никогда не существовавших растений. Так обозначил академик Т. Д. Лысенко выведенные им в его одесском институте новые сорта пшеницы.

Наука сейчас уже умеет изменять породы растений. И до Лысенко люди выводили новые сорта. Но, обычно, проходило 15—20 лет, пока

«селекционер» (ученый, выводящий новый сорт растения), делая наудачу десятки опытов, выведет, наконец, новый сорт вслепую, сам не зная хорошо, как это у него получилось. Что получится у них и получится ли вообще, ученые не могли сказать вперед. Это было похоже на то, как если бы инженер, проектирующий завод, набрасывал наудачу многие десятки планов: авось, какой-нибудь подойдет.

Ботаника говорит: растение — живой организм. Мыслимая ли вообще вещь его спроектировать? А Лысенко именно так и поставил вопрос. Он создал свою собственную теорию изменения пород растений, по которой наперед рассчитал, из каких старых сортов и через сколько времени он получит нужный ему новый сорт. Оба новых сорта он построил по плану, как, скажем, строят новую модель самолета. И «1055» и «1163» созрели раньше и дали больший урожай чем прежний лучший сорт южной пшеницы, «лютесценс 62-я». Академик Вавилов, проходя по полям института Лысенко, сказал:

— Быть может, мы присутствуем сейчас при величайшей революции в селекции.

ФИЗИКА

На высоте 300 километров

Люди подымались на 22 километра над землей. Шары-зонды, которые пускают из метеорологических обсерваторий, залетают на 30 с лишним километров. Шары-зонды сообщают, что на этих огромных высотах мороз в 55—60 градусов. А что делается еще выше? Казалось бы, что там постепенно, с высотой, должно становиться все холодней и холодней, пока кончится земная атмосфера и начнется пустое межпланетное пространство с температурами 200—250 градусов ниже нуля.

Но, повидимому, это не так. Английский ученый Эпплтон недавно сообщил, что высоко над землей у верхнего предела земной атмосферы лежит еще пояс высоких температур. На высоте 300 километров в летний полдень там стоят температуры доменной печи—900 градусов выше нуля!

Как узнал об этом Эпплтон, который, разумеется, там не был?

По математическим расчетам.

Он изучал, как распространяется звук при сильной пушечной канонаде, при огромных взрывах во время горных работ. Звуковая волна отражается при этом от самых верхних слоев земной атмосферы. Она поразному отражается от теплых и холодных слоев атмосферы. И по тому, как и где снова становится на земле слышен звук далекого взрыва, можно рассчитать, каковы плотность и температура этих высочайших слоев.

Вот почему сильнейшие взрывы (вроде устроенного в 1935 году в Подольске) представляют такой интерес для науки: они играют роль тех сверхстратостатов и сверхзондов, каких пока не может выстроить наша техника.

ТЕХНИКА

В стратосферу на самолете

В ноябре 1935 года советский летчик Вл. К. Коккинаки установил мировой рекорд высоты на самолете. За полтора года до этого итальянец Ренато Донати на специально оборудованном самолете, с перестроенным мотором, одетый в скафандр, похожий на водолазный, поднялся на 14 433 метра. Коккинаки летел без скафандра, на обыкновенной советской машине. У него был только кислородный прибор. Он поднялся выше Донати—до 14 575 метров. Когда его машина круто уходила вверх, в ясном небе был долго виден за ней спиральный серебристый след. Летчик различал с высоты Москву, Кремль, извивы реки. Он спустился на тот же аэродром, с которого взлетел. Весь полет его продолжался 62 минуты.

Замечательный под'ем Коккинаки, за который он был награжден орденом Красной звезды, показал дорогу будущим советским стратопланам. Уже близко время, когда мы на аппаратах, тяжелее воздуха, — на стратопланах — будем забираться в стратосферу, где сопротивление воздуха гораздо меньше и где мы будем летать с огромными скоростями, до 1000 километров в час!

ФИЗИОЛОГИЯ

Оживление мертвого

После того как в Москве окончился мировой физиологический конгресс, доктор С. С. Брюхоненко собрал у себя в лаборатории делегатов конгресса. На их глазах он вскрыл жилы на шее собаки и высосал насосом всю ее кровь. Собака умерла. Она лежала с мертвыми стеклянными глазами, с остановившимся сердцем. Собачий труп на глазах у всех лежал 10 минут. Можно было ждать и больше, до 40 минут, но Ляпик, знаменитый французский ученый, спешил на парижский поезд, и Брюхоненко на этот раз поторопился. Он привел в действие свой аппарат — искусственное сердце, которое он назвал «автожектором». Аппарат снова погнал по жилам трупа кровь другой собаки, подогретую, обильно снабженную кислородом. И случилась невероятная вещь. Через несколько минут у трупа дрогнула губа. Сузились зрачки глаз от резкого света. Слабый, еле

слышный появился пульс. Собака вздохнула, дернула лапкой, взвизгнула. И вот уж ее сердце гонит по жилам кровь, ее собственные легкие снабжают ее кислородом.

Впервые в мире оживление трупа, о котором в течение тысячелетий сочинялось столько сказок, было произведено на глазах изумленного собрания ученых!

Так была оживлена собака. Но если опыты удастся перенести и на людей? Тогда, значит, удастся воскресить человека погибшего, скажем, от потери крови, от электрического тока или замерзшего, человека, который умер, но у которого все тело, все внутренности остались целыми.

Сейчас даже трудно представить себе, что будет означать такая победа науки над смертью!

ГЕОГРАФИЯ

Спуск в кратер вулкана

«Огнедышащие горы» издавна внушали людям страх, но тем больше интересовалась ими наука. Откуда идут раскаленная лава, удушливые пары, та сила, которая швыряет, как горстью песчинок, камнями весом в несколько тонн? Для науки ценно каждое наблюдение, сделанное очевидцами извержений. Каждое извержение говорит о том, что делается глубоко под землей.

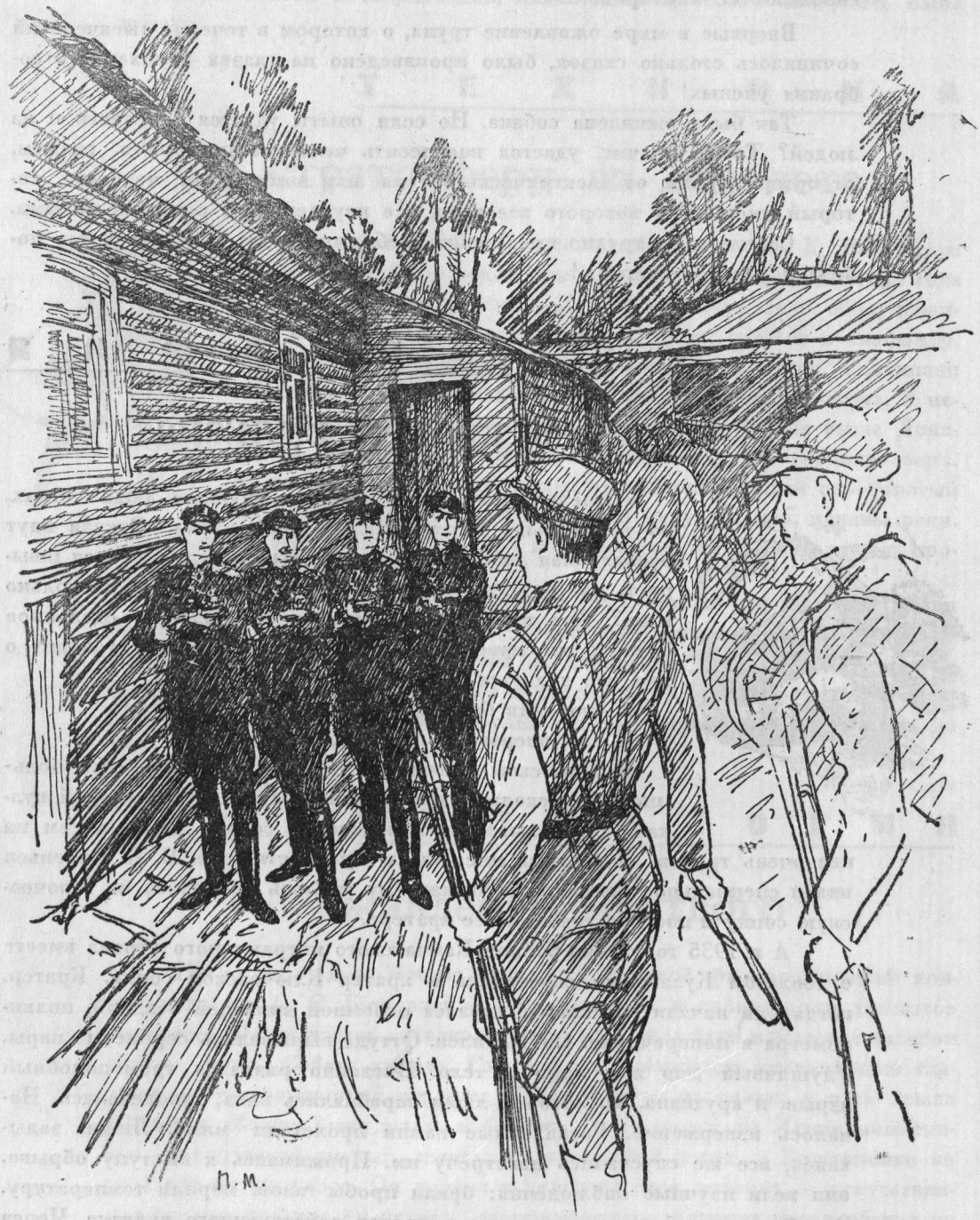
А что, если бы удалось проникнуть в кратер?

И вот, впервые в истории, это удалось.

В Советском союзе, на далекой Камчатке, есть большой, в несколько километров высотой действующий вулкан. Он называется Ключевская сопка. Даже под'ем на нее очень труден. Известный писатель и путешественник В. К. Арсеньев издал специальное описание того, как ему удалось подняться на Ключевскую сопку и постоять на краю ее кратера.

А в 1935 году семь бойцов Камчатского пограничного отряда вместе с геологом Кулаковым спустились в кратер Ключевской сопки. Кратер, когда они начали спускаться, казался огромной зияющей бездной, полкилометра в поперечнике. Он дымился. Оттуда вырывались сернистые пары. Удушливый жар жег лицо и тело. Внезапно раздался громоподобный взрыв, и крутизна, по которой люди карабкались вниз, заколебалась. Началось извержение. Раскаленные камни пролетали мимо. Люди, задыхаясь, все же спускались навстречу им. Прижимаясь к выступу обрыва, они вели научные наблюдения: брали пробы газов, мерили температуру. Это был первый в истории спуск в кратер действующего вулкана. Через три недели второй отряд смельчаков повторил этот спуск. На этот раз в кратере побывали сотрудники Камчатской экспедиции Академии наук СССР.

Рис. П. Митурича



Не успел я шагнуть, как навстречу мне, вскинув винтовки, появились четыре колчаковца.

Отвоеванный браунинг

Рассказ командира дивизии В. В. Хлебникова

Сейчас мы вооружены крепко. У нас есть и танки, и пулеметы, и самолеты, а в то время, когда произошел случай, о котором я хочу рассказать, нам сплошь и рядом приходилось побеждать голыми руками.

Одеты мы были во что попало, а оружием снабжал нас противник: что отобьем, то и наше. Вот и получалось, что у одного бойца австрийская винтовка, у другого—английская, у третьего — японская. А другой раз попадется такая, что у нее во всей армии нет ни родной, ни двоюродной сестры и никакие патроны к ней не подходят. Командиры и те сплошь и рядом были в то время без хорошего оружия.

Я в то время командовал батальоном на колчаковском фронте. Как-то я заикнулся командиру полка, что неплохо бы мне получить револьвер, а он засмеялся и сказал: «Завоюй, тогда и получишь». Так я и остался с винтовкой-драгункой.

В то время на нашем фронте война шла «скучно»: Колчак отступал, мы наступали. Догоним, обстреляем, он отступит, и опять нам приходится догонять.

Случалось, что по месяцу не было настоящих боев, а храбрости и отваги в каждом из нас было хоть отбавляй. Мы только и мечтали о том, как бы встретиться лицом к лицу с противником.

И вот однажды наш полк стоял на отдыхе в какой-то деревушке около Ишима.

Ночь. Бойцы спят. Тишина в деревне. Вдруг слышим: ординарец кричит кому-то «Стой!».

Вышел на крыльцо. Оказалось, местный житель, бедняк, пришел рассказать по секрету, что Колчак перебрасывает большой отряд добровольцев-уланов из Тобольска в Ишим.

У сибирских крестьян связь между собой была налажена в то время лучше всякого телеграфа. Но не всегда можно было им верить. Бедняки-то были на нашей стороне, но кулаки старались нас запутать и подвести: они помогали белым. Крестьянин, который пришел ко мне, был как будто бедняк, да и то, что он рассказывал о переброске кавалерийского полка, было похоже на правду. Наши части уже окружили Тобольск, и Колчаку нужно было там усилить гарнизон. Словом, я решил рискнуть и разведать, в чем дело.

Послал ординарца будить своих «головорезов», так шутя звали конную разведку в нашем батальоне, и сам стал собираться. Минут через пятнадцать бойцы оседлали коней.

Красноармейцы меня любили: я сжился с ними, привык вместе делить радости и тяжести боевой жизни, и я знал, что они всюду пойдут за мной: и в огонь и в воду.

Потихоньку, ни слова не сказав начальству, мы выбрались из деревеньки и направились в глубокий тыл противнику, на тракт Тобольск—Ишим.

Под утро пришли к татарской деревне Новая и расположились в лесу. Одного красноармейца послали в деревню, он скоро вернулся и рассказал, что уланы еще не прошли, но вот-вот должны появиться. Тогда мы решили подкараулить их в этой деревне, а сами на всякий случай вызвали роту стрелков и команду пеших разведчиков из моего батальона.

К вечеру все собрались: пришли стрелки, пришли пешие разведчики, а к ночи появились и уланы. Уланы пришли с песнями и расположились в деревне. Они не ожидали нападения и решили хорошенько отдохнуть после длинного перехода. Нас было человек девяносто, уланов—целый полк. Я оставил своих людей отдыхать и приказал, чтобы было тихо, чтобы никто не крикнул, не зажег огня, не звякнул оружием. А сам с командиром пеших разведчиков и с коман-

диром стрелковой роты выбрался на опушку леса.

Чуть только забрезжил рассвет, в деревне заржали кони. Мы залегли на опушке и стали разглядывать деревню. Со всех сторон ее окружал лес. Только слева, с запада, вплотную к домам подходила маленькая тинистая речонка Вагай. Через такую речонку не перебраться ни вплавь, ни вброд. С юга на север шла длинная прямая улица — Тобольский тракт. Вдоль улицы стояли крестьянские дома и дворы с высокими заборами, а позади домов, к лесу, выходили огороды. На северном конце деревни были плотина и мельница.

У околицы, в ста шагах от нас, стоял пулемет, а рядом с ним—часовой с винтовкой. Во дворах и огородах уланы босые, в одних красных галифе и в белых рубахах чистили и кормили коней. Кони были хорошие, настоящие степные скакуны.

В одном дворе кашевар заправлял полковую кухню. А когда заправляют кухню—это значит, что нескоро собираются в путь. В общем мирная картина. Колчаковцы не подозревали, что мы им готовим, и это нас успокоило.

Мы втроем тут же, на опушке леса, разработали план: один взвод с пулеметом «Максим» посылаем в обход через лес на север. С этим взводом пойдет командир пеших разведчиков. По моему сигналу «ура» он с плотины должен открыть огонь по деревне вдоль улицы. Стрелковая рота со своим командиром укроется в лесу, у самых огородов, и по тому же сигналу ударит с востока. А я с остальными бойцами займу исходное положение у южного края деревни и, когда все будут на местах, перейду в атаку.

Мы еще раз посмотрели на деревню и поползли назад, к нашим бойцам. Горшков, командир пеших разведчиков, помахал часовому ладошкой. «До скорого свиданья!»— сказал он, но, конечно, часовой не видел и не слышал этого.

Бойцы разобрали оружие и отправились по местам. Горшкову с пулеметом идти было дальше всех, поэтому, заняв свою позицию, я внимательно смотрел вдоль улицы через всю деревню и ждал, когда наши пулеметчики придут на плотину.

Наконец, они показались, показался и пулемет. Горшков махнул мне рукой. Это был сигнал.

Я крикнул «Ура!». Мы бросились в атаку, и сразу с трех сторон затрещали выстрелы.

Противник растерялся. На улицу никто не мог высунуть носа: с севера сыпал пулемет, с юга с криками «ура» шли мои бойцы. Колчаковцы в панике бросились в огороды, но и там их встретил огонь пеших стрелков. Колчаковцы прятались в домах и отстреливались. По всей деревне началась беспорядочная стрельба. Шальные пули жужжали и щелкали по стенам и заборам.

Мы прошли уже половину деревни. И тут весь наш план чуть не сорвался. Не потому, что мы недооценили качества противника, а именно потому, что мы переоценили их.

Мы никак не думали, что больше половины полка спит. Но многие уланы спали крепко и проснулись только тогда, когда бой шел вовсю. Проснувшись они продрали глаза, выскочили из домов и, сами того не ожидая, оказались у нас в тылу.

Не нужно быть особенно хитрым, чтобы воспользоваться таким обстоятельством. Они и воспользовались им: из-за заборов, с чердаков, из подворотен нам в спину полетели пули. Пришлось отступать. Но мы отступили только для того, чтобы снова пойти в наступление. Мы шли вдоль улицы, брали с боя каждый дом, очищали его и только тогда шли дальше. Тут же, на улице, окруженные нашими бойцами, стояли пленные, обезоруженные уланы.

И вот когда мы таким образом вычистили половину деревни, я вместе с ординарцем вошел в какой-то двор. Не успел я шагнуть, как навстречу мне, вскинув винтовки, появились четыре колчаковца, на погонах у них были лычки — значит, все четверо унтерофицеры. Чтобы спастись, я пустился на хитрость.

— Бросай винтовки, ребята! Лучше будет!—крикнул я.—Ваше дело все равно кончено! — и нагайкой показал в калитку на пленных уланов.

Унтера взглянули и сразу опустили винтовки. А тут, кстати, вбежали красноармейцы и обезоружили их. Унтера оказались ординарцами командира полка.

— Где ваш командир? — спросил я.

— А вон, сидит в погребе,—сказал рыжий тощий ординарец и показал рукой на дверь погреба, тут же, под домом.

Красноармейцы забрали винтовки и повели унтеров. Я пошел к погребу.

В погребе темно, душно, торчат чьи-то ноги в начищенных сапогах. Пригляделся, вижу: прислонившись к земляной стене, сидит человек в английской шинели. Перед ним, на земле, огромная чашка сметаны и глиняная тарелка с пшеничными блинами.

Он макает блины в сметану и отправляет их в рот.

Вот так командир! Полк в бою, а он блины уплетает.

Надо ему сказать, чтобы выходил, а как его назвать? Назвать командиром? Какой он мне командир? Назвать полковником? Тоже много чести. А назвать товарищем— это уж совсем не годится.

— Коллега, выходите!—крикнул я.

Он бросил блин и выхватил браунинг. А у меня револьвера не было. Я стоял перед ним с нагайкой в одной руке и с драгунской винтовкой в другой. Лучшей мишени для него не придумаешь. Не успел я отскочить, как он дрожащей рукой поднял свой браунинг и выпустил в меня несколько пуль. Одна пуля пробила одежду сбоку, две прошли между ногами.

Вижу: дело плохо! Поднял свою драгунку и с одного выстрела уложил его тут же, в погребе.

Подбежал ординарец, мы вдвоем вытащили полковника из погреба и обыскали. Это оказался полковник Обухов. Из кармана у него вытащили секретные приказы и другие документы.

Браунинг вместе с патронами я тут же прицепил себе на пояс. Наконец-то я завоевал револьвер!

Не успели мы покончить с полковником, как во двор вбегает красноармеец и кричит:

— Товарищ командир, противник нас окружает!

И действительно, хоть я и сказал ординарцам полковника, что все уже кончено, настоящий бой еще только начинался. Колчаковцев было в три раза больше нас. Они немножко оправились от паники, пришли в себя, зашли нам в тыл и залегли в огородах.

Тогда я быстро развернул стрелковую роту вдоль огородов и сам повел ее в атаку.

Я немного увлекся. Я и сейчас бегаю хорошо, недавно получил значок «ГТО» 2-й ступени, а тогда бегал очень здорово. Я забежал далеко вперед, бегу и щелкаю из своей драгунки. А уланы спешились, отступают под нашим огнем: побегут, остановятся, выстрелят несколько раз и опять отступают.

По огородам бежать неудобно: путается какая-то трава под ногами, крапива чуть не до пояса. Я махнул рукой и обжегся об эту крапиву. Немножко больно, да некогда об этом думать. Не до крапивы во время атаки.

А дело уже идет к концу: почти всех уланов забрали и обезоружили. И вот тут я взглянул на свою руку и вижу: всю ее разнесло, распухла моя рука и стала как мертвая.

Вот так крапива! И кровь на шинели. Оказывается, не крапива руку обожгла, а пуля, а я и не заметил.

Я встал на одно колено, подбежали красноармейцы, разрезали рукав, тут же, на месте, забинтовали мне руку, помогли подняться и повели.

Идем по улице, а навстречу бежит красноармеец и кричит:

— Стойте, стойте, товарищ командир! Не ходите сюда, там, на чердаке, один гад сидит, пристрелялся. Уже двоих наших здесь уложил. Подождите, сейчас его снимут.

Сняли и этого гада. Я пошел в тот дом, где нашли полковника, и стал разбираться в бумагах. А когда вышел, не узнал своих бойцов: все в красных галифе с серебряными лампасами, в новых английских френчах, все на конях. Угощают меня японскими сигаретами и хвастаются обновками.

У этих уланов в сумках на седлах было запасное парадное обмундирование.

Последние выстрелы затихли в деревне. Солнце поднялось и заиграло на реке. Весь бой продолжался около часа. Из погребов и из подпольев стали вылезать жители деревни. А наши бойцы принялись подсчитывать трофеи. Их было немало: больше 300 коней, винтовки, пулеметы, походная кухня, 300 пленных солдат и 12 офицеров.

Пришлось и мне надеть галифе с лампасами. Я тут же, у дома, переоделся, и ординарец оседлал моего трофейного коня. Я бы и сам оседлал его, да рука не позволяла. Это оказался хороший конь—дончак. Я долго не расставался с ним, и много лет спустя в Одессе мой конь брал призы на скачках.

А с нашей стороны потерь было немного: 4 убитых и 7 раненых красноармейцев. Пора было собираться домой.

К вечеру мы вернулись. Я тут же донес командиру полка о нашем лихом налете и похвастался браунингом, который, наконец, мне удалось завоевать. Когда товарищ Блюхер узнал об этом деле, он представил меня к награде и немного спустя перед строем дивизии лично вручил мне орден.

С тех пор у меня перебывало много револьверов: и наганы, и кольты, и маузеры,— но тот браунинг я особенно берегу, и он до сих пор хранится у меня как трофей.

П О Ч Т А

В первом номере журнала «Пионер» мы помещаем письма ребят о самых разнообразных, интересных случаях, участниками которых они были.

Когда Лева Зусман услышал легенду о разбойнике Соколе, он не сразу поверил ей. Вместе с ребятами он пошел к горе «Сокол», залез в пещеру, чтобы узнать, правда ли, что Сокол жил там. И когда он это узнал, он нам написал.

Женя Разиков научился решать очень трудные, головоломные задачи и так хорошо изучил историю математики, что смог написать нам о происхождении нуля. И написал неплохо.

И так в каждом письме наши деткоры рассказывают о том, что они видели или слышали от старших, о том, что сделали сами.

Очень часто ребята присылают в редакцию письма и спрашивают, о чем писать в журнал.

В жизни наших ребят есть очень много интересного. Веселые игры, изобретения, дружба между ребятами, работа пионерских отрядов и звеньев, интересные дела в школе, наблюдения над природой — обо всем этом можно очень интересно написать.

Присмотритесь, ребята, внимательней к окружающей вас жизни и вы найдете очень много такого, о чем надо написать. Только главное условие — пишите о том, что интересно вам самим.

Альма и Урнай

Письмо Г. Агеева

Ярославль, ИПО, комбинат «Красный Перекоп», Новодуховская улица, дом 2/1

Отец мой очень любит собак. Однажды поехали мы с ним на лодке рыбу ловить. Я попросил его, чтобы он взял моих двух товарищей: Володю и Юру. Он согласился. У нас была тогда немецкая овчарка Альма, мы ее тоже взяли с собой. Лодка была с маленьким парусом, который легко снимался. Был небольшой попутный ветерок. Мы подвигались быстро. Через 2 часа мы под'ехали к деревне Воробьево и там остановились. Уже наступили сумерки. Отец разложил костер и пошел в деревню покупать молоко. Ветер усиливался, и скоро пошел дождь. В лодке лежал кусок брезента, и я решил сходить за ним. Лодку сильно качало. Я прошел к корме и стал вынимать брезент из-под скамьи. Встал я както неловко—лодка накренилась, и я упал в воду. Берега здесь были крутые и скользкие. Я еще не умел плавать и очень испугался, начал бить руками и ногами по воде и кричать изо всей силы:

— Спасите! Спасите! Тону!

Володя и Юра услыхали мой крик, испугались и побежали в деревню за отцом. Я схватился за лодку, но борт выскользнул из рук, и снова я погрузился в воду. Снова я вынырнул и еще громче закричал. На берегу залаяла Альма. Я стал звать ее:

— Альмочка! Альма! Альма! Поди сюда, Альмочка!

Альма, видно, поняла, в чем дело, и бросилась в воду. Скоро я услыхал, как Альма подплывает ко мне, затем она

схватила меня за рубашку и потащила. У берега послышались голоса ребят и отца: они бежали ко мне. Я лежал на скользком, глиняном берегу, и около меня вертелась Альма. Отец вынул из лодки брезент и раскинул палатку. Скоро мои рубашка и штаны сушились у костра, а я пил чай. Дождик перестал. Мы легли спать в сухой и устланной соломой палатке.

★

Этой зимой старая Альма взбесилась, и отцу пришлось ее убить около соснового леса. Отец купил у одного сибирского охотника лохматого рыжего волкодава Урная. Урнай долго не мог к нам привыкнуть, и мы его держали на цепи. Он два раза укусил отца и чуть не задушил сестренку Зину, но все-таки понемножку начал к нам привыкать. Он был очень сильный и выносливый. Улица, на которой мы живем, находится в самом конце города, около соснового леса, немного подальше — роща «Чортова лапа». В эту зиму там появились волки.

Как-то утром я поехал на лыжах. Погода была морозная, но безветренная. Я въехал в «Чортову лапу». Ехать было трудно: приходилось часто сворачивать, чтобы не врезаться в ивовые кусты. Я долго ездил по роще и, наконец, выехал к реке, а оттуда направился в деревню Ременницы, где у меня был товарищ. Из деревни я уехал, когда уже начало темнеть. Я попрощался с ребятами и поехал домой берегом реки. Я очень торопился домой.

Вдруг вдали послышался вой: Урнай сердито зарычал. Впереди, на снегу, показалась точка. Точка все приближалась к нам, и я увидал волка. Урнай грозно зарычал: волк остановился недалеко от меня. Я от испуга застыл на месте. Урнай вдруг выпрямился, вытянулся во весь рост, потом снова сжался и большим рыжим комком бросился на волка. Тот не ожидал нападения собаки. Урнай хотел схватить волка за глотку, но тот сильным и ловким движением сбросил его. В зубах у Урная остался клок бурой шерсти волка. Урнай лег на спину как тяжело раненый. Волк, желая с ним покончить, налетел на Урная, но Урнай ловко схватил его за глотку и держал в зубах минут пять. Волк судорожно царапал лапами снег. Когда волк перестал двигаться, Урнай подошел ко мне и лег на снег. Я дал ему отдохнуть и потом снова поехал.

Я приехал домой и рассказал отцу об этом случае.

Отец заявил об этом в союз охотников, и через 3 месяца на кожаном, обитом медными пластинками ошейнике Урная болталась серебряная медаль — подарок от союза охотников.

Зимняя игра

Письмо Юры Нерославского

г. Горький, Советская ул., дом 1

Пришли мы как-то из школы домой, стали думать, чем бы заняться. Во все игры мы играли много раз, уже надоело. Вот сидим мы и думаем, вдруг Савка как закричит:

— Ребята, идея! Давайте построим крепость! Только настоящую! Разделимся на партии и устроим военную игру.

Нам это понравилось. Разделились на красных и синих. Мы, красные, побежали на задний двор, где лежат большие бревна и фанера. Между ними мы и стали строить наш военный городок. Ребята сделали себе деревянные ножи, чтобы вырезывать глыбы снега для стен крепости, были у них еще длинные шпаги и щиты.

Посредине крепости мы выстроили большую башню для часового, а вокруг — стену в зубцах. Строилась наша крепость быстро: одни скатывали снежки, другие складывали стены, третьи рыли пещеру. Стены крепости были уже почти готовы, осталось только достроить башню, как вдруг прибегает наш разведчик и говорит: «Синие идут на нас». Мы еще больше заторопились. Ждем-ждем, а синие чего-то замешкались. Опять послали разведчика. Оказывается, их позвали домой обедать, потому что уже темнело и стало поздно. Пришлось отложить игру на завтра.

На другой день, утром, все ребята собрались во дворе. Погода была хорошая. Падал снежок, ветра совсем не было. Началась игра. Мы заперлись в своей крепости и ждали нападения.

И вот синие стали наступать на нас со всех сторон. С обеих сторон полетели снежки. Синие привезли с собой на санках много снежков. Один, самый большой ящик они поставили у самых ворот крепости. А у нас был один мальчик Ванюшка. Он маленький, юркий такой. Увидел он этот ящик, вырезал деревянным ножом дыру в стене, вылез тихонько и втащил весь ящик в нашу пещеру.

У синих не стало хватать снежков. Они послали одного мальчика за этим ящиком. Смотрят: а ящика-то и нет. Это их так рассердило, что они сразу не заметили дыру в пещере. А из дыры высовывался большой угол ящика. Их предводитель Колька стал везде оглядываться и увидел эту дыру и ящик. Но едва он просунул голову в дыру, Ванюшка бросил ему на шею целый ком снега. Колька вылез обратно весь в снегу. Все ребята посмотрели на него и расхохотались. Синие отступили.

Когда уже начало темнеть, мы решили послать нашего разведчика к синим, чтобы он посмотрел, не кладут ли они в снежки ледяшек. Он надел белый свитер, чтобы его нельзя было заметить, облепился снегом и на лыжах пошел в тыл к синим.

Он подошел совсем близко, но тут его увидал часовой, и разведчик наш поднял тревогу. Синие решили, что мы их обошли с тыла, и бросились бежать. Наш разведчик взял часового в плен и привел к нам в крепость. Мы стали его спрашивать: «Сколько у вас снежков?» Он молчит. Мы ему говорим: «Мы ведь все равно знаем». А он опять ничего не говорит. Так ничего он нам и не сказал.

Мы его немножко продержали, а потом отпустили.

В эту игру мы играли очень долго, целую неделю, и было очень весело.

Песня о Щорсе

Стихи Васи Сухомлинского

Темна ночка.
У бережка
Травы шелестят.
Щорс идет
На бой с врагами,
А за ним отряд.
Шопот трав
Навстречу слышен,
Говорят: «Герой...»
У долины
Ждет их слава
И кровавый бой.

Над рекой
Туман рассветный,
А на берегу
Щорс ведет
Отряд навстречу
Белому врагу.
Поскакали
Быстро-быстро,
Щорс напереди
Закровавил
Первый выстрел
Рану на груди.

И пришли
В долине слава
И кровавый бой.
Понесли
Из боя Щорса
Мертвого с собой.
И лучом
Загрело солнце
Там, где шел отряд.
«Умер Щорс
В кровавом бою,..»—
Травы шелестят.

Несколько замечаний Васе Сухомлинскому. Ты еще плохо владеешь русским языком, путаешь его с украинским: «у берéжка» — это по-украински, нельзя говорить «напереди»: такого слова нет в русском языке, «и лучом загрело солнце»—тоже нехорошо. Стихотворение твое звучит как песня — это неплохо, но если хочешь хорошо писать по-русски, нужно приналечь на изучение языка.

Пещера „Сокол“

Письмо Левы Зусман

г. Горький, переулок Веры Фигнер, д. 8, кв. 3

Около деревни Тяблино есть высокая гора «Сокол». Раньше эта гора была еще выше, но она все осыпалась, и целые глыбы падали в реку Узлу, которая протекает тут. И от этого река Узла мелеет. Из большой, судоходной реки она превратилась теперь в узкую и мелкую речушку.

В горе «Сокол» есть пещера. Раньше она была большая, а теперь в ней может поместиться всего пять—шесть человек. В этой пещере давно-давно жил разбойник Сокол. У него была разбойничья шайка, и все окрестные деревни помогали этой шайке. У Сокола было много лодок и даже кораблей. Он выезжал на них грабить богатых купцов и даже ездил в Персию. Как ни старались его изловить, ничего не выходило: местное население всегда заранее предупреждало его, и он уходил со своими друзьями в эту пещеру.

И вот однажды стрельцы узнали про пещеру. Тайком, чтобы никто в деревнях не знал, они окружили ее. И когда Сокол увидал, что ему никак не выбраться из рук стрельцов, он забрался на самый верх горы и спрыгнул в реку. Сколько его ни искали, так и не нашли: течением его тело, наверное, унесло очень далеко. Тогда все крестьяне стали искать около горы клад: они знали, что у Сокола было очень много награбленного богатства, и хотели его найти. Рыли они, рыли, но так ничего и не нашли. Нашли только несколько кинжалов, персидский палаш да стволы от пищалей.

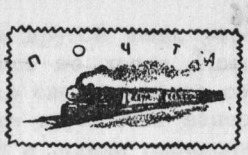
Как-то всем отрядом отправились мы исследовать эту гору. Мы, конечно, не искали никакого клада, но нам было очень интересно узнать, правда ли, что здесь жил Сокол, или это легенда. Мы разделились на две группы: альпинистов и археологов. Я был в группе альпинистов.

Гора эта почти отвесная, и взобраться на нее очень трудно. Мы перебросили через овраг веревку с крючком и стали на руках перебираться на гору. Впереди шел Геня — наш вожатый. Он помогал всем ребятам переходить, а идти было трудно: камешки и песок то и дело сыпались из-под ног. Но все ребята добрались благополучно. Я шел в самом конце, почти уже добрался до вершины, вдруг веревка лопнула и я упал вниз. Стукнулся я не сильно, только поцарапал ногу. Санитар перевязал мне ногу, и я опять полез наверх.

На горе росло несколько березок и зеленела трава. Мы решили собрать здесь коллекцию камней. С нами были лопаты. Начали рыть. Сначала мы собирали камни просто красивой формы. И вдруг кто-то из ребят нашел осколок болида. Он плоский, черный, в нем куски железа. Тогда мы начали искать полезные ископаемые и набрали очень много камней.

Потом спустились к нашим археологам. Вошли в пещеру. Вход в нее узкий: пришлось нагибаться. Зашли туда, а там вдруг оказалось просторно и можно было стоять во весь рост. В пещере было очень темно. Хорошо, что у ребят с собой были электрические фонари. Археологи уже исследовали пещеру. Они нашли большие куски темного ссохшегося песка. Мы стали его внимательно рассматривать. Оказалось, что это порох, только он очень отсырел и не горел.

Потом одна девочка нашла ствол от пищали. Мы взяли с собой все наши находки и потом отнесли в Горьковский краеведческий музей. В музее собрано уже много всяких предметов, которые доказывают, что Сокол действительно жил в этой пещере. Только это было очень давно, и даже самые старые старики его уже не видали.



Рассказ о проливе „Погибни“

Письмо К. Шацилло

г. Горький, школа имени Ленина, 5 класс „д“

Мы с папой ехали на Дальний Восток. Поезд мчался очень быстро, и я все время смотрел в окно: мелькали станции, потом появились сопки, тайга и реки. В соседнем купе ехал один старичок. Он мне почему-то напоминал Отто Юльевича Шмидта, только борода у него была небольшая. Он тоже работает в Севморпути, очень хорошо изучил Камчатку и остров Сахалин.

Ехали мы 10 дней, и каждое утро, как только я просыпался, я шел к нему в купе.

Однажды он рассказал мне про пролив «Погибни». Это было так интересно, что я готов был слушать без конца. Вот что он мне рассказал:

«Климат Дальнего Востока очень суровый. Тайга — дикая и непроходимая: только звери да опытные охотники знают там дорогу. Там очень холодно. Берег Дальневосточного края омывает холодное течение. Это течение идет через Татарский пролив, отделяющий остров Сахалин от материка. Самое узкое место этого пролива называется «Погибни».

Раньше царское правительство ссылало на остров Сахалин революционеров. Бежать оттуда было очень трудно, почти невозможно. Многие каторжники, закованные в цепи, пытались переплыть через пролив «Погибни», но надо было быть очень искусным пловцом, чтобы не утонуть в холодных водах: ведь ширина пролива 4 километра. Почти никому не удавалось достигнуть другого берега, а если кто-нибудь и доплывал, то его ждали угрюмая тайга и смерть в об'ятиях диких зверей. Царское правительство платило по 3 рубля за голову бежавшего каторжника. И вот развился новый вид охоты — охоты на людей.

Немногим удалось спастись, поэтому и назвали этот пролив «Погибни».

Сейчас на Дальнем Востоке идет очень большое строительство. Там строят заводы, в непроходимой тайге вырастают города. На месте пролива «Погибни» будет стоять перемычка, которая соединит остров Сахалин с материком и отведет струю холодного течения по другому направлению. Тогда изменится климат, исчезнет и пролив «Погибни».

Это пока только проект. Но если перемычка будет сделана, на Дальнем Востоке будет прекрасный климат».

Когда старичок кончил рассказывать, мне не хотелось идти спать, а было уже поздно.

Я посмотрел в окно: в темноте можно было различить высокие деревья, покрытые снегом.

Юные математики

Письмо Жени Разикова

Москва, 1-й Масловский пер., д. 10, кв. 1

У нас в школе второй год существует кружок юных математиков. Нашим кружком руководит учитель Александр Николаевич Свешников. Ребята очень любят заниматься в кружке.

Мы изучаем биографии великих математиков, возникновение и развитие математики.

В биографии Гаусса мне особенно нравится один случай из его школьной жизни.

Однажды учителю школы, в которой учился Гаусс, надо было куда-то уйти. Он решил дать ученикам такое задание, чтобы они подольше посидели. Он предложил ученикам сложить все цифры начиная с 1 и кончая числом 100. Не успел он об'яснить, как это делать, а маленький

Гаусс уже поднял руку. Учитель рассердился: думал, что мальчишка хочет просто поозорничать, и начал кричать на него. Но Гаусс показал ему ответ. Учитель был поражен. Тогда учитель спросил Гаусса, как он решил так быстро такую трудную задачу. Оказалось очень просто: Гаусс заметил, что если складывать $1 + 100$, $2 + 99$, $3 + 98$ и т. д., то получается 50 раз по 101. Быстро сообразив, Гаусс умножил 101 на 50 и получил правильный результат — 5050.

У нас была очень интересная беседа о нуле. Никто из ребят раньше не интересовался нулем. Он казался нам самым обыкновенным знаком, как и другие цифры.

Точных данных о происхождении нуля нет, но ученые предполагают, что он изобретен не ранее V века нашей эры индусскими математиками. Современные ученые начали разбирать сочинения математиков Индии и заметили, что сначала вместо нуля ставилась просто точка, в более поздних рукописях эта точка разрасталась, округлялась и стала похожа на букву «О», т. е. такой, какой мы изображаем сейчас нуль.

Греки Архимед, Евклид, ученики Платона очень много занимались геометрией, восточные народы (индусы) больше всего развивали алгебру, а халдеи, египтяне — арифметику. Индусские знания попали к соседям — арабам.

В VIII веке восточные арабы научились пользоваться индусскими значками и нуль называли по-своему: «ас-сифр» (пустота). Западные арабы тоже употребляли древние индусские знаки, а нуль они называли «пыльным». Так они называли его потому, что раньше у арабов не на чем было писать. Дощечку они посыпали пылью, а потом палочкой водили по ней.

Европейские народы познакомились с нулем много позже, в XIV веке.

Раньше все математические действия люди производили в уме, а поэтому они не могли делать задачи с большими числами. В России (в начале XVIII века) пользовались счетом при помощи рук: левой рукой обозначались единицы и десятки, а правой — сотни и тысячи.

Каждый раз на собраниях кружка мы делаем несколько интересных докладов, только сначала мы подбираем материал в библиотеках и дома. В прошлом году у нас в школе был математический вечер, в котором участвовали старший и наш, младший, математические кружки. На вечере была поставлена пьеса.

У нас выходит стенная газета «Юный математик». У всех ребят, которые учатся в нашем кружке, отметки по математике «хорошо» и «отлично» и совсем нет плохих отметок.

Выстрел предателя

ВИТЯ СОКОЛОВ,
15-я школа Краснопресненского района

Глупая пуля
Летит и не знает,
Какая рука
Ее направляет.
В какое сердце
Она летит,
Какой человек
Перестанет жить.

Пуля глупа,
Но предатель хитер.
Он зол и жесток
И труслив его взор.
Он метится в сердце
Большое вождя,
А пуля летит,
Не зная куда...

И Киров ушел,
Кирова нет,
Висит лишь на стенке
Веселый портрет.
Веселый портрет
Улыбается мне:
Нет места унынию
В нашей стране.

Мы крепче сожмем
Боевую винтовку.
Мы будем трудиться
Упорно и ловко.
Мы будем стараться
Того заменить,
Кто должен был много
И долго жить.

ПОЧТА

Фрина

Письмо Шуры Рабинович

Москва, Спасо-Глинищевский пер., д. 47, кв. 44.

Однажды мою сестру послали в Зоопарк ухаживать за животными. Она учится в 10-м классе. По вечерам она ездила в Зоопарк и, когда приезжала, всегда очень много рассказывала про разных животных, особенно про обезьяну Фрину. Она рассказывала так интересно, что мне очень захотелось тоже посмотреть на эту Фрину. И я попросила сестру взять меня с собой в Зоопарк.

Фрина со своим воспитателем.

Она согласилась, и на другой день мы приехали в Зоопарк. Подошли к обезьяне Фрине. Вместе с тов. Величковским, который там работает, мы зашли в клетку к Фрине. Я сначала зашла и испугалась. Она ростом в один метр и вся волосатая. Заведующий обезьянником Величковский ей говорит: «Фриночка, дай руку девочке». Фрина протянула свою мохнатую лапу, но я так испугалась, что отошла в сторону. А народ, который стоял перед клеткой, стал смеяться. Мне стало стыдно. Я подошла к Фрине и подала ей руку. Меня все уговаривали, что Фрина не кусается, и все-таки я постаралась скорее отойти от нее подальше.

Мы пробыли в клетке у Фрины недолго. И я решила на другой день приехать с папой, чтобы ее сфотографировать. Пока папа ходил за разрешением, чтобы нас пропустили в клетку, я стояла около клетки и смотрела на Фрину. Она лежала на дверной решетке и ни за что не хотела сойти. Сколько ее ни уговаривали, она лежала совсем без движения. Тогда пришла уборщица и говорит: «Вставай кушать», — но Фрина не двигалась. Уборщица позвонила в колокольчик: это сигнал на обед. Но Фрина подняла голову, посмотрела на стол, увидела, что на нем ничего нет, и опять легла.

Когда пришел папа, я подошла к ней. Она обняла меня одной рукой, а второй рукой схватила меня за пионерский галстук. Я ей дала носовой платок, и она отпустила мой галстук. Весь народ засмеялся.

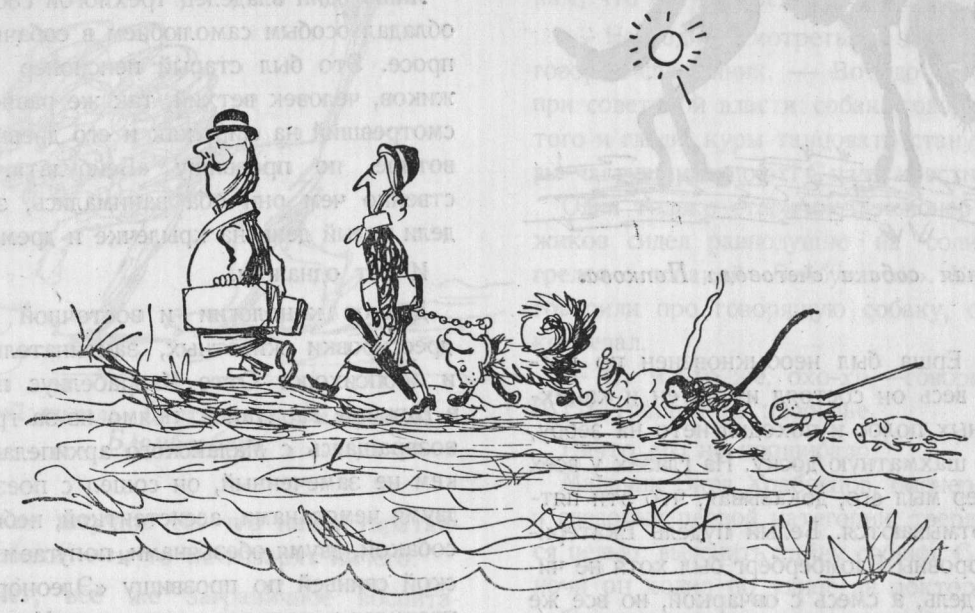
В это время Фрине принесли обед: ей дали мандаринов, яблок и хлеба. Она села за стол как человек и акуратно очистила мандарин. У нее свой стол, стулья, ложки. В углу клетки стоит ее кровать. Она и спит как человек. Только ее кровать обтянута брезентом, потому что на кровать ничего нельзя положить: Фрина очень любит рвать всякие тряпки и украшаться ими.

Как-то Фрина угорела. Она лежала на кровати без памяти, у нее была рвота и очень высокая температура — 38 градусов. Около нее сидели няни и ухаживали за ней как за больным ребенком. Думали, что она умрет. Давали ей молока с сухариками. А Фрина все хотела слезть с кровати. Потом, когда она выздоровела, она очень полюбила тех нянь, которые ухаживали за ней во время болезни.

Кормят Фрину каждые два часа. Ей дают простоквашу, бананы, рисовую кашу, яйца с солью, молоко и овощи. Но она больше всего любит сладкое.

У нее очень интересные когти. Они очень похожи на наши ногти, и, когда они немного отрастают, их не надо стричь: они сами отпадают.

Я так привыкла к Фрине, что мне казалось, что она меня иногда понимает. Сейчас я уже давно не была у Фрины и очень соскучилась без нее. Как только будет свободное время, я опять к ней поеду.



Рассказ о говорящей собаке

Мих. Лоскутов

Рис. А. Каневского

Вообще-то говоря, говорящих собак на свете нет. Так же, как говорящих лошадей, леопардов, кур, носорогов.

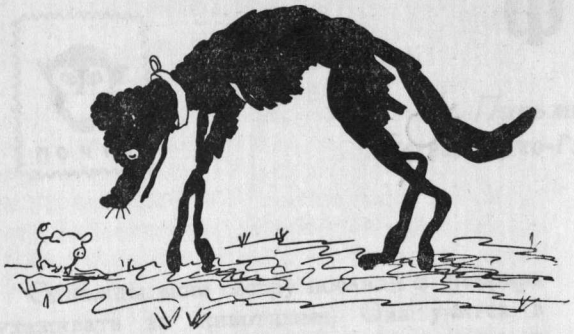
Собственно, науке известен только один такой случай, это — знаменитая говорящая собака Мабуби-Олстон. Она принадлежала известному доктору Каррабелиусу, но где она находится в настоящее время, никому неизвестно. История эта — истинная правда. Произошла она не так давно, в маленьком, очень далеком и захолустном городке Нижнем Таратайске, на реке Бородайке.

Излишне говорить, что город Нижний Таратайск никогда до того замечательного события не только не видал говорящих собак, но даже обыкновенными собаками, как город маленький, не изобиловал. Было в нем ровно шесть собак, причем одна из них неполная. Она имела только три ноги и один глаз; все остальное она растеряла за свою долгую и бурную жизнь. Но это не мешало таратайским собакам быть особенными.

Естественно, что все жители города знали всех шестерых собак наперечет. Они даже составляли известную гордость Таратайска. Эту гордость подогревали особенно владельцы собак, люди тщеславные и самолюбивые. Поэтому все жители считали, что таратайские собаки самые умные на свете. Все говорили: «Наши собаки». Приезжих спрашивали: «Вы еще не видели наших собак?» Возвращаясь поздно домой, таратайцы говорили: «Это лают наши собаки»—и слушали их, точно пение соловьев.

Каждый из владельцев в свою очередь, конечно, считал, что его собака самая умная из шести собак, и на этой почве происходили между ними всякие дрязги.

Каждый находил в своей собаке свои особенные достоинства, и каждая была по-своему хороша и мила для города. Черная собака счетовода Попкова была больше всех: она могла при желании проглотить поросенка или даже самого счетовода. Пес бух-



Черная собака счетовода Попкова.

галтера Ерша был необыкновенен по раскраске: весь он состоял из пятен и каких-то грязных полос и походил нето на зебру, нето на шахматную доску. На глазах у всех бухгалтер мыл его, доказывая, что эти пятна не отмываются. Белый пудель Екатерины Федоровны Бломберберг был хотя не чистый пудель, а смесь с овчаркой, но все же был почти породистый и умел делать реверанс.

Но больше всех гордился своим псом Арарат, провизор аптеки, огромный, как башня, мужчина, с лихими усами, закрученными вверх. Его всегда видели с собакой и с бамбуковой палкой в руках.

— Я побью того, кто скажет, что моя собака не лучше всех, — говорил провизор. — Смотрите, она даже похожа на меня.

И действительно, у них было странное сходство: собака была так же длинна, у нее были так же закручены вверх усы, ей недоставало только бамбуковой палки.

Пес бухгалтера Ерша.

Лишь один владелец трехногой собаки не обладал особым самолюбием в собачьем вопросе. Это был старый пенсионер Поджижиков, человек ветхий, так же равнодушно смотревший на мир, как и его древнее животное, по прозвищу «Бейбулат». Единственно чем они оба занимались, это сидели целый день на крылечке и дремали.

И вот однажды...

Доктор кинологии и восточной школы дрессировки животных, заклинатель змей и зоопсихолог Отто Каррабелиус приехал в Нижний Таратайск прямо из-за границы, возвращаясь с Малайского архипелага. Никем не замеченный, он сошел с поезда и с двумя чемоданами, ассистенткой, небольшой собакой, двумя обезьянами, попугаем и морской свиньей по прозвищу «Элеонора» отправился в местную гостиницу «Мадрид». А через день по городу были расклеены удивительные афиши:

«ДОКТОР КАРРАБЕЛИУС

продемонстрирует дрессировку животных

Прыжок в обруч. Поднимание животными гирь. Танец танго на зонтике.

А затем *впервые в Европе и Америке* покажет номера восточной школы психодрессировки животных.

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА.

Результат долгой научной подготовки и работы с животными. Чудес нет. Буфет по удешевленным ценам».

Когда появилась афиша о необыкновенной собаке, весь город, естественно, начал говорить об этом событии. Мнения жителей были разнообразны.

— Это надувательство, — говорили одни.—Собака не должна говорить. Собака обязана лаять и дом сторожить. Знаем эти

Белый пудель Екатерины Федоровны Бломберберг.

индийские штучки. На что наши таратайские собаки — и то не говорят ничего.

— Нет, все же заграничное воспитание... — робко отвечали другие. — Конечно, дай нашим такое воспитание, так они бы и не так заговорили...

— По науке собака не имеет права разговаривать. У нее с медицинской точки зрения не так все устроено, — говорил провизор аптеки, размахивая бамбуковой палкой.

— Почему же? Вы забываете, как наука и техника вперед шагнули. Вон телевидение например... Почему же собаке не говорить?! Пора. Давно пора было обратить внимание. Это же красота! Сидит, к примеру, собака, дом сторожит. Что бы ей лаять на вора, она ему вдруг вежливо так, басом говорит: «Ты чего тут шляешься? А то вот хозяина как кликну, так будешь хорош...»

Как передают теперь свидетели, особенное напряжение в городе началось с той поры, когда на улицах стал появляться доктор Отто Каррабелиус с собачкой. Поползли всякие слухи. Передавали, будто где-то его собака чихнула и извинилась. У кого-то она спрашивала адрес какой-то улицы. За Отто Каррабелиусом ходила толпа и во главе — все владельцы собак, кроме двух. Хозяин черного пуделя «Клондайка» местный священник Святоперекрещенский сидел дома и говорил собравшимся у него старушкам, что все это ведет к концу мира.

— Не ходите смотреть на эту нечисть,— говорил священник. — Вот до чего дошло при советской власти: собака говорит. Этак, того и гляди, куры танцовать станут, коровы частушки запоют! С нами крестная сила!

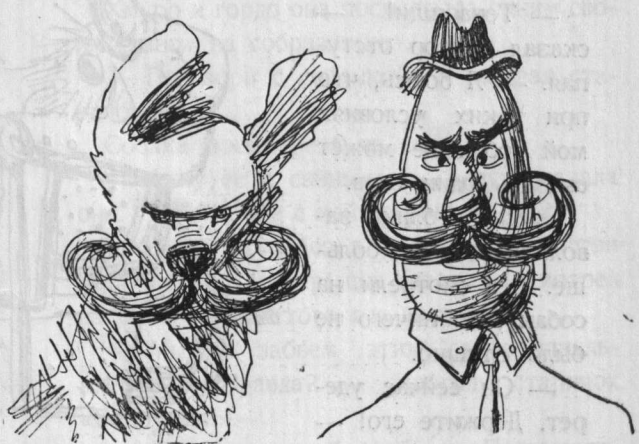
Один только старичок-пенсионер Поджижиков сидел равнодушно на солнышке и грелся с собакой «Бейбулатом». Когда ему говорили про говорящую собаку, он только зевал.

— Ну и что же, охо-хо,—говорил он.— Пусть говорят на здоровье.

Ничто его не прошибало!

Мальчик Витя Храбрецов, пионер, ученик и следопыт первой категории, твердо задался целью выяснить тайну собаки. С утра до ночи он ходил по улице за доктором Каррабелиусом и даже пропустил все занятия. Но собака почему-то молчала. Вопрос особенно волновал Витю с одной стороны: если собаку можно выучить говорить по-русски, по-немецки и по-французски, то не может ли она вообще ходить в школу и готовить уроки?

В день представления зал клуба местной пожарной дружины «Красное пламя» был набит битком. В первом ряду сидели четыре владельца собак. Тут были и счетовод, и бухгалтер, и Бломберберг, и провизор с палкой.



...Смотрите, она даже похожа на меня.

Вышли доктор Каррабелиус во фраке и ассистентка в костюме наездницы. Быстро проделали свои номера обезьяны, попугай и морская свинья «Элеонора». Их публика пропустила мимо глаз. Доктор понял, что публику волнует собака. Видя напор толпы, он забеспокоился. Где-то треснул барьер.

Наконец, вышла собака. Сначала она проделала прыжки и танго на зонтике. Потом доктор вышел вперед и сказал:

— Товарищи, милостивый государь и милостивый государин. Теперь мы продемонстрируйт главный номер, как биль говориль собака. Перед вами маленький млекопитающий животный Канис Фамильярис — обыкновенний домашний собака, по имени Олстон-Мабуби.

— Давай! — крикнули в публике.

Ряды придвинулись к сцене. Доктор немного отступил и вытер затылок.

— Ничшего необыкновенного и сверх'-стественного в этом номере нет. Все ви знайт, что такой, например, обичный животный, как попугай, может говорить по-человеческий голос. Собака же—самий умный животный, древний друг человека. Мои долгие опыты на основе изучения восточный наук...

Публика придвинулась еще ближе. Все вскочили с мест и полезли на сцену. «Давай!» — закричали опять в публике.

— Товарищи! — сказал доктор отступая. — Я боюсь, что при таких условиях мой собак не может сказать один слов.

Здесь публика заволновалась еще больше. Все смотрели на собаку, но ничего не было слышно.

— Он сейчас удерет. Держите его! — кричали владельцы таратайских собак.

Один только старичок-пенсионер Поджижиков равнодушно дремал на солнышке.

— Она не будет говорить.

— Тише!

— Дайте собаке поговорить, — спокойно пробасил кто-то.

— А она на каком языке будет?

— Товарищи! — сказал доктор. — Я очшень плохо говориль по-русски. Но мой собак изучиль его лучше меня. Ну, я попрошу кого-нибудь на сцена.

И здесь на сцену выскочил следопыт Витя Храбрецов.

— Я! Ну как тебя звать? — спросил он у собаки.

Собака взглянула на него и открыла рот.

— Олстон-Мабуби, — вдруг сказала она громко. — А тебя как?

Витя растерялся. Публика ахнула и присела. Собака открывала рот и выдавливала из себя настоящие слова. Тут в зале от напора толпы треснула скамейка и опять поднялся шум. Всех слов разобрать было нельзя. Доктор поспешно откланялся и удалился со сцены, уводя собаку.

Возбужденная публика долго не уходила. Она спорила. «Говорила!» — заявляли одни. «Ничего не говорила. Это обман зрения!» — кричали хозяева собак.

На другой день в городе появилась афиша о втором представлении с припиской: «Ввиду нервного состояния собаки просьба соблюдать абсолютный порядок. В противном случае сеанс говорения может не состояться».

Город разбился на два лагеря. Теперь только и было споров: говорила или не говорила. Даже пять местных собак бегали по городу, взволнованные общим спором. Первая половина города теперь смотрела на них насмешливо. «Ну, вы тоже собаки, только и толку, что реверанс...»

Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

Но зато другие, наоборот, стали смотреть на собак с еще бóльшим уважением и даже с некоторой опаской: кто их знает, этих странных животных,—о чем они думают? Мальчишки, горячие сторонники второй партии, ходили толпой по улицам и пели сочиненную кем-то песню:

«Что за шум, и что за драки?
Кто затеял кавардак?
Это враки,
Это враки,
Всем известно, что собаки,
Таратайские собаки,
Лучше всех других собак!!»

Только древняя трехногая «Бейбулатка» и старичок Поджижиков оставались спокойными: попрежнему они сидели на крылечке, равнодушные к общему волнению.

— Ну и что же? Все бывает, — говорил, зевая, пенсионер.

Но на второе представление его все же притащили и посадили в первом ряду.

К моменту выхода собаки напряжение опять достигло предела. Но теперь никто не придвигался и не вскакивал с мест: все боялись, чтобы сеанс не отменили. Публика напрягалась, зажав рты. Все делали друг другу строгие знаки. Затаенное дыхание иногда лишь прерывалось вздохами. Только старичок Поджижиков сидел в первом ряду и спокойно дремал, задрав голову на спинку стула.

Опять прошла морская свинья, танго на проволоке. Подошло дело к собаке. Мальчик Витя Храбрецов на цыпочках вышел на сцену.

— Прошу для удостоверений научности опит выйти на сцена представителей медицинского мира, — сказал доктор. — Ну, собачка, скажи что-нибудь мальчику. Смотри, какой мальчик.

— Ничего. Мальчик как мальчик. Так себе, — вдруг сказала собака и зевнула.

— Не ходите смотреть на эту нечисть!..

Тишина разорвалась. Поднялись крики. «Бис!» — кричали из задних рядов.

— Мальчик как мальчик. Ну? — громко повторила собака. Сомнений быть не могло. Гром аплодисментов потряс здание клуба. Старичок Поджижиков проснулся.

— Ну и что же тут такого? — вдруг сказал он в наступившей тишине. — Эка невидаль. Ну-ка, «Бейбулат».

И тут, как рассказывали свидетели, началось нечто совершенно уже необыкновенное.

Из-под скамейки вдруг вылезла древняя полуслепая «Бейбулатка» с белой свалявшейся шерстью и на трех ногах приковыляла к своему хозяину.

Хмуро и гордо она посмотрела одним своим глазом на собравшихся.

— Поговори с собачкой, — сказал старичок.

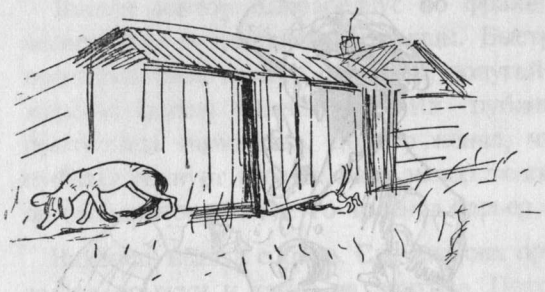
Собака посмотрела на сцену.

— А ну ее к свиньям, — вдруг сказала она. — Чего мне с ней разговаривать?

Тут уже остолбенел доктор кинологии Каррабелиус. Вытаращив глаза, он смотрел на белого лохматого пса-дворняжку.

— Мы их забьем этих сеттер-шнель-клепсов? Правда? — спросил старичок «Бейбулата».

— Ясное дело, забьем, Сидор Поликарпович. Это нам раз плюнуть! — отвечал



Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

пес. — Мы еще не так сумеем разговаривать!

Но собака доктора Каррабелиуса не растерялась.

— Ну кто еще кого забьет, мы посмотрим! — закричала она.

Публика опять вскочила. Одни мчались к выходу, другие лезли на сцену, третьи орали какие-то слова. Тем временем две собаки стояли друг против друга и выкрикивали друг другу разные глупости. Это продолжалось до тех пор, пока старичок не увел свою собаку, а доктор свою. Оставшаяся публика не могла успокоиться. Владельцы собак в первом ряду запели песню таратайцев, и ее подхватили задние. Усатый провизор вскочил на сцену и принялся дирижировать своей бамбуковой палкой. Все пели хором:

«Что за шум, и что за драки?
Кто затеял кавардак?
Это враки,
Это враки,
Всем известно, что собаки,
Таратайские собаки,
Лучше всех других собак!!»

Потрясенный город не мог спокойно жить, спать, есть и работать. Собачья гордость Нижнего Таратайска переливала через край. Даже жители Верхнего Таратайска и Среднего Таратайска валом валили смотреть на собаку Поджижикова. Но старичок и пес попрежнему мирно дремали на солнышке.

Витя Храбрецов целый день носился по городу. Вечером усталый он возвращался домой мимо церкви Воздвиженья-на-Песках.

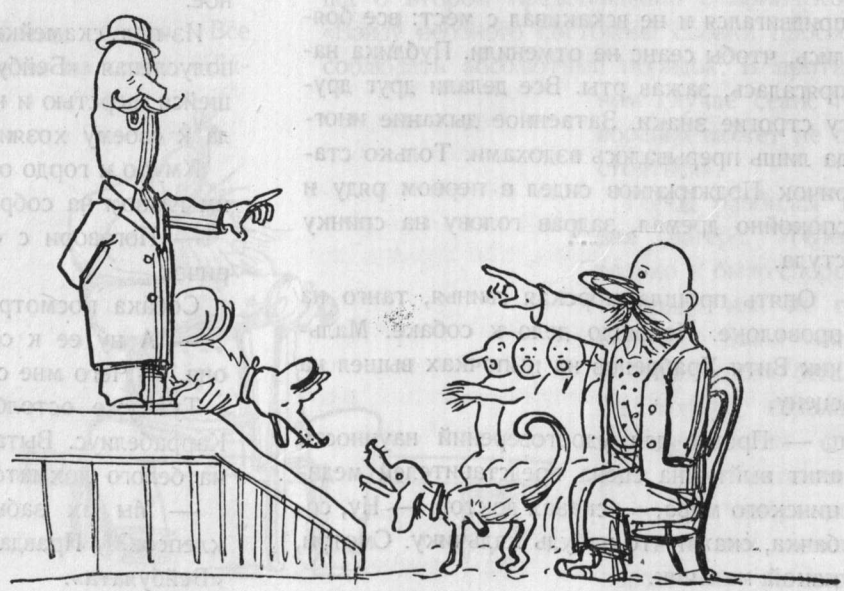
Однажды он услышал странную возню за церковной оградой. Прислонившись к ограде, он прислушался. Оттуда доносился голос священника.

— Ну, «Клондайк», — быстро шептал он, — ну, скажи «па-па». Ну стой смирно, господи благослови. Ну, скажи «хо-ро-ша-я по-го-да».

Все владельцы срочно обучали своих собак языку. День и ночь они муштровали их и так и этак, допытывались у старика Поджижикова насчет его секрета и снова ломали головы.

И, — вот чего не сделает человеческая гордость! Нам могут не поверить, но беспристрастная история свидетельствует об этом замечательном моменте в жизни города, когда собаки действительно начали понемногу разговаривать о том, о сем.

Пять собак Нижнего Таратайска стали говорить!



Собаки стояли друг против друга и кричали друг другу разные глупости.

— А ну, где тут доктор Каррабелиус?

Это было страшно. Хозяева выводили своих собак на крыльцо, водили взад и вперед по улицам и перед изумленной толпой беседовали с ними о всяких вопросах.

— Хорошая погода, — говорили они собакам.

— Ничего, действительно, — отвечали те, — только не мешало бы небольшому дождичку.

Мир воцарился меж хозяевами пяти собак. При встречах они хитро подмигивали друг другу. Таратайские псы тоже торжествовали. Они здоровались друг с другом на улицах, кричали из-за заборов и пели песни. Рассказывают даже, что черная собака счетовода Попкова как угорелая носилась по улицам и кричала:

— А ну, где тут доктор Каррабелиус? Разве он еще не уехал в Индию?!

За ней гонялись пожарные. Только попу не удалось обучить свою собаку ничему. Он мучил беднягу днем и ночью, но она оставалась молчалива как камень. С горя, говорят, поп принялся обучать своего пса музыке и математике. А у старухи Тараканихи будто бы кошка начала вдруг разговаривать по-французски. События начали принимать невероятный оборот.

Тогда доктору Каррабелиусу посоветовали срочно покинуть город. «Это все вы наделали, — сказали ему. — Когда вы уедете, наши собаки успокоятся. У нас и без говорящих собак дел очень много».

Некоторые скептики, конечно, говорили, что все здесь — обман. Они заявляли, что тут обычный цирковой трюк под названием чревовещание; сам артист говорит сперва своим обычным голосом, а потом, когда собака открывает рот, он отвечает за нее другим голосом. На этом понемногу все начали успокаиваться.

Но не такой был мальчик Витя Храбрецов: он решил выяснить тайну до конца. Когда доктор уезжал, он шел за ним и его собакой до самого вокзала.

— Олстон! — кричал он ей. — Скажи два слова.

Но собака, молча, понурив голову, шла за доктором.

— Олстон-Мабуби! Это я, Витя Храбрецов. Мы с тобой разговаривали в театре.

Собака молчала. Доктор не оборачивался.

Витя бросил собаке кусок хлеба, чтобы посмотреть — нет ли у нее во рту говорящей машинки. Она не взглянула на хлеб. Тогда он кинул в нее камень, чтобы она выругалась. Она молчала.

Наконец, когда доктор Каррабелиус влезал в вагон, она посмотрела на Витю Храбрецова, покачала головой и сказала:

— Ты очень плохой ученик, пионер и мальчик. Во-первых, нехорошо швыряться в собак камнями. Во-вторых, ты пропускаешь занятия, как лентяй. И, в-третьих, говорящих собак никогда не было, нет, и не может быть.

И она была права. Сказав это, она исчезла вслед за чемоданами, обезьянами, попугаем и морской свиньей «Элеонорой».

Алим Мусатов, лучший школьник-шахматист гор. Самарканда, часто обыгрывает своего деда.

36 школьниц-шахматисток участвовали в общегородском шахматном турнире в Москве. На снимке: играют Косякова (6-я школа ЛОНО) и Арон (17-я школа ДОНО).

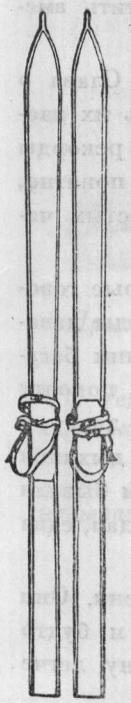
Спорт

Телемаркенцы

В Норвегии есть маленькое местечко Телемарк. Само по себе оно ничем незамечательно, но лет 50 назад оно прославилось на весь мир, и с тех пор лыжники навсегда запомнили его название.

Вот как это случилось.

В то время лыжный спорт только начинался. Правда, в деревнях Финляндии и Норвегии почтальоны, школьники и лесорубы ходили на лыжах, но состязания на лыжах устраивались еще очень редко.



И вот перед одним состязанием, в 1879 году, до городских спортсменов дошел слух, что телемаркенские парни сделали какие-то особенные лыжи и не только катаются на них с крутых гор, а еще и прыгают с горных уступов. Решили пригласить телемаркенцев на состязание, а сами, чтобы не ударить лицом в грязь, тоже стали учиться делать прыжки на лыжах.

Недалеко от Христиании, в местечке

Рекорды древних

Греческая скульптура «Победительница в беге».

Сейчас тысячи спортсменов могут пробежать сто метров меньше чем в одиннадцать секунд.

Несколько человек в мире пробегают это расстояние в десять с половиной секунд. А вот такого человека, который пробежал бы сто метров в десять с четвертью секунды, нет пока на земле. В 1930 году канадец Вильямс пробежал 100 метров в десять и три десятых секунды, и с тех пор никто не бегал быстрее.

А может быть раньше жили на свете люди, которые могли бы обогнать Вильямса?

Ведь многие говорят, что встарину люди были сильнее.

И не даром, наверное, ставили древние греки статуи в честь своих атлетов и почитали их наравне с богами и героями.

Вот если бы такого прославленного древнегрече-

Гусби, выбрали высокую, крутую гору с уступом посредине и начали тренироваться. Но дело не ладилось: с'езжать с горы еще удавалось, но прыгать со всего хода с уступа казалось очень страшным. Лыжники задолго перед уступом садились верхом на палку, тормозили и сваливались с уступа как мешки. Немногим удавалось при этом устоять на ногах...

Так было и в день состязаний. Первыми выступали горожане. Они пахали своими палками снег и неспеша с'езжали с горы...

Но вот появились телемаркенцы.

Без всяких палок, держа в руках только еловые веточки, они один за другим неслись с высокой горы.

Зрители замерли. Лыжники, участники соревнований, не могли понять, как же будут тормозить телемаркенцы перед уступом. Но они и не собирались тормозить. У самого края уступа они приседали немножко и как птицы, с раскинутыми в стороны руками, взлетали в воздух. Метров за 25 от уступа лыжи хлопали по снегу, и лыжники, не сбавляя хода, неслись дальше, потом неожиданно останавливались, подняв тучу снежной пыли и неспеша поднимались обратно на гору.

Удивительное искусство телемаркенцев заинтересовало спортсменов всего мира, и все принялись искать их секрет. А секрет оказался простым. Все дело было в том, что лыжи у телемаркенцев были крепко привязаны к ногам, и самые лыжи были

Отец и сын

Заслуженный мастер спорта Я. Ф. Мельников и его сын Анатолий, установивший два всесоюзных детских рекорда: 100 метров—11,4 сек. и 250 метров—26,6 секунды.

ского бегуна, какого-нибудь Ахиллеса, пустить вместе с Вильямсом, кто бы пришел первым?

Очень трудно ответить на этот вопрос. Слава о древних бегунах дошла до нас, сохранились их изображения и описание их побед, а вот самые рекорды как раз и не дошли до нашего времени. И понятно, почему: ведь у греков не было даже простых часов, а не то что точных секундомеров.

И все-таки есть кое-какие сведения, которые говорят о том, что и быстроногим грекам победы давались не легко: и им приходилось как нашим бегунам тренироваться, советоваться с врачами, подолгу готовиться к соревнованиям, выдерживать диэту и режим. И у греческих бегунов не хватало дыхания и сосало под ложечкой после долгого бега и бывали случаи, когда победитель в беге замертво падал, едва добежав до финиша.

Но врачи считали, что все дело в печени. Они массировали и разминали печень бегунам и будто бы даже совсем вырезали ее, чтобы бегуну легче было обгонять противников.

сделаны не так, как у других: на концах они были пошире, а в средине поуже, и канавки на нижней стороне были полукруглые и не такие глубокие.

Вот эти особенности: прочное пяточное крепление, вогнутые края и неглубокие канавки—помогали телемаркенцам управлять лыжами без всяких палок.

Канавки не так прочно цеплялись за снег, как прямоугольная канавка на финских лыжах. Кривые края служили для поворотов. Наклонишь такую лыжину направо — она и пойдет по кривой линии, тоже направо, как лодка с повернутым рулем. А ремни давали возможность наклонять лыжи как угодно, тормозить, как на коньках, и поворачивать во все стороны.

Прыжок на горных лыжах.

С тех пор во всем мире для катанья с гор стали делать лыжи по типу телемаркенских, и лыжи эти во всем мире так и называются «Телемарк».

Теперь и спортсмены и врачи знают больше: они знают, что дело не в печени и даже не в ногах и не в силе.

Все дело в общей подготовке спортсмена в технике бега, и главное, в технике тренировки. От того, сколько труда вкладывает спортсмен в свою тренировку, зависит очень многое, но еще важнее не то, сколько он тренируется, а как он тренируется.

Об этом написано сейчас много книг, сделано много наблюдений над спортсменами, и с каждым годом все больше и больше опыта накапливается у спортсменов и их тренеров. Поэтому с каждым годом улучшаются рекорды и по бегу и по другим видам спорта. И греки, если бы они попали на наши стадионы, вряд ли заняли бы хорошие места на соревновании. Это подтверждается немногими сведениями о рекорде древних, которые дошли до нас.

Известно, например, что один греческий бегун Фейдипидес очень быстро прибежал в Спарту и рассказал о вторжении в страну вражеских полчищ.

Фейдипидес бежал 2 дня и за это время пробежал 220 километров. За этот подвиг греки считали его героем и полубогом.

А современные бегуны на длинные дистанции — марафонцы — пробегают за два с половиной часа 40 километров, и среди них нашлось бы много таких, которые за 2 дня пробежали бы гораздо больше Фейдипидеса.

Другой знаменитый греческий спортсмен, борец Милон, прославился тем, что насквозь проткнул указательным пальцем зеленое яблоко. Никто из современных борцов пока не пробовал этого сделать, но, вероятно, чемпионы джиу-джитсу могли бы повторить и этот рекорд.

Хуже обстоит дело у наших спортсменов с прыжками. Самый большой прыжок в длину сделал в наше время англичанин Хоувар. Он прыгнул на 9 метров и 10 сантиметров. А древнегреческий атлет Фейлаг прыгнул будто бы на 17 метров в переводе на метрическую систему. Этому трудно поверить. Возможно, что здесь произошла ошибка в записи или измерении. Ведь в то время не было точных рулеток, да и самые меры длины были не очень точными.

О О О

Десятому с'езду комсомол

Советские спортсмены должны завоевать все рекорды. И хотя это — нелегкое дело, один за другим мировые рекорды перекочевывают из заграницы к нам.

Совсем недавно, 19 декабря, комсомолец С. Бойченко поставил новый рекорд по плаванию стилем баттерфлей на сто метров. Прежний рекорд принадлежит американцу Хигшису. Его время было 1 минута 10,8 сек.

А Бойченко проплыл сто метров в 1 минуту 0,8 секунды.

Свой рекорд Бойченко посвятил X с'езду комсомола.

Откуда берутся чемпионы

На наших стадионах с каждым спортсменом работают тренеры и инструктора. Другое дело—заграницей. Там, чтобы достать тренера, надо платить деньги, а не всякий это может. Но зато предприимчивые тренеры устроили там школы чемпионов.

Есть, например, знаменитый тренер Поль Рюинар. Он уже не первый год готовит чемпионов-велосипедистов. Он находит подходящих парней, забирает их в свою школу, и они живут там, не думая ни о чем, кроме спорта. Рюинар дрессирует их как жеребят, а когда они становятся чемпионами, забирает себе часть заработков.

Из школы Рюинара вышло 54 чемпиона Франции и 9 чемпионов мира.

Другой знаменитый тренер, Шарль Пуленар, «делает» бегунов. Из его школы вышло 50 чемпионов Франции и 2 чемпиона мира, в том числе и знаменитый французский бегун Лядумег, который до сих пор бегает быстрее всех в мире.

25 Лет спустя

20 января из Ленинграда в Москву вернулись четыре лыжника: Немухин, Елизаров, Гостев и Захаров. Из Москвы они тоже шли на лыжах.

Когда они собирались в этот поход, москвичи отговаривали их и никто не верил, что лыжники благополучно пройдут всю дорогу.

— Что вам — жизнь надоела? Ведь вас по дороге волки с'едят... — пугали их добрые знакомые.

Но смелые лыжники не испугались и отправились в путь.

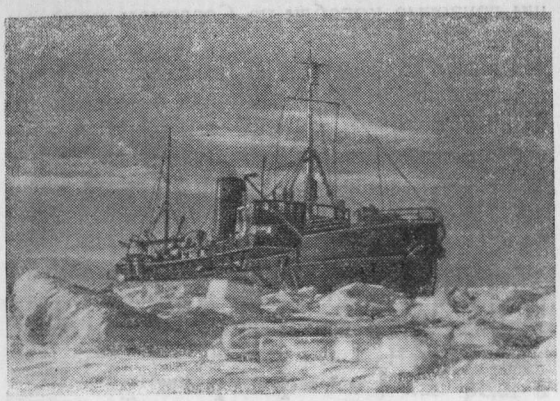
Поход и в самом деле оказался трудным. Крестьяне в деревнях и селах подозрительно смотрели на лыжников, а мальчишки науськивали на них собак, бежали следом и дразнили «ряженными». Чтобы устроиться на ночевку, лыжникам приходилось подолгу уламывать несговорчивых хозяев.

Однажды ночью они пришли в Вышний Волочок ночевать, в гостиницу их не пустили. Тогда они стали посреди улицы и принялись во все горло кричать «Караул». Только после этого собрался народ и лыжникам устроили ночевку...

Прямо не верится, что все это было на самом деле. Где это видно, чтобы у нас натравливали собак на участников лыжного похода?

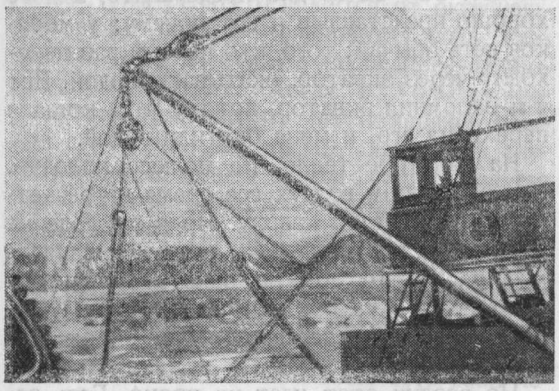
Да еще где, на пути Москва—Ленинград, по которому каждую зиму проходят сотни лыжников! Может быть, они просто выдумали всю эту историю?

Нет не выдумали. Все это так именно и было, но только было это 25 лет назад. Тогда Немухин с товарищами организовали первый в России дальний поход на лыжах и пришли из Москвы в Петербург. А теперь, чтобы ознаменовать двадцатипятилетие этого похода, все они «возвратились» на лыжах в Москву. И хотя самому молодому из участников этого похода сейчас 45 лет, все-таки эти «старички» весь путь от Ленинграда до Москвы прошли за 10 дней, на 2 с половиной дня скорее чем прежде, когда были молодыми.

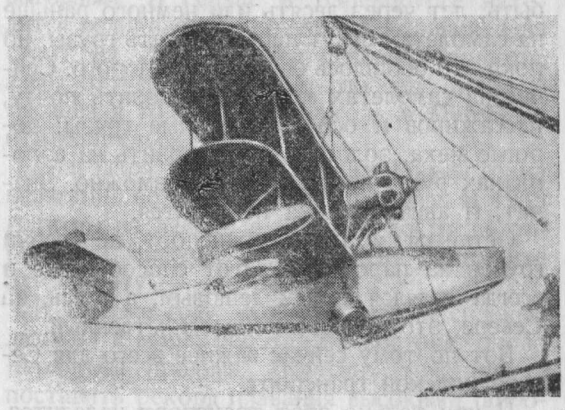


«Садко» во льдах.

Измерение высоты тороса.



У мыса Платен.



Самолет Бабушкина опускают краном с ледокола «Садко».

Высокие широты

Проф. Н. Н. Зубов

Зачем забираться на Север?

Каждый год на Крайний Север нашего Союза снаряжаются экспедиции. В них участвуют ученые, моряки, летчики, врачи. На Севере ставят радиостанции, строят культбазы, порты. Многие остаются там на зимовку и живут по году, по два, а иногда и по нескольку лет.

А зачем все это?

Что делать на Севере, где земля промерзла насквозь, где всю зиму стоит сплошная полярная ночь, дуют холодные ветры и трещат страшные морозы?

Может быть, и забираться туда не стоит?

Нет стоит и очень даже стоит: на Севере лежат огромные нетронутые богатства. Там есть и уголь, и золото, и пушнина. Там есть и рыба, и морские звери, и лес, да и самая земля на Севере не такая уж бесплодная. На Севере есть такие места, где можно пасти оленей и даже разводить огороды; надо только хорошенько изучить, что может дать нам Север, разведать все по-настоящему.

А самое главное—это то, что на Севере живут люди. Им досталась нелегкая жизнь. И вот надо помочь им, научить их бороться с суровой природой, с болезнями, с холодом.

Вот сколько дел на Севере!

И чтобы сделать все эти дела, нужно прежде всего проложить на Север дороги.

А как это сделать?

Можно построить железные дороги. Но строить железные дороги на Крайнем Севере очень трудно: их пришлось бы вести по тундрам, по болотистым местам. Полотно железной дороги и станции пришлось бы ставить на вечно мерзлом грунте, так что и не разберешь, чего там больше, льда или земли. И потом постройка дороги потребовала бы очень много времени. Значит, железная дорога пока вопроса не решает.

Можно наладить на Севере авиацию.

Но и авиация сейчас не сможет полностью разрешить вопрос о транспорте. Может быть, лет через десять или немного раньше на самолетах будут перебрасывать грузы, но пока это обошлось бы слишком дорого. Сейчас на самолетах можно перевозить почту, пассажиров и особенно ценные грузы: дорогие меха, золото. Но перевозить на аэропланах руду, нефть, соль невозможно. Значит, и авиация пока не годится.

Остается морской транспорт, перевозка грузов на пароходах. Этот способ везде и всегда являлся самым дешевым, а здесь, на Севере, этот способ пока единственный.

Вот поэтому сейчас важнее всего для Севера морской транспорт.

И как только этот транспорт наладится, все остальное пойдет гораздо легче.

Нужно изучить врага

У морского транспорта на Севере есть страшный враг. Этот враг—лед. Чтобы проложить морской путь вдоль северных берегов нашего Союза, надо научиться бороться со льдом и побеждать его.

А для того чтобы победить врага, надо его изучить. Без этого победа невозможна.

А мы морской лед знаем пока что довольно плохо.

В Северном ледовитом океане нам хорошо известна только узкая полоска берега. Вдоль этой полоски идут наши корабли. Когда они идут на восток, справа у них—берега Сибири, их мы знаем хорошо, слева—Северный ледовитый океан, который мы знаем плохо. Когда корабли идут с востока на запад, слева у них—берега Сибири, справа—та же неизвестность. Все время над кораблями с севера нависает неведомая угроза. Поэтому, чем шире будет изучена полоска океана, чем выше мы заберемся на север, тем безопаснее будут чувствовать себя наши грузовые корабли на Северном морском пути.

Однако забираться в высокие северные широты нужно не только для безопасности наших кораблей: это нужно и для того, чтобы знать, какая будет погода здесь, у нас в Москве, в Ленинграде, в Киеве, в Казахстане, в Сибири. Летом у нас тепло. И зимой не очень холодно. Многие думают, что все это тепло от солнца. Но не солнце посылает нам главное тепло, а замечательное морское течение, которое называется «Гольфстрим».

Гольфстрим

Представьте себе земной шар. Представьте себе экватор—линию, которая его опоясывает. Вам ее трудно представить, а я ее хорошо представляю и вот почему: у моряков есть обычай: того, кто первый раз переходит через экватор, окатывают водой. Вот я и запомнил экватор, потому что, когда я переходил его, и меня окатили водой.

На экваторе тепло. На полюсе холодно. Над экватором воздух все время нагревается и поднимается кверху. Но в природе не бывает пустоты, и если воздух поднялся кверху, что-то должно занять его место. Поэтому к экватору и с северного полушария и с южного все время идет поток воздуха.

Но воздух этот идет не прямо. Есть закон Кориолиса. Запомнить его нетрудно: всякое тело, которое движется на земле в северном полушарии, отклоняется вправо от своего движения, всякое тело, которое движется в южном полушарии, отклоняется влево. Поэтому у нас в северном полушарии правые берега рек всегда крутые, а левые пологие. Наши реки все время сбивает вправо. Так и ветры, которые дуют к экватору и с юга и с севера, все время сбиваются: северный—вправо, к западу, а южный—влево, тоже к западу. Получаются постоянные ветры—пассаты. В северном полушарии пассат дует с северовостока, в южном—с юго-запада. Пассаты гонят воду. Они поднимают волны, упираются в тыловую, заднюю их часть, гонят их перед собой, и таким образом возникают ветровые морские течения. Морская вода начинает течь. Но куда ей течь? Вода не может течь к экватору, потому что и с юговостока и с северовостока пассаты нагоняют все новые и новые воды. Поэтому вода устремляется на запад и доходит до Мексиканского залива, который находится между Северной и Южной Америкой. А дальше идти некуда. Тогда вода

направляется по единственному пути, который ей остается, — по Флоридскому проливу. Тут и начинается Гольфстрим.

Река в океане

Из Флоридского пролива Гольфстрим вытекает как настоящая могучая река. Температура этой реки 30 градусов по Цельсию, глубина 700 метров, ширина 50 километров. Гольфстрим подает в 70 тысяч раз больше воды чем одна из самых многоводных и быстрых наших рек — Нева. Гольфстрим течет на северовосток, как река в океане. Так его и называют «Река в океане».

По всему: по цвету, по температуре — Гольфстрим резко отличается от окружающей воды: справа—зеленоватая вода, слева—зеленоватая вода, а посредине—темно-синий Гольфстрим. Когда в Гольфстриме измеряли температуру (ее измеряют каждый сезон, каждый месяц), был такой случай: корабль вошел в Гольфстрим, нос его был в Гольфстриме, а корма—на воле. Смерили температуру на корме и на носу и получили разницу в 12 с половиной градусов! Это действительно река в океане. Англичане ее называют «лентой горячей воды». Но не думайте, что Гольфстрим так беззаботно плывет в океане. У него тоже есть свои неприятности: он течет на северовосток, а слева, с Севера, к нему подходит холодное Лабрадорское течение, которое выносит массу айсбергов и заставляет Гольфстрим отклоняться то вправо, то влево. Воды Лабрадорского течения тоже носят замечательное название—«Холодная стена».

Идешь в океане, берегов не видно, и вдруг лента горячей воды, потом холодная стена...

Отопление на целый материк

Воды Гольфстрима в своем пути на северовосток соединяются с водами Атлантического океана, тоже теплыми. И в конце концов мы получаем уже Атлантическое течение. Оно стремится на север, входит в Гренландское море и разбивается на отдельные веточки, на рукава. Одна веточка заходит к нам, в Баренцово море. Эта веточка называется Нордкапским течением. Другая идет кругом Шпицбергена—это Шпицбергенское течение. И вот эти атлантические воды делают у нас чудеса.

У нас на Севере есть замечательный порт — Мурманск. Он стоит на широте 69 градусов, далеко за полярным кругом, но он никогда не замерзает. А во Владивостоке, который находится на 45-м градусе, на полпути между экватором и полюсом, навигацию зимой приходится поддерживать ледоколами. Даже на Черном море приходится держать ледоколы, Азовское же море иногда замерзает сплошь.

Есть еще один замечательный порт, который плохо знают, — это Баренцбург на Шпицбергене. Там добывают каменный уголь. Начали это дело голландцы. Они там построили дома, привезли машины, но потом, поработав немного, решили, что дело это невыгодно, и бросили. Но то, что для них было невыгодным, для нас оказалось выгодным. И сейчас в Баренцбурге находится великолепная советская колония. Она стоит на 78-м градусе северной широты, а мы оттуда совершенно свободно по 5—6 месяцев в году вывозим уголь в Мурманск и Архангельск.

Благодаря теплым веточкам Гольфстрима навигация возможна и еще севернее. В 1935 году мы на ледоколе «Садко» достигли широты 82 градуса, 41,6 минуты. Запомните эту широту — это рекорд.

В том же году «Красин», самый сильный ледокол в мире, работал на востоке, около Берингова пролива. «Красин» тоже хотел поставить рекорд плавания высокими широтами, но он добрался только до 73-го градуса и 30 минут, т. е. на 9 градусов южнее. В градусе 60 морских миль, или 111 километров. Значит, «Садко» забрался на 950 километров севернее «Красина». Это потому, что нам помогал Гольфстрим, а «Красину» не помогал.

Вот почему зимой у нас в Москве теплее чем на Дальнем Востоке. Но Гольфстрим не всегда одинаков: он то теплее, то холоднее, то больше теплой воды поступает на север, то меньше.

Если сравнить Гольфстрим и его веточки с трубами парового отопления, то получается, что там, где-то внизу, на юге, у этой трубы стоит кран, котрый то приоткрывается, то закрывается.

Когда он приоткрывается, больше тепла идет по этой трубе, и в нашей комнате, в Европе, становится теплее, но как только призакроется этот кран, у нас становится холоднее.

В Арктике стало теплее

Начиная с 1920—1921 года что-то заставило кран этого отопления приоткрыться,

и мы сейчас переживаем период потепления Арктики. Это потепление Арктики сказывается на многом.

Средняя температура на островах Ледовитого океана стала выше, чем была 20—30 лет назад. Мы знаем, что Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Северная земля покрыты льдом, образующим многочисленные ледники, которые спускаются в море. Оказывается, за последнее время многие ледники стали меньше. Это заметили при сравнении новых карт со старыми, на которых точно нанесены эти ледники.

О потеплении нам сказали и морские животные. Морские животные и особенно рыбы очень чувствительны к переменам температуры. Говорят, что у рыб холодная кровь. Это верно: температура крови у рыб такая же, как температура окружающей воды. Другое дело у морских млекопитающих: у кита, у моржа, у тюленя. У них температура крови отличается от температуры воды. Млекопитающие эти принадлежат к вторичным морским формам. Когда-то они жили на суше, потом другие, более сильные хищные животные загнали их в море. Они спрятались в море, но как страшно они за это наказаны! Вода отнимает у них тепло, и поэтому морские млекопитающие должны очень много есть, чтобы поддерживать температуру крови, хотя у них и есть защитное средство — большие, толстые жировые покровы.

Все остальные морские животные счастливее: их температура одинакова с температурой воды, в которой они находятся. Им нужно сравнительно очень мало пищи, но зато у них есть свой большой недостаток: они очень чувствительны ко всяким переменам температуры воды. Большинство рыб живет хорошо только тогда, когда температура воды колеблется в пределах 2—3 градусов тепла. Если же температура меньше или больше, им становится трудно жить, они плохо растут, а иногда и вовсе погибают. Поэтому большинство морских рыб и животных на всю жизнь связано с определенными температурами, а значит, и с определенными районами моря.

И вот оказалось, что за последние 15—20 лет морские рыбы и другие организмы продвинулись далеко на север. Еще сравнительно недавно такие промысловые рыбы, как треска и пикша, не заходили севернее южных берегов Новой земли. А сейчас треска ловится у северных берегов и даже выше северной оконечности Новой земли.

В общем подсчитано, что за последние 15 — 20 лет Арктика потеплела приблизительно на целый градус.

Надо идти на запад

Год на год не приходится: бывают годы очень теплые, как например 1932 и 1935 годы, бывают годы похолоднее, как 1929 и 1933 годы. Атлантические воды приходят к нам с югозапада и движутся медленно. Для того чтобы пройти от Шпицбергена до Берингова пролива, атлантическим водам нужно около 5 лет. Значит, чем дальше мы будем забираться на югозапад, тем дальше в будущее мы сможем заглядывать. Мы сможем предвидеть, что в таком-то районе будет через год, а в таком-то через два и т. д.

Конечно, все это не так просто, как говорится, но во всяком случае, для того чтобы заглянуть в будущее подальше, исследования лучше производить как можно западнее. Вот почему мы на ледоколе «Садко» начали работу с исследования Гренландского течения, которое широкой рекой протекает в Ледовитом океане.

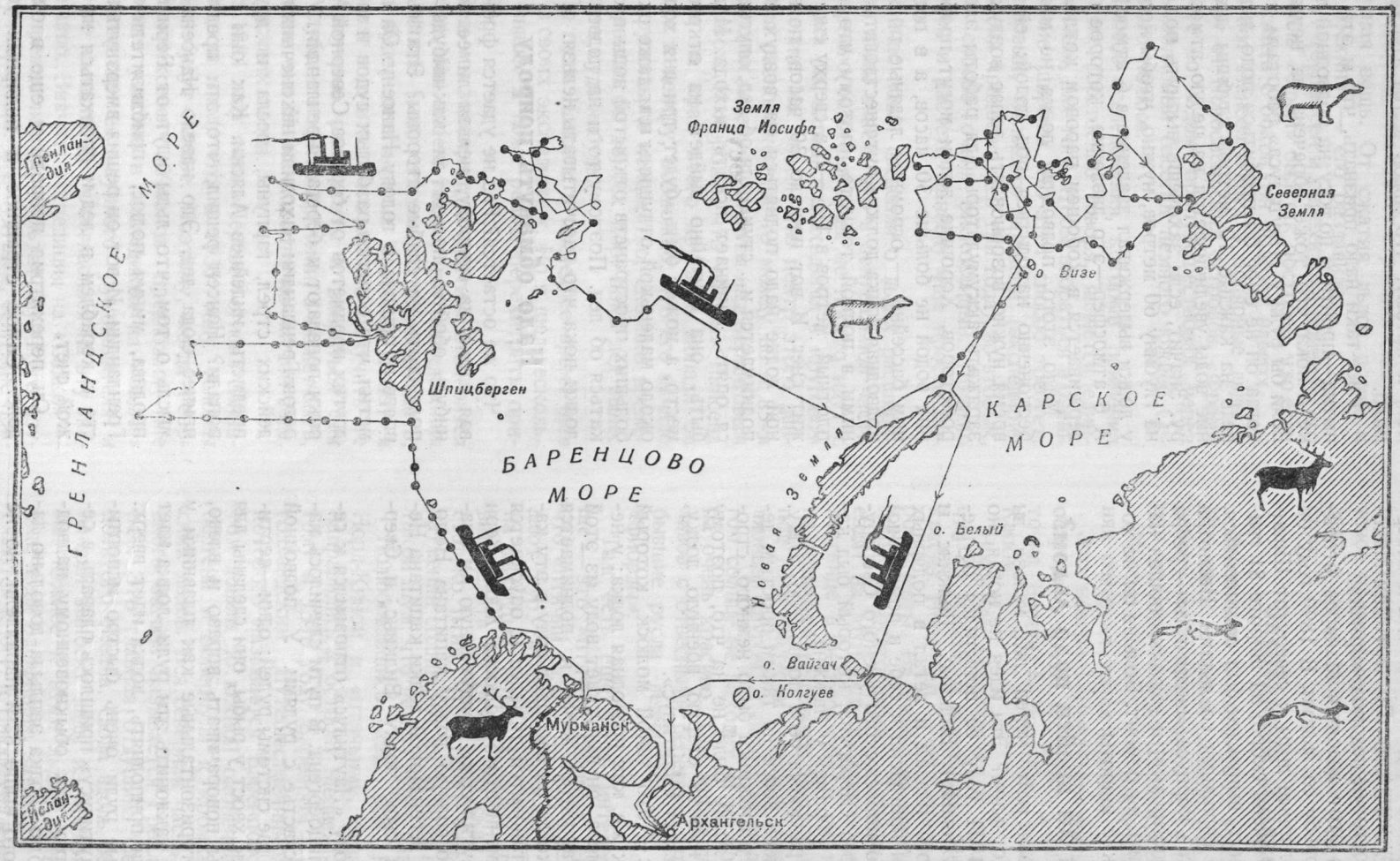
К Северному полюсу напролом

Я говорил уже, что, для того чтобы овладеть нашим Севером, надо его изучить, надо забраться как можно севернее на пароходе или на ледоколе. Даже самолеты не годятся для этого: воздушные корабли еще недостаточно надежны, они боятся оледенения, туманов. Из-за оледенения погибла экспедиция Нобиле на дирижабле «Италия». Из-за оледенения кончилась аварией первая попытка проникнуть в Северный ледовитый океан на воздушном шаре, которую сделал шведский исследователь Андрэ, вылетевший со Шпицбергена в 1896 году.

Кроме того аэроплан и дирижабль движутся слишком быстро. С них можно заметить кое-что, но очень мало. С них хорошо видны льды, а настоящего полярного исследователя интересует не только то, что видно над льдом, но и то, что делается в толще льда и подо льдом, вплоть до самого дна океана. Поэтому корабль—единственная основа для всякого рода арктических экспедиций.

Но как же проникнуть в высокие широты Ледовитого океана?

После того как оказалось, что ни парусные, ни обыкновенные паровые суда не могут бороться с полярными льдами, знаменитый русский исследователь и ученый Степан



Путь „Садко". Точками на пути отмечены гидрологические станции — места, где научные сотрудники „Садко" делали исследования.

Осипович Макаров предложил идти к Северному полюсу напролом. По чертежам Макарова был построен ледокол «Ермак».

Построив этот ледокол, Макаров отправился на борьбу со льдами. В 1899 году он вошел в полярные льды к северу от Шпицбергена, но очень скоро, на широте 81 градуса 27 минут, вынужден был остановиться. Ледокол не справился со льдами. Несмотря на крепость корпуса шпангоуты — ребра ледокола—погнулись, и «Ермак» пошел назад, в Англию, на ремонт. Больше он не ходил в высокие широты.

Нельзя ли пройти подо льдом?

Раз нельзя идти через лед, нельзя ли пройти подо льдом? Эта идея не новая, но только в 1931 году ее попытался осуществить англичанин Вилкинс. Вилкинс и прежде много плавал и летал в полярных странах. Он пригласил к себе в помощники знаменитого норвежского ученого Свердрупа, сына того Свердрупа, который был капитаном на «Фраме» у Нансена.

Вилкинс раздобыл себе подводную лодку. Это оказалось вовсе не таким простым делом. Денег у Вилкинса было немного, строить новую лодку было не на что, поэтому он решил купить старую военную лодку, которую назвал «Наутилус».

Наутилус — это такой моллюск, который устроен так же, как подводная лодка: у него есть камера, он выпускает воду из этой камеры, становится легче и поднимается кверху. А когда он набирает воду в эту камеру, он становится тяжелее и опускается вниз. По имени этого моллюска Жюль Верн назвал «Наутилусом» придуманную им знаменитую подводную лодку капитана Немо, а по имени легендарной лодки капитана Немо назвали свою лодку Вилкинс и Свердруп.

В 1931 году «Наутилус» отправился к северу от Шпицбергена. В пути случилось маленькое несчастье с рулями. У подводной лодки есть две системы рулей: одни—вертикальные как хвост у рыбы, они сделаны для того, чтобы поворачивать вправо и влево, а другие—горизонтальные как плавники у рыбы. Если наклонить эти рули, лодка идет вниз, а если приподнять, лодка идет вверх. Эти боковые рули очень быстро испортились, и «Наутилусу» пришлось плавать в северных морях как обыкновенному надводному кораблю. Лодка заплыла довольно далеко, немного выше 82-й параллели, но не потому, что «Наутилус» был подводной лодкой, а потому, что льдов в тот год было мало.

И все-таки надо признать, что и эта попытка—пройти к полюсу на подводной лодке — пока что тоже обречена на неудачу. Если бы рули у «Наутилуса» работали, то и тогда он не смог бы пробиться подо льдом: ведь на каждые 10 метров глубины давление воды увеличивается на целую атмосферу. Значит, если захочешь нырнуть под лед на глубину 60 метров, нужно, чтобы корпус у лодки выдерживал давление в 6 атмосфер. А 6 атмосфер—это давление, которое поддерживается в хорошем паровом котле.

Мало этого, подводная лодка не может бесконечно находиться под водой: ей все время нужно возобновлять запас воздуха и заряжать аккумуляторы для работы электромоторов. Хорошие лодки могут пробыть под водой не больше 30 часов, а в полярном бассейне — огромные ледяные поля, и подводная лодка должна путешествовать под ними в полной темноте, потому что лед плотный, метров в 1½—2, а сверху еще лежит снег. И вот прошло 30 часов, подводной лодке надо подняться на воздух. Она поднимается и... стукается об лед, опускается опять, начинает искать выхода. Может быть, она случайно выйдет на открытое место, а может быть, будет три дня ходить около маленькой отдушины или даже около больших пространств открытой воды и стукаться об лед. Поэтому-то и на подводные лодки пока что рассчитывать нельзя.

Надо обмануть природу

Что же остается? Раз не удается фронтовая атака на природу, нельзя ли ее как-нибудь обойти, нельзя ли как-нибудь использовать ее слабые стороны? Эта мысль впервые пришла в голову Нансену. Он подметил, что остатки разбитых судов и много других предметов от берегов Северной Америки попадают к берегам Гренландии. У берегов Гренландии находили наконечники индейских стрел, гарпуны, весла и другие предметы индейцев Аляски. Как они сюда попали? Нансен решил, что эти предметы принес сюда лед. Это навело Нансена на мысль о том, что льды идут от Берингова пролива, минуя полюс, приблизительно к Гренландии. И вот он решил вмерзнуть вместе с кораблем в лед и проехаться на чужой счет.

Он перехитрил природу и еще в одном деле. Самое страшное в полярных условиях — это так называемое сжатие льдов.

Если вы прочтете когда-нибудь описание этих сжатий, вам станет страшно. Сжатие — ужасная вещь. От сжатия льдов погиб и «Челюскин» — его раздавило.

Тут-то Нансен и перехитрил природу: его корабль «Фрам» был так построен, что если его сжать с боков, он вылезет наверх.

И вот Нансен вошел в полярные льды к северу от Новосибирских островов. «Фрам» вместе со льдом пропутешествовал через весь полярный бассейн немного южнее Северного полюса.

Способ исследования, который применил Нансен, собственно говоря, является единственным, для того чтобы забраться в очень высокие широты. Но этот способ требует, во-первых, большого времени (экспедиция Нансена продолжалась три года), во-вторых, этот способ очень рискованный. Помимо уменья и расчета Нансену еще просто повезло.

Сейчас наши сведения о льдах расширились, и мы знаем, что в центральной части полярного бассейна льды не просто идут с востока на запад, а находятся в круговом движении. Мы знаем, что центр этого движения расположен где-то между 80 и 85-м градусами северной широты над Беринговым проливом. И хорошо, что «Фрам» Нансена попал на край этого круга, а попади он ближе к центру, возможно, что его начало бы кружить, и неизвестно, сколько времени прошло бы до тех пор, пока лед вынес бы его куда-нибудь.

По пути Нансена в последнее время шел и я в своих экспедициях. Но я шел несколько иначе: я тоже решил перехитрить природу.

Ведь мы знаем, что в Арктике становится теплее. Мы знаем также, что исследования на западе дают возможность предугадать, что будет делаться на востоке. И вот я считаю и считал, что можно получить те же научные результаты и забраться так же глубоко в центр Арктики, а может быть, и выше чем Нансен просто по чистой воде, без всяких льдов.

В 1934 году я на «Персее» огибал Шпицберген и знал, что в 1935 году условия льдов будут легкие. Поэтому, когда Георгий Алексеевич Ушаков предложил мне принять участие в экспедиции на «Садко» в качестве ее научного руководителя и своего заместителя, я согласился на эту экспедицию. Значит, экспедиция на «Садко» — это прежде всего результат глубокого изучения Арктики. И в будущем, если мне придется идти в экспедицию, в какой бы то ни было район, я пойду, только предварительно изучив этот район, составив себе ясное представление о том, что меня ожидает в этом районе. Без этого идти не стоит.

Экспедиция „Садко"

Мы вышли 6 июля 1935 года. Зашли в Мурманск и пошли дальше. Но настоящую работу мы начали только с 14 июля на линии от Норд-Капа до Шпицбергена.

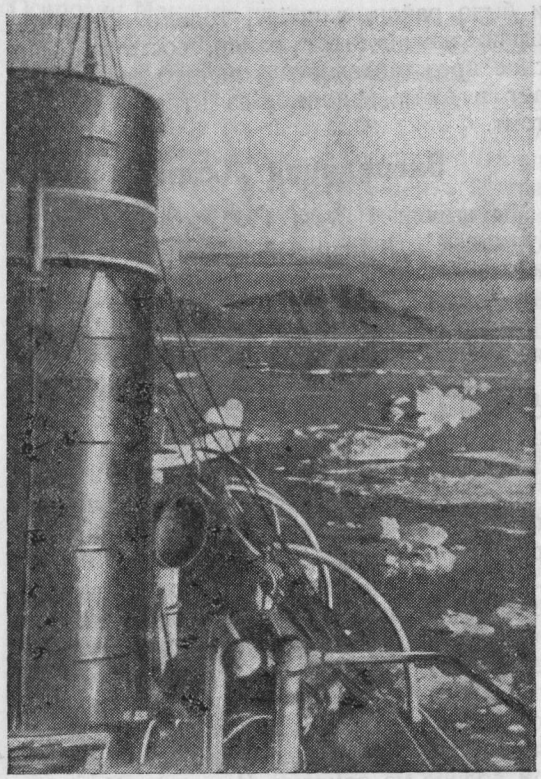
Многие думают, что Норд-Кап — крайняя северная точка Европы.

Это неверно! Норд-Кап расположен на острове, а не на материке. Самая крайняя точка Европы — Норд-Кин, рядом с Норд-Капом.

Норд-Кап все помнят и знают, потому что он красив и живописен. Норд-Кин некрасив. Норд-Кап — это скала в 300 метров высоты. На самом ее верху стоит маленький ресторанчик. Туристы ежегодно ездят на этот остров, они поднимаются по лестнице в ресторанчик и смотрят оттуда на незаходящее солнце. Норд-Кап находится под 70-м градусом северной широты за полярным кругом, а летом за полярным кругом солнце не заходит. И кругом Норд-Капа очень красиво. Там много глубоких заливов с отвесными берегами. Эти заливы — бывшие русла ледников, так называемые «фиорды».

Там есть еще очень интересное зрелище — это «птичьи базары». Не думайте, что «птичий базар» — это место, где продают кур. «Птичьи базары» — это скалы, на выступах которых сидят птицы. Если выстрелить из ружья, со скал поднимется столько птиц, что станет темно как при затмении солнца, от их криков поднимается такой шум, что нельзя будет разговаривать.

Полюбовавшись как все Норд-Капом, Норд-Кином и «птичьими базарами», мы направились к острову Медвежьему, открытому в 1596 году Баренцом — знаменитым голландским путешественником, именем которого называется Баренцово море. Потом дошли до южной оконечности Шпицбергена и повернули к кромке гренландских льдов. Вся северная часть Атлантического океана называется Гренландским морем. Это главная отдушина Северного ледовитого океана. Сюда вдоль берегов Гренландии выносит льды из полярного бассейна. Южнее к этим льдам присоединяются еще льды Баффинова залива, и все они спускаются к югу, к Ньюфаундленду, и доходят до Гольфстрима.



«Садко» у северовосточных берегов Шпицбергена.

Конечно, не все льды доходят туда, а только отдельные айсберги — ледяные горы. Эти ледяные горы откалываются от ледников. Ледники, или глетчеры, опускаясь в море, уходят в глубину. Но лед легче воды, поэтому он стремится всплыть. Когда плавучая сила ледника пересиливает его прочность, ледник обламывается или, как говорят, ледник «телится», и родится айсберг.

Айсберги иногда доплывают до 35 градусов северной широты, и прежде они приносили много несчастья мореплавателям. В 1912 году самый крупный в то время пароход «Титаник» погиб от столкновения с айсбергом. С тех пор по пути между Европой и Америкой, на пути спускающихся с севера айсбергов, все время ходит специальный дозор, который следит за каждым айсбергом. Если айсберг выходит на дорогу кораблей, его стараются уничтожить, а когда айсберг слишком велик, тогда дозорный пароход идет рядом и все время дает радиограммы: «Берегитесь, берегитесь, в этом месте плывет айсберг».

Мы прошли вплоть до гренландских льдов, но во льды не входили. Мы прошли вдоль кромки льдов и повернули в Баренцбург.

Баренцбург и Амстердам

Баренцбург — это замечательный город. В Баренцбурге живет 1200 наших горняков. У них прекрасно организована жизнь: у них есть школьный комбинат, есть детские ясли, учреждения для детей дошкольного возраста, есть школы и техникумы и даже рабфак. В Баренцбурге есть великолепный театр. В день нашего приезда в нашу честь горняки Баренцбурга поставили оперу «Русалка». Много там хорошего, но больше всего мне понравились в Баренцбурге детские ясли. Вы знаете, что всем нам, а особенно детям, необходимо солнце: без солнца мы вянем и чахнем, а на Шпицбергене 4 месяца в году совсем темно, и на детей это действует очень скверно. И вот в этих яслях устроены искусственные солнца, которые все время греют и освещают детей.

В Баренцбурге мы пробыли недолго. Здесь мы приняли уголь и отправились сначала опять к гренландским льдам, а потом дальше, на север. Ночей не было: солнце все время не заходило. Время дня или ночи мы узнавали так: если чай, — это значит утро, обед, — значит полдень, ужин, — значит конец дня. Других признаков не было. Можно было бы еще судить по солнцу: выше оно или ниже, но мы все время шли в туманах и никак не могли различить, что сейчас: полдень или полночь?

Часто мы спрашивали друг друга, который час: десять утра или десять вечера?

Погода все время нам благоприятствовала, и это было очень хорошо. Я очень боялся этой северной Атлантики, потому что зюйд-вест здесь нагоняет такую волну, так бросает корабли, что нас могло бы поломать, а мы с точки зрения мореходности были не очень сильны. У нас на палубе стояли два аэроплана. Нам предстояли высадки на берег для исследований, и поэтому наверху, в специальных домиках, жили 35 собак. Потом мы могли зазимовать где-нибудь, и на этот случай у нас были разборные дома, лодки, санки, ледянки — все это взяли на палубу. Ну, а если вы не хотите болеть в Арктике, вам нужно хорошо питаться. Некоторые думают, что хорошо питаться — это значит есть по 4 «эскимо» в день. Но там так питаться нельзя. Надо есть свежую зелень и свежее мясо. Чтобы иметь это свежее мясо, мы взяли с собой

живого быка и 8 живых свиней. Надо сказать по секрету, что бык вел себя вполне прилично, а свиньи оказались настоящими свиньями: их так укачало, их так тошнило, что они испачкали все кругом, и это было ужасное свинство с их стороны.

Вот так мы пробирались постепенно на север. Мы проходили в замечательных, теперь забытых местах. Эти места гремели лет 100 — 150 назад. Мы сейчас удивляемся, что в Баренцбурге у нас живет 1200 человек. А вот еще севернее Баренцбурга, около острова Амстердам, 150 лет назад каждую весну собиралось по 10—12 тысяч человек. Здесь происходили самые настоящие морские сражения между судами отдельных наций. Иногда дело доходило до того, что приходилось вызывать английские и голландские военные корабли. И все это делалось потому, что в то время это место было полно китами. Оно так и называлось Китовая бухта. Здесь был самый большой в мире китовый промысел.

Кажется, как будто сама природа сделала все, для того чтобы здесь водились киты. Мы сейчас знаем совершенно точно, что кромка тающих льдов — самое сытное место в море. Около нее бурно развивается жизнь мельчайших, микроскопических растений, которые плавают в воде. Они называются «фитопланктонами». Тут же водится масса животных, главным образом рачков разного цвета и вида, которые питаются фитопланктонами. Эти рачки называются «зоопланктонами». Чайки, рыбы питаются зоопланктонами, а рыбы в свою очередь составляют главную пищу других животных. В Китовой бухте, где проходят с одной стороны теплые атлантические воды, с другой стороны спускаются гренландские льды, где таяние льдов идет особенно быстро, создаются замечательные условия для развития планктона. Киты приходили сюда питаться как на пастбище, а люди приходили за китами. Каждый китобойный корабль старался добыть побольше китов, захватить побольше от этого огромного богатства. Китов безжалостно истребляли, и это привело к тому, что сейчас там китов почти не осталось. Теперь охота на китов у Шпицбергена запрещена. Я много плавал в этих районах и в 1934 году видел только 3 китов в Китовой бухте, а в 1935 году ни одного кита мы так и не встретили.

Неудача „Садко“

Мы пошли дальше на север, потом на восток, и здесь потерпели маленькую неудачу. Вот в чем она заключалась. В 1707 году английский капитан Джиллис шел на северовосток от Шпицбергена и по пути видел большую высокую землю, с тех пор эта земля на картах называется Землей Джиллиса. После него никто по-настоящему этой земли не видел.

В 1899 году Макаров плавал на «Ермаке» в этом районе. Он говорил, что как будто видел эту землю, но ручаться не может. В 1925 году английский капитан Уорслей тоже плавал в этом районе и тоже как будто видел эту землю, но тоже не наверное. В 1930 году я плавал здесь и тоже как будто видел эту землю, но тоже ручаться не могу. В 1934 году я опять плавал здесь и опять как будто видел эту землю, но опять же ручаться не могу!

И в 1935 году мы опять попробовали эту землю увидеть. У нас были самолеты. Они поднимались, искали, но мы так и не увидели этой земли. В том районе, где мы ожидали ее увидеть, стояли сплошные туманы, и летчик Бабушкин упирался в них как в стену. Я думаю, что я еще раз попаду туда и все-таки увижу эту Землю Джиллиса.

Вы, вероятно, удивляетесь, почему я до сих пор ничего не рассказал про белых медведей. Хорошо. Я расскажу.

Про белого медведя

Если бы белого медведя не было, его надо было бы выдумать.

Представьте себе какую-нибудь зимовку, какую-нибудь потерпевшую несчастье полярную экспедицию.

Вот она пробирается со страшными трудностями. Пищи все меньше и меньше. Начинают подумывать о том, чтобы есть сапоги, подметки или ремни. И вдруг появляется мишка.

Жиру у него много, мяса у него много, он даст вам и мех, чтобы согреться. Его и искать не надо: он сам к вам идет. Он подойдет к вам на 10 шагов и громко попросит:

— Стреляйте в меня, пожалуйста, только поскорей.

Стоит, бывало, «Садко» во льдах. Я сижу в каюте и вдруг слышу невероятный топот на палубе. Это охотники сходят с ума: они не могут равнодушно смотреть, когда что-нибудь живое движется по льду. Выхожу. Идет медведь. Умоляешь, запрещаешь: «Пожалуйста, не стреляйте!»

Ведь чем больше выдержки, тем это становится интереснее. Однажды мне удалось

Охотники с «Садко» волокут убитого медведя.

немного удержать наших охотников и они не сразу начали стрелять. Медведь подошел к кораблю на 10 метров. Мало того, он перед самым кораблем повалялся немного в снегу, потом закрыл себе лапой нос и пошел дальше, на нас. Нос у медведя — единственная черная точка, а все остальное белое, под цвет снега. Вот он и прячет нос, чтобы его не увидели. Я не совсем понимаю, что это у медведя: отсутствие ли страха или что другое, но сколько медведей я ни видел, они идут на вас до тех пор, пока вы не выстрелите. И если можно было бы набрать компанию моряков (а это невозможно), которые стреляли бы не сразу, как только увидят медведя, я убежден, что медведь полез бы на борт ледокола.

Ну, а потом, когда кто-нибудь выстрелит, начинается некрасивое зрелище и обычно тридцатым «метким» выстрелом медведя убивают.

Полярные цветы

Когда вы думаете об Арктике, у вас, вероятно, представление о ней как о чем-то необычайно белом. И действительно, Арктика совершенно бела зимой и ранней весной, но летом и осенью Арктика вовсе не бела. У кромки льдов и на самом льду в Арктике очень много жизни. Иногда она просто поражает. Некоторые растения и грибки цветут на льду, и лед от этого приобретает изумительные оттенки: от красно-бурого и красного до зеленого. Другой раз смотришь, и кажется, вот на этой льдине только что свежевали тюленя — такая масса крови вылита на льдину. Подходишь ближе, берешь пробу этого снега, рассматриваешь в микроскоп и видишь, что это не кровь, а маленькие растения — диатомеи. Там, где лед тает, он живет и цветет. Белым он становится тогда, когда его запорошит снегом или когда он только что образовался. По цвету лед необычайно разнообразен. Встречаются льды белые как мрамор, как сахар-рафинад, встречаются льды, напоминающие изумруд, встречаются льды с коричневатыми оттенками.

Мы видели в 1935 году льдину, поднимавшуюся на метр над поверхностью моря. Это была ровная многолетняя льдина. Морской лед образуется из соленой воды и поэтому он соленый. Со временем он становится все преснее и преснее: соль просачивается все глубже и глубже, и лед через несколько лет становится совершенно пресным. Это спасение для полярных мореплавателей: лед служит им источником питьевой воды. На льдине, которую мы встретили, было озерко. Мы взяли из него 220 тонн чудесной пресной воды, а цвет ее был синий-синий, такой красивый, что я не знаю, как передать. Это был прозрачный синий цвет. Чем старше льдина, тем она синее.

Загадка Кропоткина

После Новой земли началась самая интересная часть нашего плавания между Землей Франца-Иосифа, Северной землей, Новой землей и побережьем Таймыра. Там находится Карское море. Верхняя часть Карского моря посещалась только четырьмя кораблями. Первый корабль, шкуна «Святая Анна», в 1912 году был зажат льдами, и его продрейфовало через Карское море в район к северу от Земли Франца-Иосифа. Здесь со шкуны сошло 11 человек во главе со штурманом Альбановым. Из этих 11 только 2 пришли на Землю Франца-Иосифа. Это был первый корабль, посетивший этот район.

В 1930 году сюда пришел ледокол «Седов», открыв по дороге остров Визе и остров Шмидта. В 1932 году еще 2 корабля посетили этот район: «Сибиряков», который под начальством Шмидта прошел на Дальний Восток, и другой маленький корабль «Книпович», обогнувший Землю Франца-Иосифа. На «Книповиче» я был начальником экспедиции. Кроме этих кораблей здесь никто еще не бывал. А этот район представляет огромный научный интерес. Он был большим белым пятном Арктики, которое надо было изучить.

История этого белого пятна довольно старая. Был такой русский революционер и великий географ — Кропоткин. Кропот-

кин, изучая плавание кораблей в Баренцовом и Карском морях, обратил внимание на то, что в этих морях встречаются только молодые льды. Тогда Кропоткин предположил, что на севере есть какая-то преграда, какая-то земля, которая не допускает многолетние льды полярного бассейна в Баренцово и Карское моря. И действительно, вскоре после этого была открыта Земля Франца-Иосифа. Но она одна не решала вопроса.

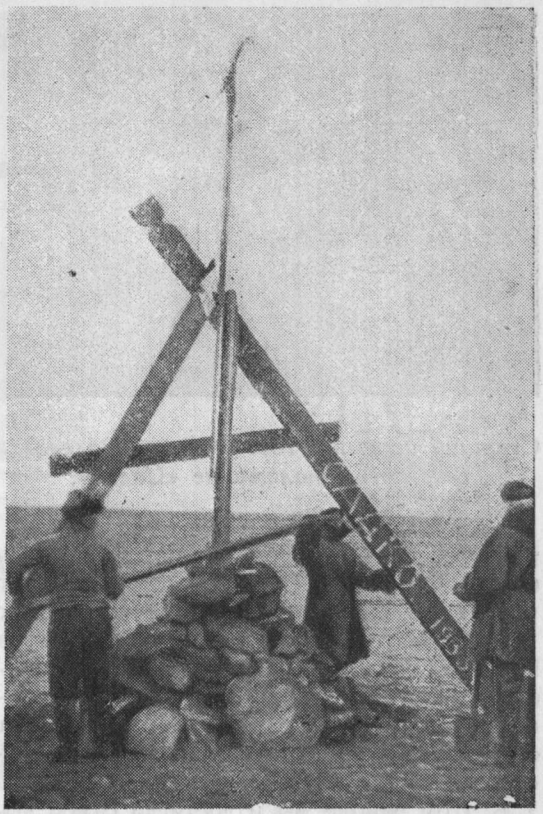
После этого, когда начали разбирать путь корабля «Тагетгоф», открывшего Землю Франца-Иосифа (его тоже дрейфовало вместе со льдами в этих местах), когда начали сопоставлять направление действующих ветров и направление дрейфа, тогда решили, что на востоке существует что-то, что мешало правильному дрейфу «Тагетгофа».

И действительно, в 1913 году была открыта Северная земля. Но и она не решала вопроса: между Северной землей и Землей Франца-Иосифа оставался большой широкий пролив. Когда разобрали дрейф шкуны «Святая Анна», профессор Визе предположил, что этот дрейф отклонен какой-то землей. И действительно, в 1930 году был открыт остров, названный Островом Визе. Но и этого было мало: маленький остров Визе тоже не мог решить вопроса. И только теперь, после того как мы открыли громадное мелководье, простирающееся до 82-го градуса северной широты с Островом Ушакова посредине, последняя загадка Кропоткина, загадка «Тагетгофа» и «Святой Анны» оказалась решенной. Действительно, Северная земля, Земля Франца-Иосифа и это мелководье, которое мы назвали «Мелководьем «Садко», служат той загородкой, которая задерживает льды полярного бассейна.

Почему же это мелководье задерживает лед?

Прежде чем об'яснить это, надо рассказать про Остров Ушакова, названный так в честь начальника нашей экспедиции. Вы все видели черепаху и щит черепахи. Так вот положите его округленной вершиной кверху и вообразите, что весь он покрыт льдом, ни кусочка земли нет, только лед. Местами этот лед поднимается отвесной скалой метров в 15, а местами поднимается постепенно от самой воды к средней части острова метров на 200—300. Вот что такое Остров Ушакова. Такие острова называются «Ледяными шапками».

Когда вы получите письменную работу по составлению карт, просите, чтобы вам



Установка знака на открытом острове.

дали снять карту Острова Ушакова. Если у вас будет какая-нибудь ошибка в очертании, скажите, что кусочек льду отвалился, только не рисуйте меньше, а рисуйте больше. Этот остров — сплошной ледник, и от него все время отваливаются айсберги. Они то уменьшают его размеры, то увеличивают. Когда эта «корова» плохо телится, — тогда остров побольше, а когда хорошо, — поменьше.

Отколовшись, айсберги пускаются в плавание и плавают до тех пор, пока не приткнутся к какой-нибудь мели. Тогда они переходят в класс стамух, т. е. стоят на месте. И вот эти стамухи берут на себя обязанность островов: лед не может через них пройти, упирается в них и дальше не идет. Благодаря этим стамухам здесь получается как бы земля.

Кусочек Атлантики

По обе стороны «Мелководья «Садко», из полярного бассейна с севера на юг, идут 2 канала. Один из них выходит в Баренцо-

Старший штурман тов. Марков определяет секстантом положение «Садко».

во море, а другой проходит между «Мелководьем «Садко» и Северной землей. И вот что самое замечательное: в этих каналах мы нашли то, что недавно исследовали в Гренландском море. Мы нашли атлантических животных, нашли по химическому составу атлантическую воду. Чем дальше на север мы продвигались, тем больше мы чувствовали Атлантику.

В этом районе мы и достигли самой высокой широты, которой когда-либо достигал в Ледовитом океане свободно плавающий, а не зажатый и несомый льдами корабль, а именно 82 градуса 41,6 минуты северной широты. Глубина моря в этой точке оказалась очень большой, почти в 2½ километра. Мы исследовали толщу океана от самой поверхности и до самого дна, добыли образцы животного мира. Удивительное дело! На такой глубине всегда совершенно темно, давление воды здесь 200 с лишним атмосфер, и все-таки живые существа здесь рождаются и живут. Нет таких глубин в океане (а наибольшая глубина океана свыше 10 километров, давление там доходит до 1000 атмосфер), где бы не было жизни.

В Гренландском море, где глубина доходила до 3½ километров, мы ловили из глубины удивительных фиолетовых рыб с голубыми глазами. Водились там и красные слепые рачки с длинными (в 3 раза длиннее их тела) усами, служащими им для ощупывания, и другие, живущие на дне, с лопаточкой под подбородком, которой они взрывают морской ил, ища себе пищи. Но те же находки на севере Карского моря радовали нас несказанно: всегда приятно что-нибудь увидеть, что-нибудь узнать, что-нибудь сделать первым, а в этом районе до нас никто не был, и каждый день то один, то другой научный работник открывал в своей области что-нибудь новое.

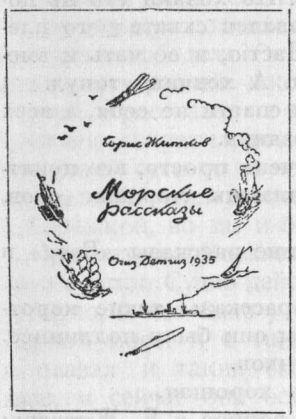
Успех нас окрылял, усталость как рукой снимало, и только потом, когда мы подсчитали, оказалось, что многие из нас спали по 2 — 3 часа в течение многих дней и даже недель.

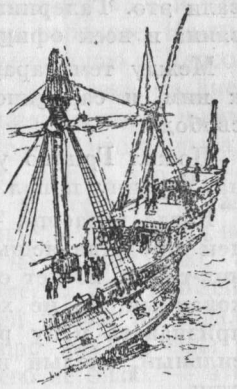
Самое замечательное во всем этом плавании было то, что мы достигли высоких широт без борьбы со льдами. Мы здорово поплутали в этом районе. Наш путь был похож на путь зайца, путающего свои следы. Но в этой путанице была закономерность. Она заключалась в том, что места наших станций надо было распределить равномерно на весь район. Мы старались идти больше по чистой воде, придерживаясь правила: в лед всегда успеем войти. Так мы переделали морскую поговорку: «Не выспаться всегда успеешь». Ведь на море всегда может случиться так, что долго не придется спать.

Благодаря тому, что мы использовали возможности, которые нам открывала природа, мы и достигли рекордных широт по чистой воде. И я не вижу в этом абсолютно ничего позорного, напротив, это — самое разумное использование сил природы. И мы не повредили корабль борьбой со льдами. Наш корабль «Садко» вернулся в Архангельск совершенно целым и уже через несколько дней ушел на Шпицберген с грузом.

Мы неплохо поработали в этой экспедиции. Академия наук и другие научные учреждения высоко оценили наши работы. Но причина удачи нашей экспедиции была не только в наших знаниях, не только в нашей работе, но и в том, что нигде, ни в одной стране, кроме нашей, осуществить такую экспедицию невозможно. И если мы говорим, что неплохо поработали, то в этом не только наша заслуга.

Все, что мы сделали, все, что вы делаете, учась сейчас, все, что вы будете делать, когда вырастете большими, должно окрыляться сознанием, что мы живем в Стране советов, что нами руководит партия, что нами руководит товарищ Сталин.





Морские рассказы

Недавно мы прочли книжку Б. Житкова «Морские рассказы». Книжка очень хорошая и интересная. Самый лучший рассказ это про Грицко — «Черные паруса». Как начнешь его читать, так и не оторвешься, пока до конца не дочитаешь, потому что неизвестно, что же дальше случится с Грицко.

Ночью подпалили казаки турецкий аул, а сами засели в кукурузе и высматривают, чья изба побогаче, чтобы стащить добро. Потом кинулись казаки к куче разных вещей, стали хватать их. А турки сначала только кричали, а потом как кинутся за казаками. Все казаки удрали, только один Грицко попал в плен к туркам. Избили турки Грицко и посадили в сарай. Утром пришли за ним, повели куда-то. Он думал: топить или вешать повели. А турки положили Грицко на дно лодки и повезли.

Привезли Грицко в Царьград на базар. Житков очень смешно написал про этот базар, в особенности про арапчат, которые сами свою цену кричали. На этом базаре людей продавали.

Грицко купил какой-то важный купец. Корабль, на который привезли Грицко, был очень красивый. Грицко работал вместе с матросами, тянул канаты, ставил паруса. А на обед ему дали один сухарь. Корабль пошел к Босфору.

Вдруг Грицко заметил панику на корабле. А далеко, на горизонте, виднелись красные паруса. Это пираты гнались за кораблем, красные паруса значили, что они требуют боя.

Тогда венецианский корабль поставил черные паруса, чтобы его, когда стемнеет, не было видно.

Потом ветер перестал дуть, и четыре пиратских судна стали догонять корабль. На корабле приготовились к битве, но тут налетел шквал, и корабль ушел от пиратов.

Пришел корабль в Венецию.

Грицко привели на галеру. Там было приковано цепями к скамейкам много невольников, они держали весла в руках и гребли. Грицко тоже посадили на цепь, а вокруг ходило несколько надсмотрщиков с хлыстами: они били тех, кто плохо работал. Рядом с ним сидел негр. А первый от борта был старый каторжник-турок. Он уже 10 лет был на этой галере.

Гребли они под дробь барабана.

Вдруг негр передал тихонько Грицко пилку. Когда надсмотрщики ушли обедать,

Грицко начал перепиливать цепи. А шла галера на битву с сарацинами. Встретили сарацинскую суэту и выбросили красный флаг. Приготовились к бою. И вдруг в самый решительный момент свистнул старый каторжник (так было заранее условлено) — и встали все рабы со своих мест. Цепи они давно перепилили, только скрывали это. Галерники сбросили в воду хозяина и всех офицеров.

Между тем сарацинская суэта подошла к ним, и сарацинский капитан дал всем свободу.

Пожил Грицко у турка, а потом к себе на Украину попал.

Когда читаешь, — сразу себе всех людей представляешь. Вот старый каторжник-турок. 10 лет сидит он на галере прикованный, но не хочет сдаться, не хочет признавать папу римского. Он упрямый, сильный, смелый и очень хороший товарищ.

Такой же и матрос Ковалев в рассказе «Шквал». Дело было так. Пронесся шквал, и лодку перевернуло. Все растерялись, только Ковалев сообразил, что не надо рубить дно, а то воздух выйдет и вода зальет всю лодку.

Он обмотался веревкой и вынырнул через люк. За ним все матросы.

А хозяин в своей каюте начал рубить дно. Ковалев хотел его спасти. Он нырнул под судно и нащупал под водой люк в хозяйскую каюту. Но хозяин его не послушался. Тогда Ковалев схватил его племянницу, девочку Настю, и ее мать и вместе с ними выплыл. А хозяин утонул.

Ковалев старался спасти не себя, а всех матросов и даже хозяина.

Пишет Житков очень просто, все понятно, даже если не знаешь морских слов, можно догадаться.

Еще очень хорошие рассказы «Вата» и «Компас».

Жалко, что эти рассказы такие короткие. Лучше, если бы они были подлиннее.

Потом мало рисунков.

Но книжка очень хорошая.

У нас есть один вопрос к Б. Житкову: было ли то, что он пишет, на самом деле, или это он придумал?

И потом просим Б. Житкова написать про индейцев.

Правда ли?

Ответ писателя

Такой вопрос часто от ребят слышишь: правда ли то, что написано в рассказах? И когда скажешь, что в точности этого не было, то сейчас же рукой махнут: о, значит, враки, враки! И многие даже обижаются на писателя. Писал, как будто и в самом деле так было, а на поверку тебе: все, оказывается, враки одни.

Теперь смотрите. Вот написали нам ребята, что им понравился мой рассказ «Черные паруса». А там рассказана история с запорожским казаком Грицко, и вся эта история происходит 3½ века назад. Ясное дело: видеть этого Грицко я не мог, да и корабли такие на морях уж не плавают, и людей в Константинополе не продают. Так что вы думаете: выдумал я это все? Нет, не выдумал. Я узнал по старинным рисункам и по описаниям, какие были тогда корабли. Прочитал несколько книг про тогдашние порядки на судах, про то, как на них работали, как управляли, какие случаи бывали в пути. Узнал из английских книг историю венецианского флота, жизнь галерников, и много-много пришлось перечитать и пересмотреть, пока не представилась в голове картина жизни того времени.

Я мог бы, конечно, сделать выписки из разных книг, перерисовать старинные картинки и чертежи—и все это собрать в одну книгу. Но читать мои выписки мало кому было бы интересно. Надо все, что я узнал про тогдашнюю жизнь, пустить в ход, заставить одно с другим сталкиваться, переплетаться. Как это сделать? И вот я решил взять один случай, которых было множество. Ни одного случая от начала до конца я не знал, и узнать мне было неоткуда. Но зато я уже знал, что могло быть тогда и чего не могло. И вот я описал такой случай, когда все шло так, как могло тогда идти, и это не «враки». А вот если б в те времена у меня вдруг выплыл из-за мыса дредноут в 40 тысяч тонн или Грицко домой улетел

на самолете, то это были бы настоящие враки. Или казака моего звали бы не Грицко, а Фердинанд.

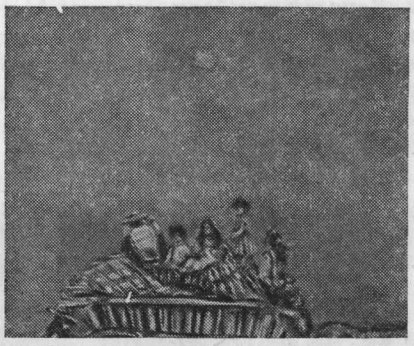
Теперь про другие рассказы. В рассказе «Компас», который вам нравится, почти точно описано то, что было со мной и моим товарищем Сережей. Его потом за другое такое же дело сослали на каторгу. Революция его освободила. Он теперь в Сибири директором средней школы. Описывая этот случай, я рассказал не все, что с нами было: я сильно сократил, всякие мелочи выкинул, они самой сути-то не изменили бы, а читать их было бы неинтересно никому, разве нам с Сережкой, но мы и без того знаем.

Про матроса Ковалева. Я тут два случая свел в один. Судно действительно так перевернуло, и это было у одесских берегов, на Черном море. А с таким хозяином-греком я плавал и таких было множество, думаю, и сейчас они остались еще заграницей, остальных с'ел кризис. Наверно, они разорились и продали свои суда на слом. А вернее, застраховали в хорошую сумму и нарочно утопили, чтобы получить страховые деньги. Ковалева я тоже не выдумал, а это мой даже приятель был такой, фамилия его только не Ковалев, а Коваленко. Он не такие еще штуки отчесывал.

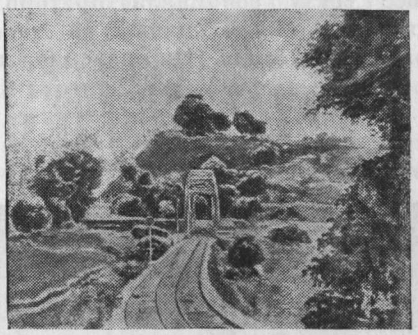
Про «Марию и Мэри»—это тоже не выдумано, а такой случай был. Конечно, я не слыхал, что говорили на паруснике и что говорилось в это время на пароходе. Но таких хозяев-украинцев было полно в Херсоне, на Голой пристани, в Збурьевке, на Днепре. И английских капитанов я таких много видел. Какой именно тот был, что разрезал парусник, я не знаю. Но уверен, что он не очень отличался от тех, каких я знал. Так что ни капитана, ни шкипера-украинца я не выдумал, случай тоже не выдуманный, а только я все это свел вместе. А вот индейцев я ни одного в своей жизни не видал. И как я могу писать про них? И если я начну писать про то, чего не знаю, — это вот будут подлинные враки.

Борис Житков

Московские художники



А. Тышлер. «Цыгане».



Г. Нисский, «Пейзаж».

Мы были на выставке картин московских художников, которая открылась в Музее изобразительных искусств. Мы посмотрели картины только в одном зале, во втором не успели. Вот что нам понравилось на выставке больше всего.

Там есть четыре картины художника Тышлера. Называются они все — «Цыгане». На одной нарисована небольшая повозка, на повозке сидят четверо цыган. У них яркие, красивые одежды. Они куда-то едут. Кругом уже сумерки, видна луна. Смотришь на эту картину, так и кажется, что видишь, как они едут. Лошадь идет медленно-медленно. Цыган трясет, и им хочется спать.

Так и представляешь себе бродячую жизнь цыган. Живут они на одном месте недолго. Вон и шатер раскинут у них наспех.

Тышлер изобразил их очень хорошо.

Мы долго стояли перед этими картинами. Они сразу бросаются в глаза, и от них не хочется отходить. Всем ребятам они очень понравились.

Понравилась нам еще картина Финогенова «Комсомольцы метро». Лица у всех комсомольцев энергичные, простые. А одна девушка сидит и улыбается. Художник их как-то так нарисовал, что сразу видно, что они все очень дружат между собой.

Еще очень хорошая картина — выступление Кирова на XVII с'езде партии. Он стоит и что-то говорит. Наверное, что-нибудь очень смешное, потому что Сталин, Ворошилов, Каганович — все смеются.

И сам Киров улыбается. Лицо у него простое, хорошее, веселое.

Эта картина большая, и на ней нарисованы все наши вожди.

Еще нам понравились картины художника Нисского. Он написал их с натуры.

Вот его небольшая картина «Летний день». Видны несколько деревьев, железная дорога вдалеке, стоит девушка с велосипедом. Вся картина какая-то светлая, солнечная, летняя.

Есть у него картина «Ветер». Все поле на ней нарисовано разноцветными крапинками, и от этого рябит в глазах.

Когда мы увидели картину «Красково», так все сразу вспомнили пригородные станции. Они очень похожи на то, что изобразил художник. Он, наверно, долго наблюдал эту станцию. У него все мелочи изображены точно.

Еще есть хорошая картина «У окна» Львова. Девушка в розовом платье вышивает, а из открытого окна на нее падают солнечные лучи и видны листья деревьев.

На выставке много хороших картин. Обо всех не напишешь.

Но некоторые картины нам не понравились.

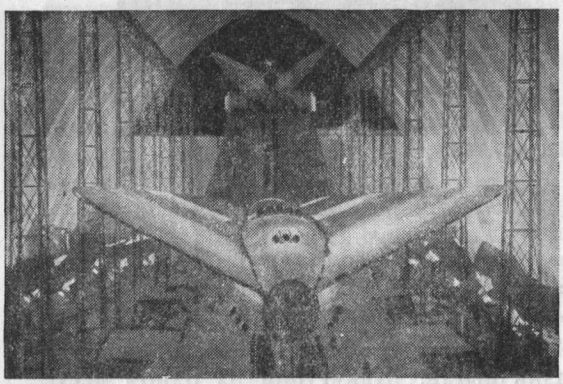
Вот, например, Козлов нарисовал картину «Утро в проливе». На ней изображена Москва-река около Центрального парка культуры и отдыха. Вся картина нарисована какими-то голубыми красками, и деревья тоже голубые и похожи на фонтаны. На картине все нарисовано очень расплывчато. И если сравнить с деревьями будочку, то деревья окажутся страшно высокими, какими они в жизни не бывают.

Нехороша тоже картина «Пионер». Нарисована девочка, на пионерку непохожа: какая-то старая, и губы у нее как накрашенные, и галстук у нее завязан неправильно.

Шубровский Станислав, Костинцева Зоя, Зайцева Катя, Веревитина Шура, Суворова Тамара, Ефимова Вера.

Москва, 6-я школа Кировского района

Космический рейс



Ракета готова к полету.

Режиссер Журавлев обсуждает с К. Э. Циолковским сценарий о полете на Луну.

Недавно мы смотрели научно-фантастическую кинокартину «Космический рейс». В постановке этой картины принимал участие, когда был жив, К. Э. Циолковский.

Картина нам очень понравилась. От нее нельзя оторваться, и все смотришь, а когда уже конец, даже обидно становится, что так быстро кончилось.

Дело происходит в 1941 году в Москве. Академик Седых собирается лететь на Лу-

ну в ракете, которую он сам изобрел. Хочет взять с собой своего аспиранта Виктора. Однажды младший братишка Виктора Андрей приходит в Институт межпланетных путешествий и встречает академика Седых. Он показывает академику свое изобретение — автоматическую рогатку с оптическим прицелом. Седых ведет Андрюшу в ангар: он тоже хочет показать ему свое изобретение. В ангаре стоят две колоссальные ракеты для полета на Луну. Академик Карин, друг Седых, отговаривает его от полета и старается доказать, что это путешествие неминуемо закончится гибелью. Он показывает свою экспериментальную ракету, которая поднялась на 100 000 метров от земли. В этой ракете летал кролик, и он сдох от разрыва сердца.

Но Седых ему отвечает: «Друг мой, ведь мы не кролики». И назначает день полета на Луну.

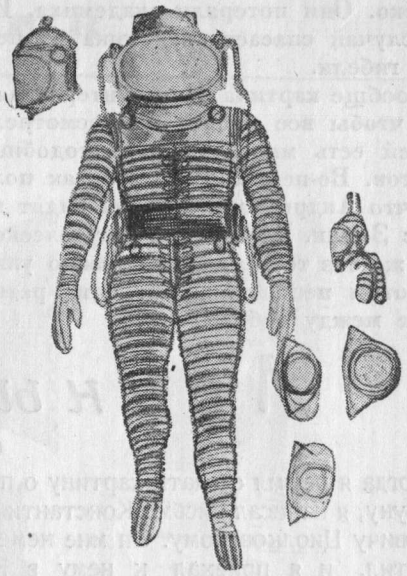
Академик Карин и Виктор сговариваются не пускать Седых на Луну. Разговор услышал Андрюша и решил полететь с академиком на Луну. Он просит академика дать пропуск юным астрономам в ангар в день полета. Академик, ни о чем не догадываясь, дает пропуск.

В самую последнюю минуту перед полетом Андрюша пробирается в ракету, а его друзья-пионеры задерживают академика Карина и не дают ему возможности остановить ракету. Только когда ракета уже тронулась, Седых замечает Андрюшу. Они летят втроем: Седых, Андрюша и еще одна девушка — Марина. Тут очень интересно показан их полет до Луны в мире без тяжестей. Они не ходят, а летают и прыгают большими прыжками.

Ракета ударилась о Луну. От сильного сотрясения разбивается кислородный агрегат. Без него лететь обратно на Землю невозможно. Седых и его спутники одевают специальные костюмы и выходят из ракеты.

Они дают сигнал земле: поджигают порох. Через несколько времени они видят ответную вспышку на Земле. Значит, их сигнал заметили.

На Луне с путешественниками случается очень много всяких приключений. Они лазают по черным, похожим на каменный уголь горам, ходят по очень ровным, словно асфальтовым площадкам. Однажды они делают ценное открытие: они находят куски застывшей атмосферы. Эти куски могут заменить им утерянный кислород. Они собираются в обратный путь.



Костюм для прогулок на Луне.

В это время на Земле снаряжается вторая ракета, на которой должен лететь академик Карин на помощь Седых. В день полета на Луну второй ракеты астрономы, наблюдавшие за Луной, заметили, как на парашюте спускается ракета Седых.

Технически эта картина сделана очень хорошо. В книге Жюль Верна «Из пушки на Луну» еще нет такой техники, как в этой картине. Там ракета—просто снаряд, а здесь все до мелочей продумано. У ракеты очень хорошая форма и такая обтекаемость, что она сможет быстро лететь и воздух не будет за ней завихряться. Самый замечательный человек в этой картине — это академик Седых. Он нисколько о себе не заботится. Самое важное для него — проверить, правильно ли его научное изобретение или нет. А ведь он уже не молодой. Он очень смелый, он не боится катастрофы. В картине есть очень смешной момент, когда его жена, старушка, собирает его в дорогу. Она кладет ему и валенки и платки шерстяные, а он вместо всего этого кладет книги.

Когда смотришь эту картину, то иногда кажется, что летишь сам. В особенности, когда ракета приближается к Луне, и они все в ракете плавают по воздуху.

Очень страшный момент, когда академика Седых на Луне придавливает камнем. Камень так и надвигается, вот-вот совсем завалит. А что тогда будут делать Андрюша и Марина, ведь они не умеют управлять ракетой. Марина и Андрей очень

далеко. Они потеряли академика. И только случай спасает академика от неминуемой гибели.

Вообще картина очень интересная, и надо, чтобы все ребята ее посмотрели. Но в ней есть много неправдоподобных моментов. Во-первых, как это так получается, что Андрюша и Марина видят вспышку с Земли. Ведь у них нет телескопов, а как же без телескопа это можно увидеть?!

Потом непонятно, как они разговаривают между собой.

Почему не показан обратный путь на Землю? Откуда вдруг взялся парашют?

Очень жалко еще, что картина не звуковая. Если бы она была звуковой, это была бы очень хорошая, замечательная картина.

Леня Черток, Надя Трубленкова, Галя Ермолаева, Граня Буглай, Витя Терентьев, Толя Карулин, Лева Космарский

Лунный инженер

Ответ режиссера

Когда я решил сделать картину о полетах на Луну, я написал письмо Константину Эдуардовичу Циолковскому. Он мне немедленно ответил, и я приехал к нему в Калугу. Я прожил там несколько дней, и память об этом замечательном человеке останется у меня на всю жизнь. Он очень много и подробно рассказывал мне о том, как будут люди летать на Луну, какие будут построены аппараты, как будут чувствовать себя на Луне. Циолковский говорил очень горячо, жестикулировал и все время шутил. Мы привезли ему большую куклу, и он на ней показывал, как будут люди передвигаться на Луне.

После этого я начал делать картину. Константин Эдуардович несколько раз рассматривал декорации и эскизы картины, которые я присылал ему. Он делал очень много замечаний и поправок.

Эту картину «Космический рейс» мы начали делать полтора года назад. Многие ребята, наверное, удивятся, почему так долго мы делали эту картину. Дело в том, что сделать научно-фантастическую картину не так легко: мне пришлось прочесть очень много книг Циолковского о полетах на Луну, прочесть Жюль Верна «Из пушки на Луну» и много книг иностранных специалистов.

Очень много нам пришлось поработать, пока мы нашли способ, как снять людей, когда они попали на Луну. Ведь совершенно ясно, что на Луне будут ходить не так, как на Земле. Ребята, которые видели картину «Космический рейс», говорили мне, что это сняты не люди, а куклы. Это неверно. В действительности полеты совершали актеры фильма. Мы делали это так: высоко над декорацией мы укрепили систему блоков, через которые проходили крепкие канаты. К этим канатам прикрепили резиновые амортизаторы, которые употребляются при запуске планеров. От них шли крепкие, стальные тросы. А под платьем у артистов были надеты специальные металлические корсеты, к которым эти тросы прикреплялись. Мы так замаскировали все тросы, что их на картине совершенно не видно. При помощи блоков мы перебрасывали артистов с одного места на другое, и создавалось впечатление, что они летают по воздуху.

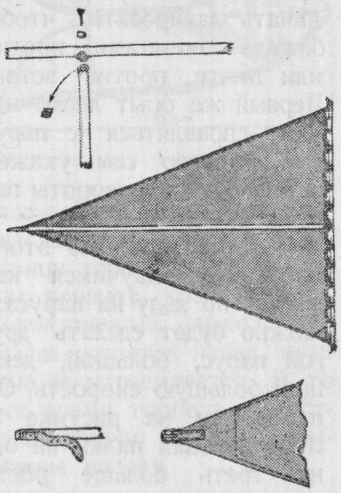
Вы представляете себе, конечно, ребята, как это приятно висеть в воздухе на канате! Но наши артисты смелы не только на картине, они такие же в жизни. Они хорошо натренированы, много занимаются физкультурой. Это нам очень пригодилось при с'емке фильма. Андрюша даже установил себе специальный физкультурный режим: утром он делал зарядку и обтирание, после обеда устраивал себе мертвый час, много бегал, ложился спать всегда в одно и то же время.

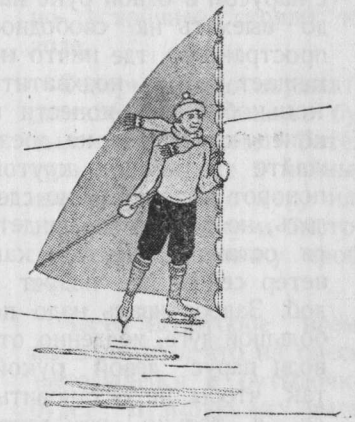
Артист тов. Комаров, который играет академика Седых, до того, как он стал киноартистом, был инструктором по физкультуре. А Марина (артистка Москаленко) — очень хорошая тенисистка.

Вы спрашиваете меня, ребята: почему мы не показали, как ракета летела обратно? Верно, ребята, мы многого не показали, но дело в том, что если бы мы захотели показать вам все, до мельчайших подробностей, вам бы пришлось смотреть картину 5 часов, а то и весь день.

Многие из вас, я знаю, очень интересуются полетами на Луну. А когда я познакомился так близко с возможностью полететь на Луну, стал почти «лунным» инженером, моя самая большая мечта сейчас—это действительно полететь на Луну.

В. Журавлев





Зимой на парусах

Ветер — двигатель, и все, что способно двигаться, может передвигаться с помощью ветра. На лыжах или коньках, умело пользуясь ветром, научившись лавировать и управлять парусом, можно кататься весело и интересно.

С парусом легко бежать по ветру, а по пути назад — надо сообразить, как его поставить и по каким зигзагам выгоднее идти, чтобы легче вернуться обратно. Для этого надо, чтобы парус был легок, подвижен и легко управляем. Тогда научиться пользоваться на льду парусом будет нетрудно.

Для первых опытов лучше всего сделать парус в виде буквы Т. Бамбуковая или другая легкая палка в 140 сантиметров длиной соединяется посередине с другой, двухметровой. Соединение делается подвижным с помощью двух металлических петель, крепко ввинченных в палки. Наложенные друг на друга, они скрепляются небольшим болтиком с шайбой и гайкой так, чтобы палки вокруг болтика свободно вращались, то есть одна могла бы повернуться около болта, и обе оказались сложенными вместе.

Парус из прочного холста должен быть вырезан ввиде равностороннего треугольника, одна сторона которого равна 140 сантиметрам, а высота — 180 сантиметрам. Материю необходимо подрубить со всех сторон, а на короткой стороне прорезать и обшить (обметать) десять, одиннадцать круглых дырочек для обвязки, как показано на рисунке 2, короткой стороны паруса вокруг одной из палок, более короткой. Концы шнуровки, для которой надо подыскать прочную, крученую бичевку, завязываются с помощью металлических петелек, ввинченных в торцы палки.

На острый конец паруса нашивается ремешок с пряжкой, а обрезок ремня с дырочками набивается на длинную палку так, чтобы парус можно было натянуть не очень туго, но до возможного его выпрямления.

Выходя на лед, надо держать парус за короткую палку немного выше середины левой рукой, оставляя его свободно направляться по ветру. Это сразу же даст возможность сообразить, в каком направлении ветер дует, куда помчаться. Встав лицом по ветру, правой рукой охватывают среднюю палку, где это окажется удобнее, и притягивают парус к спине. Сейчас же надо упруго выпрямиться, иначе ветер сшибет с ног: парус

давит сзади на верхнюю часть тела, и можно с первого же шага разбить себе нос. Если ветра нет, то с парусом в одной руке надо выехать на свободное пространство, где ничто не мешает ветру подхватить конькобежца и понести в конец катка. Но не доезжайте до конца: крутой поворот хотя и можно сделать, но тотчас же придется остановиться, так как ветер сейчас же подует в лоб. Заворачивать надо по большой дуге, медленно отводя парус левой рукой, так, чтобы не остановиться, а только замедлить движение. Затем, поставив парус вдоль движения и помогая коньком одной из ног (в зависимости от направления поворота), надо начать лавировать, чтобы бежать зигзагами против или почти против ветра. Первый же опыт легко научит справляться с парусом, а ветер сам укажет выбор пути и повороты паруса около тела.

Когда с помощью этого паруса мы научимся кататься по льду на парусах, можно будет сделать другой парус, больший, дающий большую скорость. Он изображен на рисунке 3. Вертикальная палка на одну треть больше роста конькобежца; парус прямоугольный, нижний край которого равен росту, вторая палка идет от середины первой к острому концу паруса. Приготовление и натяжка паруса совершенно такие же, как у предыдущего, управление тоже мало чем отличается от первого. Но надо твердо помнить, что у этого паруса поверхность большая и гонит он быстро, поэтому при переходе на этот парус надо начать опыты при слабом ветерке, а научившись управлять им, постепенно переходить к поездкам при ветре более сильном. Имея оба паруса, следует выбирать тот или другой в зависимости от силы ветра: при слабом — больший, при сильном — тот, поверхность которого меньше.

С. Б.

Реактивные двигатели

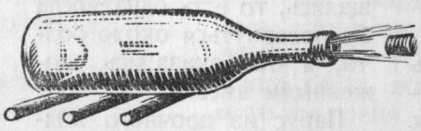
1. Газовая пушка

Давайте познакомимся с реактивными двигателями. Прежде всего соорудим маленькую пушку. Только эта пушка будет стрелять не порохом, а углекислым газом. На этой пушке мы проследим отдачу, которая является основой реактивного движения.

Возьмите обыкновенную бутылку, подберите к ней хорошую, целую, без трещин и дырочек пробку.

Бутылка будет служить нам пушкой, а пробка — снарядом.

Затем приготовим для нашей пушки подвижной лафет; для этого положим на гладкий стол три одинаковых круглых карандаша.



Когда все это сделано, всыплем в бутылку две столовых ложки соды или же просто зубного порошку и вслед за этим нальем полстакана обыкновенного уксуса.

Теперь нужно как можно быстрее крепко заткнуть бутылку пробкой и положить ее боком на карандаши. Через минуту раздастся выстрел, пробка с силой вылетит из горлышка бутылки, а бутылка вследствие отдачи откатится на карандашах далеко назад.

2. Торпеда

Из толстой бумаги вырежьте фигуру, изображенную на рисунке.

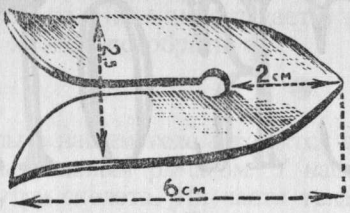
Размеры фигуры таковы: длина — 5 сантиметров и ширина — 2,5—3 сантиметра.

Расстояние между передним, острым концом этой фигуры и концом продольной щели, прорезающей фигуру, — 2 сантиметра: ширина щели — 0,5 сантиметра.

Как видно из рисунка, щель на конце имеет расширение в форме небольшого кружка.

Положите осторожно торпеду в какой-нибудь сосуд с водой, лучше всего в ванну, чтобы она касалась воды только нижней своей

частью, а верхняя часть была бы сухой. Затем обмакните палец в какое-либо масло: подсолнечное, касторовое или машинное — и капните каплю масла прямо в круглое отверстие, которым заканчивается щель.



Сейчас же вы увидите, как ваша торпеда быстро двинется вперед и остановится, только ударившись о край ванны.

Чем об'ясняется движение торпеды? Поверхностным натяжением, которое заставляет каплю масла разместиться по поверхности воды ввиде тонкой пленки. Распространению масла вперед (к острому концу торпеды) и в стороны мешают края бумаги. Единственный выход для масла остается назад, куда оно и устремляется. В то же время торпеда вследствие отдачи получает движение вперед.

3. Пароход с реактивным двигателем

Возьмите деревянный сухой брусок сантиметров 20 длиной, 5 сантиметров шириной и 2 — 3 сантиметра толщиной. Один конец этого бруска обстругайте с обеих сторон и заострите наподобие носа лодки.

В задней, четырехугольной части бруска посредине сделайте небольшой прорез. В этот прорез вставьте четырехугольный кусочек жести, вырезанный из какой-нибудь жестяной банки, — это будет руль судна.

Наконец, отступая сантиметров 5 от кормы, прорежьте насквозь небольшое продолговатое отверстие.

Корпус судна готов, теперь можно приступить к сооружению двигателя.

Достаньте небольшую бутылочку из-под чернил и подберите к ней хорошую пробку так, чтобы бутылочка плотно закрывалась. Нужна еще тонкая стеклянная трубка, приблизительно 20 сантиметров длиной и толщиной немного тоньше карандаша. Трубку эту нужно нагреть на огне примуса или даже просто свечой, согнуть так, как это показано на рисунке, и один ее конец немного оттянуть.

В пробке высверлите осторожно круглое отверстие и в него вставьте конец тупого (не оттянутого) колена трубки. Трубка должна очень туго входить в отверстие пробки, так, чтобы между стенкой трубки и пробкой не проходило воздуха. Трубку проденьте сквозь отверстие так, чтобы нижнее ее колено несколько выступало снизу бруска, а оттянутый конец был направлен назад. Все сооружение опустите на воду и установите бутылочку так, чтобы все судно устойчиво стояло на воде.

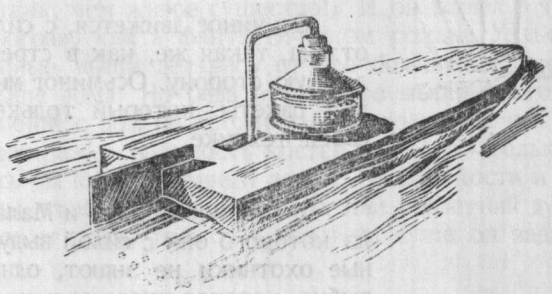
Теперь можно заряжать двигатель. Наполните бутылочку уксусом. Затем туда же всыпьте 2 чайных ложки толченого мелу или зубного порошку и быстро заткните бутылочку пробкой.

Через некоторое время вы заметите, что из смеси, находящейся в бутылочке, будет пузырьками выделяться газ.

Газ этот — углекислота.

Газ по трубке будет выходить через оттянутый конец в воду и силой отдачи будет двигать все судно вперед. Немного отгибая в ту или иную сторону жестяной руль, можно придавать судну желаемое направление.

Все эти опыты с реактивным движением могут быть проведены дома: на столе, в ванной. Они не требуют при изготовлении особой тщательности: даже грубо изготовленный прибор все-таки будет действовать, хотя действие его будет и значительно хуже действия прибора, изготовленного тщательно.



БИОСКОП

или сообщения о вещах мелких и крупных, видимых и невидимых, близких и далеких, известных и неизвестных

По воде можно ходить как посуху. Пауки, живущие на берегах прудов, часто с берега забегают на воду и продолжают бежать по ней как ни в чем не бывало. Водомерки чувствуют себя на воде как на беговой дорожке. Пассажиры океанских пароходов с изумлением замечают в открытом море сотни насекомых, которые опираются о воду длинными лапками и остаются совсем сухими. Ученые, рассмотревшие их вблизи, видели, как поверхность воды прогибается ямками под каждой их лапкой. Они могут даже делать огромные прыжки, и водяная пленка под ними не прорывается. Каждая их лапка покрыта восковым налетом, а воск не смачивается водой. Но если водомерку насильно утопить, то она только с трудом может снова выбраться на поверхность.

●

Если человек неподвижно ляжет на воду, он почти целиком погрузится в нее. А утка, когда плавает, почти вся над водой. Это происходит от того, что в густом пуху, покрывающем утку, всегда задерживается воздух. Утка берет с собой в воду как бы воздушный спасательный пояс. Если утку остричь, то вся ее ловкость в воде исчезнет без следа.

●

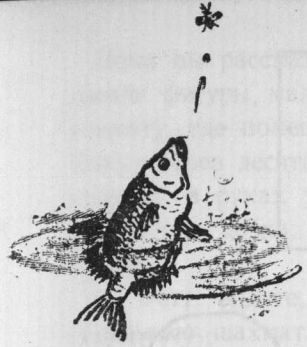
Охотники за черепахами переворачивают встреченную черепаху на спину и спокойно отправляются на поиски следующих. Перевернутая черепаха похожа на ваньку-встаньку, только тот не может упасть, а эта не может подняться. Не лучше черепахи приходится и перевернутому жуку. У жука-щелкуна есть особое приспособление, вроде пружинки, которое подкидывает его в воздух, если он перевернется. Четыре ноги—такая прочная опора для многих животных, что они могут стоя спать. Наоборот, аист, стоящий на одной ноге, похож на треугольник, который поставлен на угол. Что означает любовь к такому неустойчивому положению у длинноногих водяных птиц, ученые до сих пор хорошо не знают.

●

Осьминог движется, с силой выбрасывая из себя струю воды. Тогда отдача, такая же, как в стреляющем ружье, толкает его в противоположную сторону. Осьминог миллион лет с успехом применяет тот принцип ракеты, который только теперь учится использовать человек в своей технике.

●

У туземцев Индии и Малайского архипелага в ходу духовое ружье, из которого они с силой выдувают отравленные стрелы. Ловкие туземные охотники не знают, однако, что на их родине живет маленькая рыбка, которая много дольше их пользуется таким же духовым ружьем.



Это индийский брызгун. Высмотрев насекомое в полуметре от себя, он чрезвычайно метко стреляет в него каплей воды из отверстия возле глаз—брызгальца. Насекомое падает в воду, и рыбке-охотнику остается только без хлопот подобрать его.

●

Мускулы в нашем теле находятся снаружи костей. Они управляют костями как сильным рычагом. У насекомых, наоборот, мускулы находятся внутри скелета. Их части тела движутся так, как если бы их дергали за веревочки, привязанные изнутри, или как, скажем, раскрывается и закрывается веер, — быстро, но без особой силы. Они выигрывают в скорости, проигрывая в силе. Поэтому насекомые слабее, но подвижнее нас.

Трое друзей, вернувшись из цирка, поспорили об удивительных силачах.

— Я прочел в газете,—сказал один,—что построена авиэтка-блоха, крошечный самолет, весом в 200 кило. Борец, которого мы видели, взвалит эту авиэтку на плечи и сам вынесет ее из ангара. Он может поднять, значит, почти тройной свой вес. Что удивительнее такого силача?

— Вы знаете об авиэтках, но плохо знаете биологию,—возразил второй.—Слон подымает целую пальму, со стволом, листьями и кокосовыми орехами. Эта сила удивительнее силы вашего борца.

— Хорош биолог!—сказал третий.—Пальма весит меньше слона, и слон, по совести, даже слабее человека. Сильней их обоих тот, кто в тысячу раз меньше их обоих,—муравей. Неужели вы не видели, как муравей тащит комья земли в десять раз больше себя, и ему нипочем? Нет силача удивительнее шестиногого лесного чемпиона!

Но третий друг также плохо знал биологию. Если бы человек был ростом с муравья, он подымал бы тяжести в сотни раз больше самого себя. Крохотный человечек, который весил бы в миллион раз меньше нас, был бы слабее только в десять тысяч раз. Это произошло бы потому, что сила мышц зависит от площади поперечного разреза мышц, а поперечный разрез всех предметов уменьшается гораздо медленнее их об'ема и веса. Мальчик-с-пальчик не только в сказке, но и на самом деле побеждал бы гусениц и прочих зверят ростом как он. Самым удивительным силачом на свете оказывается человек!

●

Один ученый, написавший огромную книгу о «Красоте в природе», восторгался стройными формами тела мыши. Щеголеватая оса с талией, затянутой в ниточку, и тонким полосатым брюшком казалась ему грациозной плясуньей-балериной. Травы на лугу и крошечный лес из мха на болоте восхищали его гораздо больше чем настоящий лес с толстыми стволами в два обхвата. «Вы только сравните,—писал этот ученый,—мышь со слоном или носорогом; ноги—тумбы, не кожа—броня; это скорее танк, чем живое существо!» И он жалел о том, что нет такой «пищи богов», как в фантастическом романе Уэльса, чтобы маленькие стройные мыши делались от нее больше слона и луговые травы росли выше дома. Но беда в том, что мыши ростом с мамонта и травы вышиной с дом не прожили бы и получаса: вес их увеличился бы в миллион раз, а прочность костей и стебля—только в сто раз. Они развалились бы как карточный домик. Нужны кости и стволы непомерной толщины, чтобы выдержать слона или столетний дуб.

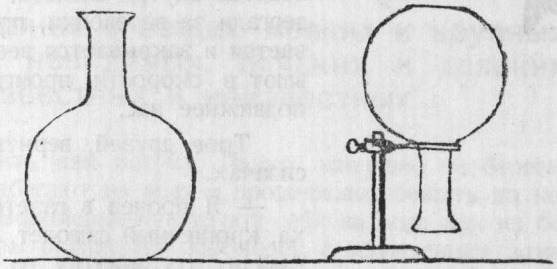
Кит вообще может жить только в воде: на суше он задавил бы сам себя.

Загадки доктора Каррабелиуса

АЗОТ И ВОДОРОД

Перед вами две колбы. Они наполнены газом: в одной водород, в другой азот.

Укажите: в какой колбе какой газ?



ПРЯМОУГОЛЬНИК

Начертите прямоугольник, стороны которого относились бы друг к другу как 1 : 2.

Просто, не правда ли? Погодите, дальше будет труднее.

Вооружитесь ножницами и разрежьте прямоугольник на две части так, чтобы из них можно было сложить прямоугольный треугольник. Подумайте: нельзя ли разрезать прямоугольник:

а) на две части и сложить равнобедренный треугольник,

б) на три части и сложить квадрат,

в) на четыре части и сложить квадрат,

г) на пять частей и сложить квадрат,

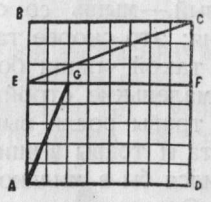
д) на пять частей и сложить два одинаковых ромба?

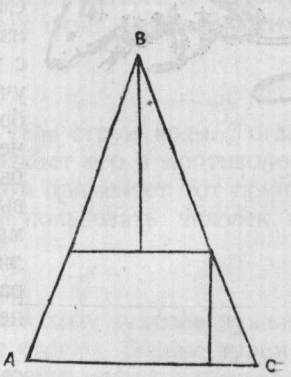
Волшебная доска

Жил был маленький мальчик. Он презирал игрушки с самого раннего возраста. Зато он страшно любил геометрию. Вынет, бывало, из стула круглое сидение, распилит его на мелкие кусочки и составит ромб!

Родители старались прятать от него хорошие вещи подальше...

Наднях этот мальчик пришел в редакцию и принес хороший портрет Гоголя. Портрет был разрезан на большое число кусков, из которых складывалось восемь различных геометрических фигур.





Пока мы рассматривали портрет и складывали фигуры, мальчик вышел в соседнюю комнату, где помещался красный уголок. Минут через десять он вернулся. Мы так и ахнули: в руках у него была прекрасная шахматная доска, разрезанная на четыре части!

— Вот, видите, — сказал мальчик, — я складываю шахматную доску так, как она была.

— Ох, лучше бы ты ее не «раскладывал»! — сердито сказал наш художник.

— Сосчитайте, сколько в ней клеток.

Мы сосчитали. Получилось 64 клетки.

— А теперь я сложу из кусков этой доски треугольник. — Мальчик быстро сложил равнобедренный треугольник.

— Сосчитайте, сколько в нем клеток.

Мы вспомнили, что площадь треугольника равна половине произведения основания на высоту. Сосчитали основание — 10 клеток, сосчитали высоту — 13 клеток (и надо же так изуродовать шахматную доску!!), перемножили — получилось 130, разделили пополам и получили 65 клеток!!

Стали мы думать, откуда взялась лишняя клетка. В это время мальчик убежал.

Доску склеил столяр. После этого в ней опять стало 64 клетки.

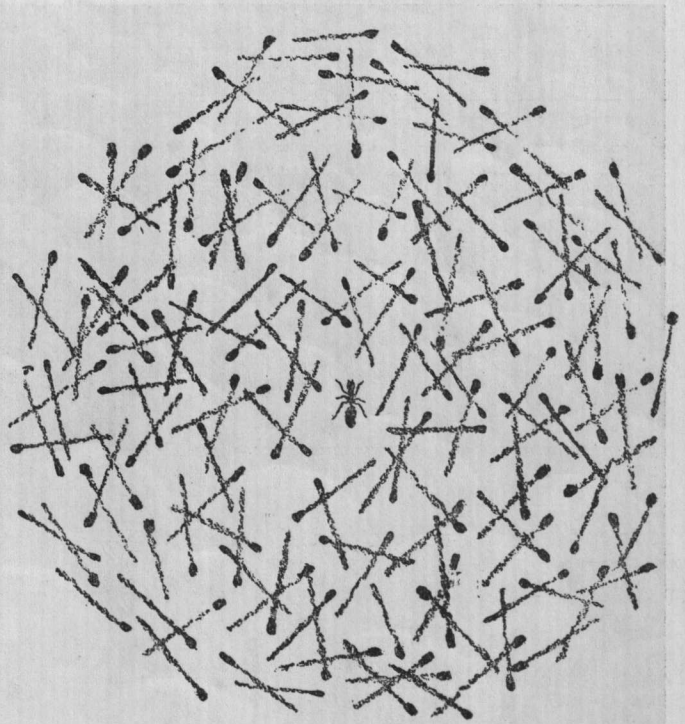
А вот откуда появилась 65-я клетка, пока доска была треугольником, догадайтесь вы сами!

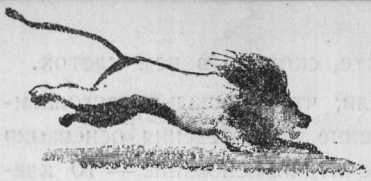
МУРАВЕЙ

Одна девочка взяла спички, чтобы зажечь лампу. Открыв коробку, она увидела большого рыжего муравья. Девочка вскрикнула и уронила коробку. Спички рассыпались.

Муравью очень надоело сидеть в коробке вместе со спичками, поэтому он, очутившись на свободе, захотел поскорее убежать. Но куда бы он ни сунулся, везде лежат опротивившие ему спички, через которые он лезть ни за что не хочет.

Как вы думаете, удастся ли муравью выбраться из окружающих его спичек, не перелезая через них?





Лев и коза

Однажды в Африке свирепый лев погнался за домашней козой. Расстояние между козой и львом было 100 метров. Лев бежал вдвое быстрее козы.

Хозяин козы поднял переполох, сбежались охотники и убили льва.

— Напрасно вы беспокоились, — важно сказал случайно оказавшийся в поселке профессор (он, кажется, приехал с научной экспедицией), — все равно лев не догнал бы козу...

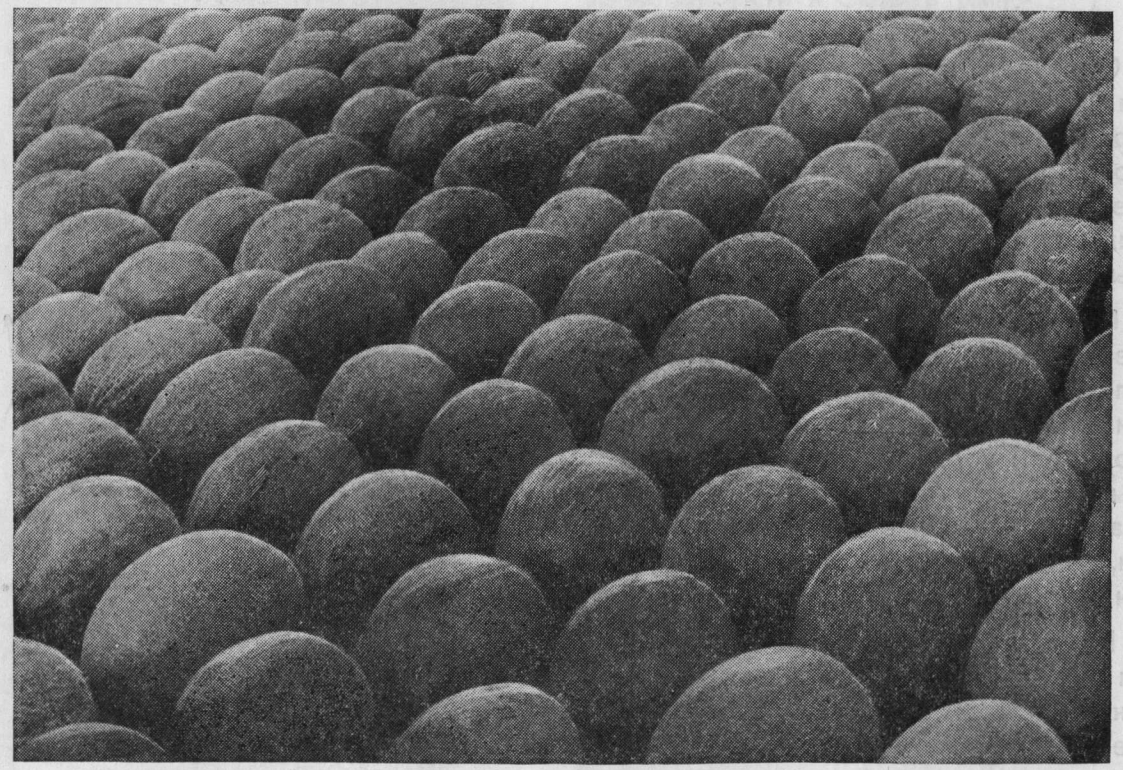
— Как так?! — удивились охотники.

— Да очень просто: пока лев пробежал бы 100 метров, коза проскакала бы 50. Пока лев пробежал бы новые 50 метров, коза ушла бы от него еще на 25 метров и так далее. Допустим, что расстояние между ними сократилось до 1 сантиметра. Казалось бы, лев должен сейчас схватить козу. Но пока он пробежит этот сантиметр, коза успеет пробежать еще полсантиметра. Таким образом между когтями льва и козой всегда будет хоть самое маленькое расстояние. Вот! А вы беспокоились, стреляли!..

Охотники задали трепку хозяину козы за то, что он зря поднял крик, вежливо поблагодарили профессора за науку и разошлись по домам.

Как вы думаете, прав ли был профессор?

Что это такое?



Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ**

Сдано в набор 28/XII-1935 г. Подписано к печати 10/II-1936 г. Изд. № 175 Формат 82×110 см.

8 п. л. 80.640 зн. в печ. листе

Уполномоченный Главлита № Б—19205 Зак. № 2890 Тираж 70.000.

Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.

МЕЖРАБПОМ-ФИЛЬМ

Закончен производством
и выпущен на экраны Союза
звуковой художественный фильм

„По следам героя“

Автор-режиссер — В. Немоляев.
Оператор — А. Петров.
Композитор — С. Потоцкий.
Звукооператор — Н. Озорнов.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Тетя Маша—заслуженная артистка Республики В. Окунева.
Милиционер—заслуженный артист Республики М. Жаров.
Сторож Данилыч—заслуженный артист Республики В. Ванин.
Участвуют Герой Советского союза В. Молоков и дети.

Производство „Межрабпомфильм“

Петя Пешеходов и Трофим Карлович Беда

А. М.

Рисунки А. Каневского

На следующей странице обложки мы начинаем рассказы о приключениях Трофима Карловича Беды и Пети Пешеходова. Они были друзьями. Один из них был длинный, другой — короткий. Один был почтенным человеком и счетоводом сберкассы, другой — просто маленьким мальчиком. Один — в очках, другой — без очков. Один — серьезным, другой — легкомысленным.

Да, Петя Пешеходов был страшный непоседа и егоза. Ни одной минуты ему не сиделось спокойно на месте. Постоянно он дергал свою длинную бороду, снимал очки, пытался ерошить волосы на голове. Но ерошить там было нечего: Петя был совершенно лыс...

Что таков? Почему лыс, какую бороду?

Ничего такого. Мы вовсе не перепутали.

Петя Пешеходов был счетовод, почтенный лысый человек.

Нам не удалось выяснить отчество Пешеходова, и было ли у него вообще какое-нибудь отчество. Все его зовут просто Петей, и он никогда не обижается.

— Я маленький мальчик,—говорит он. — А борода у меня выросла чисто случайно. Не обращайте на это внимания.

Мы просим и читателей не обращать на это никакого внимания и называть Пешеходова просто Петей. Петя Пешеходов всегда молод. Он бодр. Резв. Любит спорт и игры. Он часто увлекается чем-нибудь: на службе, в письменном столе он развел живых черепах, они съели какие-то важные бумаги, и Петя получил за это выговор. Когда по улице идут красноармейцы с музыкой, он шагает впереди оркестра, размахивая руками, вместе с ребятишками. Однажды он подрался с ребятами из-за городков, и те его побили.

Однажды... Впрочем, обо всем этом мы еще расскажем читателям.

Вот как Петя познакомился с Трофимом Карловичем.

Цена 1 р. 30 к.

М1428
П 29
34

1

Петя Пешеходов сидел в выходной день дома и читал какой-то роман о приключениях ковбоев в Южной Америке. «Я ковбой, — сказал он себе. — Как это я не мог догадаться раньше. Я живу в жарких прериях», — и распахнул окно. Правда, на дворе стояла зима, но Петя не обращал на это внимания. Единственное, что отвлекало его, — это какая-то черная фигурка за окном, метавшаяся на одном коньке по льду. Одним глазом он пытался читать роман, а другим — следить за фигуркой. Но ничего из этого не вышло.

— Я умру, — сказал он, наконец, — если не узнаю тотчас же, кто это там бегает.

2

У Пети тоже был один конек. Быстро надев его и накинув шубу, он выбежал на бульвар и примчался к неизвестному конькобежцу.

Некоторое время они молча и хмуро смотрели друг на друга.

— Я ковбой, Петя Пешеходов, — наконец, сказал счетовод строго.

— Ну, и что ж. А я — Трофим Карлович Беда, ученик 99-й школы.

— А я могу свистеть по-соловьиному, — сказал Петя.

— Подумашь... А я... Ты еще не умеешь так ездить на коньках, — и Трофим Беда помчался по льду.

3

Этого не мог вытерпеть счетовод Пешеходов. Ни слова не говоря, он бросился вдогонку. Скоро он молча мчался рядом с Трофимом Бедой. От обиды лицо его стало красным. Носом он разрезал воздух. Правая нога его непрерывно мелькала в воздухе, это он отталкивался от земли своим тяжелым валенком. Долго слышались лишь их сопенье и изумленные возгласы прохожих.

Наконец, Трофим увидел, что ему не перегнать Пешеходова. Он остановился и протянул Пете руку. Так они стали приятелями.

4

Тут блестящая мысль осенила Пешеходова.

— Трофим Карлович, — сказал он, — у нас четыре ноги?

— Сейчас я посмотрю таблицу умножения. Да, дважды два — четыре.

— В таком случае у нас одна нога лишняя!

— Петя, не говори глупостей! — строго сказал Трофим Карлович.

— Нет, не глупости. Мы свяжем две ноги вместе, и нам будет легче отталкиваться.

Так они и сделали. На трех ногах и двух коньках вскоре они стрелой мчались по льду.

Ц. 193 г.
Акт № 73